

Уперенко Н.А., Кузнецов Э.А.

**Междисциплинарно-инновационные проблемы
истории экономики
и
менеджмента**

In nomine patris et spiritus sancti

**Междисциплинарно-инновационные проблемы
истории экономики
и
менеджмента**

Одесса 2013

**Одесский национальный экономический университет
Одесский национальный университет имени
И.И.Мечникова**

**Уперенко Н.А.
Кузнецов Э.А.**

**Междисциплинарно-инновационные проблемы
истории экономики и менеджмента**

Одесса 2013

УДК 330.101.5

ББК 6516

У 66

Рецензенты:

Доктор экономических наук, профессор Кучеренко В.Р.

Доктор социологических наук, профессор Онищук В.М.

Уперенко Н.А. Кузнецов Э.А.

Междисциплинарно-инновационные проблемы истории
У 66 экономики и менеджмента.

Монография. / Под ред. Уперенко Н.А. – О.: Наука и техника.
2013. - с.

ISBN 978-966-8335-74-7

В монографии рассматривается ряд актуальных междисциплинарно-инновационных проблем современных социально-экономических наук. Работа рассчитана на аспирантов, докторантов, молодых ученых, а также студентов, принимающих участие в научном поиске.

Печатается по решению Ученого совета Одесского национального университета имени И.И. Мечникова.

Протокол № от 2013г.

ISBN 978-966-8335-74-7

Наука и техника

С о д е р ж а н и е

Глава 1. Проблема разработки инверсионно-полевых представлений о развитии в экономической истории и экономической теории

Глава 2. Соотношение инверсионности и системности. Неизбежность и преимущества совершенствования системного подхода

Глава 3. Человек в инверсионных полях. К проблеме познания жизнедеятельности человека в социально-экономических науках.

Глава 4. Историко-экономические особенности восточно-славянского менталитета и современность.

Глава 5. Историко-экономическая эвристика на рубежах современного управления и права.

Глава 6.

Предисловие

...Современная наука основана
на синтезе знаний

Г.Башляр

Кризис современной экономической теории, истории экономики и экономической мысли в значительной степени обусловлен их жесткой обособленностью, катастрофическим отставанием междисциплинарных методологических исследований. Это же следует сказать о теории и истории менеджмента.

В то время, когда экономические и социальные объекты усложняются, совершенствуют и расширяют свои структурно-функциональные связи, становятся всё более интегрированными инновационно-сетевыми образованиями, - отражающие их науки остаются малодинамичными и равнодушными к происходящим качественным изменениям. О негативных последствиях этой тенденции писал ещё Д.М.Кейс: «Тот факт, что за построениями современной экономической теории, - отмечал он, - часто кроется предположение о статическом состоянии, - вносит в неё значительный элемент нереальности». Иными словами: содержание науки становится ущербным, не соответствующим действительности. Это в свою очередь нарушает один из основных принципов дидактики высшей школы – принцип научности изложения, включающий познание методологии изучаемых явлений. Уровень профессиональной направленности обучения снижается. Но главный удар в этих условиях наносится по формированию способности будущего специалиста к творчеству. Лишённые глубинных связей, обособленные, фрагментарные знания встают труднопреодолимой, глухой стеной на пути оригинального, креативного мышления. Преобладают стереотипы. Способность к творчеству, к повышению интеллектуальной конкурентоспособности глохнет. В высшей школе, таким образом, задача ускоренного возрождения междисциплинарных методологических исследований теснейшим образом переплетаются с необходимостью кардинальных инновационных изменений в содержании наук и в подготовке творчески мыслящих специалистов. Синтез знаний на основе

конструктивно-инновационных идей становится одним из важнейших направлений развития экономических и управленческих наук. Необходимо срочно преодолевать их феодальную обособленность. «Различные дисциплины, - писал по аналогичному поводу Норберт Винер, - есть не более чем административная условность, нужная лишь для удобства распределения средств и сил. ...Каждый творчески работающий ученый волен ломать любые перегородки, если это нужно для успеха его работы». (Н.Винер Кибернетика М.: Наука. 1983 – 344 с. С.11)

На практике такая ломка часто связана с созданием единой методологической платформы, сближением и последующей интеграцией знаний. В предлагаемой авторами экспериментальной работе как раз и идёт речь о таком варианте. Выбор основных проблем исследования обусловлен, преимущественно, той ролью, которую они исполняют в ходе междисциплинарного синтеза. Это проблемы совершенствования трактовки процесса развития, системного подхода и теории систем, реинтеграции человека в экономические и управленческие науки, роль ментальности и эвристического мышления. Инновационный характер их постановки, в понимании авторов, состоит в следующем:

- а) впервые предложенная в экономических науках инверсионно-полевая трактовка процесса развития нацелена на интеграцию научного принципа развития, на преодоление статичного подхода к экономическим объектам и явлениям и переход от современной теории роста к междисциплинарной теории развития экономических систем;
- б) постановка вопроса о соотношении инверсионности и системности открывает перспективы дальнейшего совершенствования системного подхода и теории систем. Учитывая, что теория сложных систем является одной из общих оснований истории и теории макроэкономики, - можно надеяться на дальнейшее теоретико-методологическое усиление и сближение этих наук;
- в) реинтеграция человека в социально-экономические и управленческие науки, кроме расширения их теоретико-методологических взаимосвязей позволит:

- В истории экономики

интегрировать представления о духовных производительных силах человека, семьи, организации, общества;

- интегрировать представление о духовной составляющей процесса развития социально-экономических систем;

- внедрить в процесс историко-экономического познания постоянный уровневый мониторинг жизнедеятельности человека, тенденций его качественных характеристик, включая качество жизни, социума и среды выживания;

В экономической теории

- уточнить содержание категорий «человеческий капитал» и «социальный капитал»;

- перейти к трактовке макроэкономики с позиции теории сложных систем;

- обосновать (спрогнозировать) вероятность возникновения нового рыночного сегмента – рынка духовных услуг (на уровне личности, семьи, организации, прослойки, партии, движения и т.д.);

В менеджменте

- создать менеджмент духовных производительных сил личности, семьи, организации;

- разработать основы менеджмента духовно-кластерных производственных структур;

- создать менеджмент социальных сетей как механизм общественного воздействия на систему современных социально-экономических явлений.

Из всего сказанного следует, что в условиях современной высокодинамичной, инверсионной действительности междисциплинарно-инновационный подход, неорационализм и эвристическое мышление становятся главными союзниками учёных-новаторов.

Пожелаем же им успеха. Пора объединить усилия. Время не ждёт.

Глава I. Проблема разработки инверсионно-полевых представлений о развитии в экономической истории и экономической теории

Динамическая теория
изменений – именно этого
недостает современной
экономической науке
Д.Норт

В современных экономических науках единая общепризнанная теория развития экономических систем, подсистем, явлений и процессов все еще находится в стадии становления. Ее роль, в известной степени, выполняют различные варианты факторной теории экономического роста. Но последняя имеет целый ряд недостатков. Наиболее существенными из них являются:

1. узкопрагматическая, утилитарная направленность, оттесняющая на задний план проблематику разработки теории углубленного, всестороннего анализа процесса развития экономических систем;

2. неспособность, как отмечает М.Блауг «пролить свет на фактический экономический рост в реальных экономиках» (3);

3. определенная методологическая «нестыковка» факторного и системного подходов, в результате которой консервируются статические представления о системах;

4. игнорирование неоклассического мышления, возникшего под влиянием теории термодинамики и теории относительности Эйнштейна – Лоренца – Пуанкаре, в частности, представления об инверсионности развития. Отрицательными последствиями перечисленных недостатков стали малоисследованность инверсионных явлений, устранение из методологии экономических исследований ее сердцевины – научного принципа развития и продолжающийся кризис историко-экономических и теоретических знаний. Преодоление этой ситуации и ускорение процесса создания междисциплинарной теории развития в значительной мере связано с интеграцией инверсионных представлений о развитии в экономическую историю, экономическую теорию и другие гуманитарные науки.

Проблематике развития экономических систем, подсистем, явлений и процессов посвящено множество исследований. Особой содержательностью отличаются труды И.А.Шумпетера (30), Р.Р.Нельсона и С.Д.Уинтера (16), М.К.Тодаро (21), Р.Ф.Харрода (26), Д.Форрестера (25), Д.Х. Медоуз, Д.Л.Медоуз и К.Рэндэра (15), О.Тоффлера (22), Д.Норта (17), Д.Хикса (27), Ф. Броделя (4), Р.Камерона (11), а также российских и украинских ученых Ю.Н.Бажала (2), С.Ю.Глазьева (5), С.С.Дзарасова (7), Г.М.Елфимова (8), Е.А.Ерохиной (9), Д.С.Львова (13), Поповой В.В. (19), А.С.Филипенко (24), В.К.Черняка (28) и других. Благодаря усилиям многих ученых достигнуты существенные результаты в понимании экономического роста и процесса развития в целом. Более содержательными и четкими стали представления о роли технического прогресса, институтов, изменений в структуре производства. И хотя линейные схемы развития не были полностью преодолены, - оно предстало как сложный, многосторонний, противоречивый системный процесс. Но исследование механизмов и специфики его внутрисистемных качественных изменений существенно отставало. В частности, за пределами внимания оказалась инверсионность развития. Поэтому вопросы как исследовать «изнутри» качественные изменения в развитии (29) и с чего начинать разработку теории динамических изменений в экономической науке (17) во многом оставались открытыми.

Настоящая глава предлагается в качестве ответа на эти вопросы. Ее цель – постановка и начало разработки проблемы интеграции инверсионно-полевых представлений о развитии в экономической истории и экономической теории.

Отдавая должное многочисленному отряду историков и экономистов, исследовавших динамику экономических явлений, процессов, подсистем и систем, отвлечемся на время от традиционных подходов и обратимся к малоисследованному классу явлений – необратимым качественным изменениям. Именно они, по мнению многих ученых, лежат в основе развития. Сформулируем исходный проблемно-исследовательский вопрос таким образом: каковы механизмы внутрисистемных качественных изменений? Ответ, естественно, придется искать в масштабной историко-экономической действительности, несколько изменив ракурс видения и внимательно всматриваясь в, казалось бы, давно известные, аксиоматические факты. Итак, начнем с подсистемы

производительных сил. Общеизвестно, что в машиностроении периода промышленного переворота несовершенные, ручные орудия труда и механизмы были вытеснены более совершенными – машинами. В результате, в металлообработке, к примеру, начали преобладать монофункциональные механические станки. Через определенное время на смену им приходит многофункциональное оборудование, выполняющее уже несколько производственных операций. То есть, инверсия замены одного качества другим сочеталась с инверсией соединения ранее не соединимых функций. При этом поле положительных последствий существенно расширялось. Но процесс качественных изменений продолжался. Со временем появились станки-автоматы. За ними последовали станки с программно-числовым управлением. На этом этапе качественные изменения в оборудовании все больше перемещались с макро на микро уровни. Поле инверсионных последствий увеличивалось. Тенденция перехода от внешних к внутренним инверсиям начала преобладать. Существенную роль в данном процессе сыграла микропроцессорная революция и последовавшая миниатюризация основных блоков компьютерных систем. На этой основе, кроме всех прочих последствий, открылась возможность перехода от механических к интеллектуальным роботам. Они возникли в результате внешних инверсий: имитации, соединения ранее не соединимого, перемены мест и т.д. Но определяющей в их структуре все же была внутренняя инверсия и возможность осуществления инверсионно-интеллектуальных манипуляций. Следует подчеркнуть, что тенденция к внутренним инверсиям не означает вытеснения внешних. В том же машиностроении, но уже во второй половине XX века наблюдаются следующие явления. Возникшие на базе электронного оборудования производственные ячейки объединяются с автоматическими транспортными линиями и системой компьютерного управления. В результате этой инверсии соединения возникает качественно новое образование – гибкая производственная система. Обратим внимание на следующее. Эта система так же имеет свое поле последствий, возникшее в результате инверсии. В его структуру входят: повышение степени технологической интеграции, изменения в структуре и организации труда, снижение издержек производства, улучшение качества продукции и т.д. Но в структуру поля входят также и производные инверсии: напластования, «подтягивание» качеств смежных звеньев. Гибкая производственная

система требует гибкости управления, нового качества рабочей силы. В пределах каждой подсистемы хозяйства, с течением времени, внутренние и внешние инверсии взаимодействуют, накапливаются и формируют, таким образом, этапные уровни ее развития. Инверсионно развитые системы, как правило, производят внутренне инверсированные продукты (орудия, машины): ноутбуки, кухонные комбайны, сеялки-вертолеты, комбайны сельскохозяйственного назначения, включающие высев зерна, внесение удобрений, сбор и первичную обработку урожая; орбитальные станции с многочисленными исследовательскими модулями и т.д. В каждом классе объектов, явлений, процессов, инверсионность, кроме общих черт имеет и свои особенности. Возьмем, к примеру, эволюцию энергетических двигателей. Изобретение парового двигателя в свое время стало итогом целого ряда внешних инверсий. Но основным его отличием от предшествующего водяного двигателя была все та же внутренняя инверсия: превращение тепловой энергии в механическую. С этого времени внутренние инверсии и в данном классе механизмов начинают преобладать, а в XX веке становятся доминирующими. Более того, они дополняются инверсиями нового вида – переходом к качественно противоположным, новым источникам энергии. На этой основе, в свою очередь, возникает инверсия качественного «разветвления», в ходе которой двигатели делятся на электрические, паротурбинные, реактивные, магнетогидродинамические, атомные, криогенные, водородные и т.д. Общее поле их базового воздействия на энергетику, производство, транспорт и другие сферы хозяйства общеизвестно. Следует подчеркнуть, однако, что это воздействие как и результаты функционирования станков-автоматов, гибких производственных систем и других орудий и структур, стало возможным в результате исходной инверсии – инверсии уже добытых знаний и дополнительного интеллектуального труда в продукт производства. Естественно, в этих условиях структура стоимости продукта так же претерпевает существенные инверсионные изменения. Об этом будет сказано позже. А пока, продолжая дальнейшее рассмотрение вопроса, отметим, что инверсионность в целом и тенденции перехода от простых к усложненным инверсиям характерны также для сферы труда и технологий. Традиционные материалы постепенно заменяются здесь инверсионными материалами-композитами: металлопластиком, стеклопластиком, магниево-литиевыми сплавами,

металлокерамикой и т.д. При этом в результате инверсии соединения ранее не соединимого и в этой сфере, в каждом отдельном случае возникает сеть производных последствий, образующих инверсионное поле. Совокупность полей может иметь ряд общих черт. В рассмотренном случае в структуру полей входят: вытеснение обычных предметов труда, новые технологии их получения и обработки, снижение издержек производства, повышение качества изделий, изменения в организации труда и др. Аналогичные полевые образования возникают и в результате инверсии разделения ранее единого в области производственных технологий. К ним относятся коксование угля, гидролиз древесины, флотация рудных компонентов, нефтеперегонка, превращение воздуха в жидкость с последующим разделением на азот, кислород, аргон и многое другое. Инверсионно-полевую структуру имеют также технологии, в основе которых лежат инверсии превращения: графита в алмаз, песка в кремний, азота в кислород, хозяйственных отходов – в строительные материалы, древесины в сырье для производства горючего и т.д. Подобная ситуация наблюдается и в инверсиях перехода к качественно противоположному - от старых механических методов обработки металла к электроэрозионному, электронно-ионно-лучевому, ультразвуковому, плазменному и другим способам. В металлургии к этому классу инверсий относится прямое восстановление металла из руд, биометаллургия меди, производство металлов с заданными свойствами, получение новых сортов стали на основе добавок и др. Инверсии не всегда строго связаны с прямыми динамическими действиями (разделение, соединение, превращение). Часто здесь, как и в машиностроении, в результате аккумуляции возникает качественно новая ступень, служащая условием формирования совершенно иных, усложненных инверсий. В 80-х годах XX века, к примеру, появился новый класс полупроводниковых материалов, так называемые гетероструктуры с широким спектром производственного использования. На их основе были созданы лазеры для систем дальней волоконной связи. Возникла качественно новая сфера передачи информации. Вместе с тем, инверсия «разветвления» самих лазеров на твердотельные, аргоновые, рубиновые и другие, позволила существенно расширить поле их применения, включая лазерную резку, термоупрочнение стали, соединение лазерных технологий со штамповкой, лазерное печатание и др. Таким образом, кроме прямых четко направленных инверсий можно

говорить о ступенчатых инверсионных связях, когда одно фундаментальное качество создает условия для творчески эвристического формирования других инновационных качеств с широким кругом инверсионных последствий. Такого рода инверсии, как правило, включают элемент неопределенности и неупорядоченности.

Инверсионность характеризует также и процессы качественных изменений в сфере труда и его основного агента – непосредственного производителя. Широко представлены здесь инверсии перехода к противоположному: от простого труда к сложному, от физического к интеллектуальному, от разделения к объединению работ и др. Наблюдается переход от простых к усложненным формам мотивации труда. В экономически развитых странах от сдельной и повременной оплаты труда постепенно переходят к коллективному подряду, фиксированному вознаграждению каждого рабочего с премиальными доплатами по конечному результату работ. Что касается непосредственного производителя, то старая тенденция вытеснения человека машиной сохраняется. Постоянная угроза увольнений усиливает процесс психологической дестабилизации занятых. Сравнивая темпы и содержание инверсий в сферах орудий, предметов труда и рабочей силы можно заметить, что в структуре последней преобладают в основном адаптационные инверсии. Внутренние инверсии на уровне непосредственного производителя замедлены и заметно уступают качественным изменениям в средствах труда. Такая асинхронность естественно отрицательно влияет на организацию производства и представляет собой серьезную теоретическую и практическую проблему. Особо актуальна она в странах восточной Европы. Система духовных производительных сил большинства работников имеет здесь существенную специфику. Являясь инверсионно-кластерным образованием, включающим восприятие, память, язык, мышление, знание, чувства, умения и навыки, опыт, таланты, моральные установки, она отличается определенным преобладанием образно-эмоционального мышления над логическим. Это сказывается на качестве и функциях каждого элемента системы, порождая тенденцию к иррациональности, известной неорганизованности, спонтанности в мыслях и действиях, непредсказуемости в реакциях и т.д. Поле этой тенденции обширно и распространяется также на социально-экономические институты. Их качество и функциональный потенциал в значительной степени

определяются рассмотренной ментальной инверсией. Детальное изучение и регулирование этих процессов, как видим, особо актуально и непосредственно связано с необходимостью разработки инверсионно-полевых представлений в экономических и других гуманитарных науках. Этого настоятельно требует и усложняющаяся проблематика существования человека. Наряду с угрожающими ему внешними инверсиями, такими, как мутация вследствие аккумуляции тяжелых металлов в среде выживания, автоматизация и интеллектуализация орудий труда, обесценивающих его творческие способности и вытесняющих с производства, - существенно усиливаются внутренние отрицательные инверсии: уход с природы и постепенное превращение в домашнее животное, разрыв между профессиональными и гуманитарными знаниями, между трудом и физическим совершенствованием, между моральными ценностями традиционной культуры и ценностями спортивно-развлекательного характера. На этой почве тенденции к инверсионной дестабилизации человека нарастают. В связи с этим и сегодня вполне современно звучит пророчески-инверсионное предостережение Аристотеля: «Природа дала человеку в руки оружие – интеллектуальную моральную силу, но он может пользоваться этим оружием и в обратную сторону, поэтому человек без нравственных устоев оказывается существом и самым нечестивым и диким...» (1).

Кроме рассмотренной подсистемы производительных сил, инверсионность широко представлена и в других сферах хозяйственной системы: технико-экономических, организационно-экономических, социально-экономических отношениях, науке, образовании, а также в области рынка. В сфере рыночных отношений, как и в других подсистемах, инверсионность неуклонно нарастает, убыстряется и захватывает сущностные основы взаимосвязей спроса и предложения. Уже Д.Гэлбрейт отмечал, что спрос не определяется конъюнктурой рынка, цены администрируются крупными фирмами, а производство теряет свою прямую зависимость от цены. Наряду с этими инверсиями, как свидетельствуют современные исследователи, происходит постепенное сближение и даже слияние производственных комплексов и сферы обращения (14).

Параллельно функционально-производственным сетям создаются имитационные сети потребителей. Покупатель привлекается к участию в проектировании будущих товаров. Формирование бизнес

сетей, в свою очередь, вызывает инверсию перехода от обычного к международному маркетингу и менеджменту. В совокупности эти процессы существенно повышают уровень организации рынка и эффективности действий его основных агентов. В то же время, конечно, воспроизводятся и отрицательные инверсии, такие, как гипертрофия финансового капитала, усиление его отрыва от промышленного капитала, периодическая дестабилизация на этой основе всей системы рыночных отношений и др. В этих условиях, там, где инверсионность экономической действительности не стала принципом социально-экономического мышления, положение существенно осложняется. Это в первую очередь относится к постсоветским странам. Реформаторы встретились здесь с целым рядом неожиданных для них инверсий: на их глазах спрос с рынокообразующего фактора превращался в дестабилизирующий фактор, либерализация внешней торговли – в подавление и развал собственного производства, налоговый кодекс – в сборник разрозненных, не интегрированных законов (18). Нарушение качественных соотношений самих законов и часто противоречащих им подзаконных актов, вносило неразбериху и хаос в текущие социально-экономические процессы. Архаические, доиндустриальные формы мышления, не включающие инверсионных представлений о развитии, оказались во многом беспомощными, а нередко и просто вредными.

Совершенно противоположные явления наблюдаются в высокоразвитых странах, где, при всех сложностях и противоречиях, инверсионное мышление прочно внедряется в структуру социально-экономической жизни. От стихийных и мало упорядоченных форм развития здесь давно перешли к управляемому экономическому росту и мониторингу качественных изменений в науке, технологии, социальной сфере. Особенно четко определилась инверсия перехода от дифференцированных к интегрированным многофункциональным производственным системам. Основные производственные звенья – транснациональные корпорации, постепенно превратились в инверсионные структуры с высокоразвитыми мозговыми центрами, регулярно продуцирующими внутренние и внешние инверсии. ТНК, по существу, стали творческими инверсорами, имеющими обширные внутренние и внешние инверсионные поля. В этом же направлении эволюционируют кластеры, технополисы, виртуальные организации. Примечательно, что в настоящее время развитие всех этих

инверсионных структур осуществляется преимущественно путем расширения и углубления функционально-сетевых связей, сетевых объединений, стратегических альянсов (20). Образование сетевых структур представляет собой новый, более высокий этап развития самой инверсионности. Результатом этого становится все большая координация усилий бизнес структур, обмен опытом, ноу-хау, осуществление совместных проектов и многое другое. В этих условиях, как известно, на смену эффекту масштаба приходит сетевой эффект. В будущем, просматривается этап формирования саморегулируемых межотраслевых, инверсионно-сетевых трансформеров, в технологической цепочке которых каждый промежуточный продукт будет сырьем для последующих этапов производства.

На основе всего сказанного об инверсионности можно прийти к следующим заключениям:

1. Континуум перечисленных историко-экономических фактов подтверждает инверсионный характер развития историко-экономических явлений, процессов, подсистем и систем.
2. Механизмы внутрисистемных качественных изменений подчиняются одним и тем же инверсионным принципам: соединение ранее не соединимого, разделение ранее неделимого, превращение, перемена мест, модификация, вытеснение менее качественного более качественным, напластование, переход в противоположное, выращивание, комбинирование, переход количественных изменений в качественные, усиление или расслабление связей, конфликт, враждебность среды, взаимоизменяемость, скачки и др. Поэтому процессы, динамику которых определяют эти принципы, вполне правомерно именовать инверсионными.
3. Общими причинами инверсий являются: временный характер носителей качеств, их физическая и функциональная предельность, изменения спроса и предложения, достижения в области науки, техники, образования, усложнение проблематики развития, высокая степень внутренней интегрированности и внешней адаптивности социально-экономических образований, аккумуляция нерегулируемых маргинальных изменений, отрицательное воздействие скрытых долгосрочных процессов и т.д.

4. Особенности инверсий выражаются в форме разноуровневости, разнокачественности, разномасштабности. Они могут быть также базовыми и локальными, сложными и простыми, явными и латентными, однонаправленными и разнонаправленными, положительными и отрицательными, дискретными и непрерывными, стихийными и управляемыми. Им присущи тенденции к взаимодействиям, напластованиям, усложнениям, взаимопревращениям и комбинированию.
5. По характеру проявления инверсии можно подразделить на цепные, блуждающие, ветвящиеся, сублимационные, деструктивные, маргинально-долгосрочные, лавинообразные и др.
6. Необходимо различать внутреннюю инверсию, связанную с качественно-сущностными основами данного объекта и ее функциональные внешние, вторичные инверсии. Вторичные инверсии образуют поле последствий. В его структуру входят также уже существовавшие явления и процессы. Поэтому изучение полевых последствий должно акцентироваться не только на вторичных инверсиях, но и на их взаимодействии с другими элементами поля, на возникающих противоречиях и проблемах. В связи с этим представляется необходимой разработка научного понятия «эффект поля», выражающего результаты соотношения разнокачественных инверсионных изменений и уже существовавших компонентов. Из сказанного следует, что рассматриваемые явления, а значит, подавляющее большинство историко-экономических изменений носят процессно-полевой характер. Поэтому соответствующее ему научное понятие должно быть интегрировано в систему знаний. Это значит, что инверсионно-полевые представления нельзя больше игнорировать ни в экономической истории, ни в экономической теории.
7. Акцент на инверсионных качественных изменениях не только не означает умаления количественных аспектов развития, но наоборот, - ставит проблему их соотношения, взаимосвязи и взаимоперехода на новый методологический уровень. Уже сегодня вырисовывается необходимость исследования дискретно-ключевого характера количественного роста по

отношению к целому ряду взаимосвязанных качественных инверсий, изучению роли количественно-качественных разрывов в развитии, связей увеличения популяции с ее качественными изменениями и сохранением вида в усложняющихся условиях и многое другое.

8. Большинство инверсий проходит три основных фазы развития: а) зарождение, б) осуществление инверсии и образование поля последствий, в) предел инверсионного потенциала, связанная с ним проблема и вызревание следующего новшества или инновации. Общими тенденциями инверсионности в современных социально-экономических системах являются: ускорение, усложнение связей, повышение степени эвристичности качественных изменений, образование инверсионных сетей, инверсионно-сетевых структур, а так же инверсоров, продуцирующих инверсионные идеи и практические решения. В этом свете отсутствие инверсионных представлений в экономических науках должно восприниматься как катастрофа, требующая немедленных мер.
9. Одним из существенных преимуществ интеграции инверсионных представлений в экономические науки является возможность модификации современного понимания системности экономических объектов. До сих пор общее представление о внутрисистемной динамике в теории систем было связано, в основном, с исследованием взаимосвязей их компонентов с упором на противоречие как определяющий фактор развития. Интеграция же дает возможность вдохнуть в систему научный принцип развития, оживить ее, детализировать понимание механизмов качественных изменений, разработать новые подходы к их исследованию, наряду с традиционными, ввести дополнительные характеристики качества развития (полевой эффект, уровень общественной полезности инверсий, уровень развитости духовных производительных сил и др.). С помощью инверсионности достигается также более содержательное понимание внутреннего многообразия, преемственности, необратимости, этапности и уровня организации в развитии систем. Кроме того, новое осмысление связей инверсионности

внутрисистемной структуры и факторного подхода к экономическому росту, может стать основой разработки междисциплинарной исследовательско-поисковой модели хозяйственной системы и, в результате ее использования, существенно пополнить содержание экономических наук.

10. Интеграция инверсионных представлений о развитии в экономическую историю и экономическую теорию существенно усиливает их теоретико-методологические и практические возможности, вовлекая одновременно в этот процесс потенциал современной эвристики, диалектики, новых интеллектуальных технологий и междисциплинарных подходов. Разработка, в дополнение к системному, инверсионного подхода существенно расширит возможности и теоретиков и историков-экономистов. В результате станут возможными: существенный прирост новой информации о процессе развития, постановка нетрадиционных научных проблем, систематическое внедрение инноваций в системе экономических наук.

Что касается прироста новой информации и постановки новых проблем, то уже сегодня на начальной стадии этого процесса, простой акцент на отдельном виде инверсий дает определенные поисково-исследовательские преимущества. Возьмем, к примеру, цепную инверсию. В экономике США 80-х годов XX века ее начало было связано с ростом расходов бюджета. Это вызвало рост займов и учетных ставок. Стоимость доллара повысилась. Вздорожал экспорт и увеличился импорт. Возникла необходимость поддержки экспортных отраслей. Расходы бюджета снова повысились. Цепь замкнулась. Рассматриваемая инверсия, ориентируя исследователя на углубленный анализ данного явления, вместе с тем, выполняет и методологическую роль, подсказывая необходимость выявления аналогичных цепных механизмов торможения или развития в экономических системах и подсистемах. Одновременно она наводит на мысль о близости цепных и узловых процессов, теория которых уже сложилась в современной математике и физике. В связи с этим и здесь возникает необходимость междисциплинарных исследований в целях возможной интеграции знаний. Ее осмысление, кроме того, дает основания полагать, что встречающиеся в исследовательской литературе жесткие разграничения функционирования и развития с утверждением, что качественно новые изменения связаны только с

последним, а функционирование предстает, как нечто «ставшее» - неверны. Задачи всемерной рационализации структуры развития требуют углубленного анализа инверсионных изменений и взаимоотношений на обоих уровнях.

Не меньший интерес с рассматриваемой точки зрения представляют и блуждающие инверсии. Они возникают, в основном, вследствие случайных соединений ранее далеко отстоящих явлений и процессов. В текущей социально-экономической действительности к ним можно отнести и проникновение провинциалов в древнеримский сенат, и инверсию во взглядах Мартина Лютера на католическую церковь после посещения Рима и пересечение стекольного производства со сферой связи с последующим распространением оптико-волоконных систем. В бизнесе блуждающие инверсии часто связаны с неопределенностью и необходимостью постоянного выбора наиболее оптимальных решений в динамических ситуациях современного рынка. К рассматриваемой группе относятся так же самопроизвольные инверсии, возникающие на «стыках» различных инверсионных полей, в условиях стихийных бедствий, аномалий и вызревающих катастроф. Трагедия на Чернобыльской АЭС, к примеру, возникла на основе сети негативных маргинальных явлений организационного, технико-технологического и ментального характера, в которой не только ошибка оператора, но целый ряд других блуждающих случайностей могли стать причиной взрыва. Теоретико-методологические возможности данного вида инверсий уже в начальный период их познания, обнаруживаются в следующих основных фактах:

1. В бизнесе, науке, изобретательском деле блуждающие инверсии выступают в роли одного из основных методологических инструментов поиска оптимальных инновационных решений. Уже поэтому их использование в экономических исследованиях вполне закономерно и перспективно;
2. Блуждающие инверсии расширяют существующие представления о случайностях в развитии экономических явлений, процессов и систем. Они дают основание говорить о том, что случайное связано не только с пересечением независимых причинных линий, но и с инверсиями маргинального характера и инверсиями на «стыках» полей. Эта

информация также имеет прямое отношение к методологии и содержанию экономических дисциплин;

3. В современном историко-экономическом и теоретическом анализе и, в частности, в анализе причинно-следственных связей и динамики инверсионных полей, учет воздействия блуждающих инверсий становится настоящей необходимостью.

Изложенное вплотную подводит нас к одному из основополагающих вопросов: каковы же конкретные пути детальной разработки инверсионно-полевых представлений о развитии и их интеграции в экономическую теорию и экономическую историю? Отметим сначала, что одним из определяющих условий такой разработки является углубленное теоретическое осмысление проблемы на рубежах теории систем, экономической истории и теории, философии, экономической статистики и социологии, теории конфликтов, управления и права. Его расширяющейся информационной базой должны стать дисциплинарные и междисциплинарные исследования рассматриваемой проблематики. В целях ускорения и повышения эффективности этого процесса в экономических науках следует создать специальное поисково-исследовательское, инновационное звено – историко-экономическую эвристику. Усилиями ученых Одесского государственного экономического университета и Одесского Национального университета имени И.И Мечникова небольшая попытка этого рода уже сделана. Подготовлена монография «Историко-экономическая эвристика: теоретико-методологические проблемы» (23). Но для полномасштабного решения вопроса этого далеко недостаточно. Необходим широкий фронт исследований. Тем не менее, уже сегодня, та информация, которой мы располагаем, позволяет начать детальную разработку проблемы с помощью предлагаемого нового методологического инструмента – инверсионного подхода. Наряду с системным подходом и в дополнение к нему, он будет надежным исследовательским средством получения новой информации о качественных внутрисистемных изменениях. Его конкретными задачами станут:

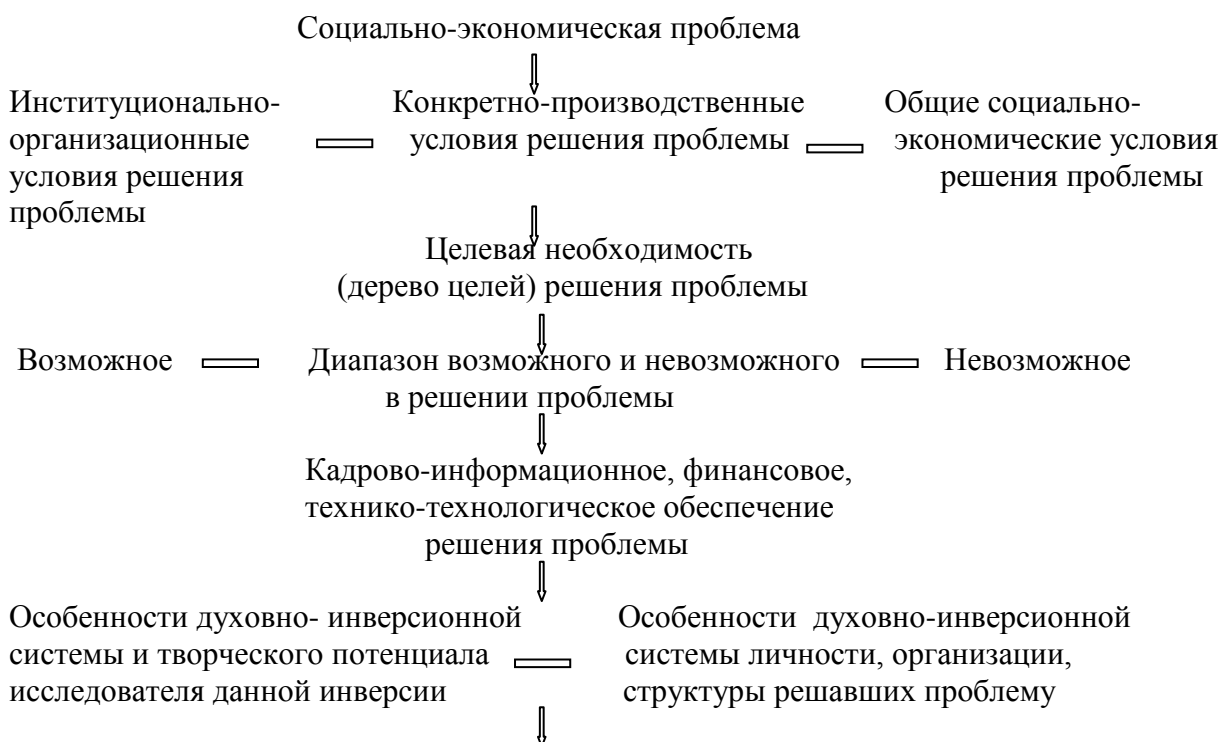
1. Исследование инверсий, инверсионно-полевых взаимосвязей, инверсионно-сетевых образований, инверсоров и их влияния на структуру, функции, особенности экономического роста;

2. Обогащение в ходе исследований теории инверсионных полей как неотъемлемой части формирующейся междисциплинарной концепции развития социально-экономических систем;
3. Создание на базе теории инверсионных полей новых способов исследования и проектирования инверсий;
4. Формирование надежной теоретико-методологической базы верификации теоретико-экономических знаний, усиления междисциплинарной интеграции и творческих связей с практикой.

Существенной особенностью инверсионного подхода является возможность широкого использования новаторских способностей исследователя, методологического инструментария других наук, а также эвристических приемов: мысленного эксперимента морфологического подхода, моделирования и др. Что касается моделирования, то в структуре формирующегося инверсионного подхода оно может сыграть существенную творчески-поисковую роль. Об этом, на мой взгляд, свидетельствуют уже простейшие графические модели локальных инверсий. Рассмотрим одну из них. В нашем случае, инверсия начинается с определенной социально-экономической проблемы, и в ходе своего «развертывания» приобретает следующий вид:

Схема 1.

Графическая модель простой локальной инверсии

Наличное оптимальное инверсионно-эвристическое поле выбора решения, включающее перечень основных инверсий и возможных эвристических подходов

⇓
Реальный выбор решения и причины его отличия от оптимально возможного

⇓
Поле последствий реальной инверсии:

1. Сеть основных социально-экономических последствий;
2. Сеть производных инверсий;
3. Возникшие напластования;
4. Маргинальные качественные изменения с возможным развитием в инверсионно-полевые структуры. Случайности.
5. Особенности соотношения качества явлений, процессов, структур. Тенденции качественных соотношений;
6. Соотношение качественных и количественных характеристик инверсионного поля;
7. Противоречия инверсионного поля;
8. Особенности внутрислоевых связей;
9. Экологические последствия;
10. Влияние поля на смежные инверсионно-полевые структуры;
11. Себестоимость инверсии;
12. Информационные и организационно-интеллектуальные возможности духовной составляющей (ДПС) развития по дальнейшему совершенствованию инверсионного поля.
13. Пределы инверсионного поля, новая проблема и переход к качественно новой инверсии.

Предлагаемый вариант историко-экономической, поисково-исследовательской модели может совершенствоваться и видоизменяться в соответствии с ростом информационного содержания теории инверсионно-полевых явлений и личного творческого вклада исследователя. Вместе с тем, уже в этой начально-упрощенной форме он свидетельствует о целом ряде преимуществ по сравнению с традиционным подходом:

1. Внимание акцентируется не на застывшем факте, а на качественном изменении инверсионно-полевого характера;
2. Качественное изменение предстает как многоплановое, противоречивое, причинно-следственное явление, включающее духовную составляющую;
3. Анализ динамического поля инверсионных последствий дает возможность получить новую, историко-экономическую информацию, которая была мало доступной или недоступной в традиционном исследовании (маргинальные качественные изменения, производные инверсии, напластования,

случайности связанные с блуждающими инверсиями, качество взаимосвязей, себестоимость и оценка общественной полезности инверсии и др.).

В рамках инверсионного подхода и в дополнение к рассмотренному варианту возможна, также, разработка модели духовных производительных сил человека и отслеживание на ее основе тех инверсионных изменений, которые происходят в ее структуре на различных этапах историко-экономического развития. Подобного рода поисковые модели могут разрабатываться и в теоретико-экономических исследованиях. Определенную пользу там могут принести и упрощенные историко-экономические модели. Так, например, уже названная модель духовных производительных сил человека, свидетельствующая о неразрывном инверсионном взаимодействии всех ее элементов (восприятия, памяти, языка, чувства, мышления, знаний, умений, навыков, талантов, опыта), подсказывает мысль о том, что эта информация должна быть учтена в современном понимании человеческого капитала, в частности, в определении затрат на его воспроизводство.

Следует отметить, однако, что моделирование инверсионно-полевых явлений не является единственным инструментом формирующегося инверсионного подхода. В каждом явлении, подсистеме, системе мы встречаемся не только с единичными, но и со многими разнородными, взаимодействующими инверсиями. Естественно, возникает необходимость получить общее представление об инверсионных особенностях внутренней динамики экономического объекта. В этих целях может быть использована матрица инверсионного профиля, содержащая информацию о видах, фазах, тенденциях, связях, противоречиях его внутреннего макро поля (23). Матрица, соединяя системный и инверсионный подходы, дает информацию о структуре, направленности, эффективности основных качественных изменений. Эти новые знания о внутрисистемной качественной динамике, надо полагать, существенно дополняют традиционные представления о качестве развития и его критериях. Одним из таких критериев станет уровень эффективности кластерной взаимосвязи, взаимоизменяемости инверсионно-полевых образований.

В настоящее время структура потенциальных возможностей нового подхода полностью еще не определилась. Но уже сегодня с определенной долей вероятности можно предположить, что в

условиях инверсионного подхода более обоснованной и надежной становится историко-экономическая верификация отдельных теоретических положений, и разработка методик оценки инверсионно-сетевых эффектов в инверсионных экономических структурах (ТНК, альянсы, кластеры, виртуальные предприятия и т.д.). Не маловажен и следующий аспект. На рубежах экономической истории и теории открываются более широкие перспективы междисциплинарных исследований. В частности, вырисовывается возможность разработки междисциплинарного микроанализа. Начальный этап движения в этом направлении может быть связан, в частности, и с многоликостью инверсий.

Если нас интересуют, к примеру, инверсионные особенности современного товара, то мы вначале исходим из следующих основополагающих фактов. Инверсия децентрализации - перехода от одного организующего центра структуры к другому, может выступать и рассматриваться в форме инверсий перемены мест, соотношения качеств, долгосрочной инверсии. Образование веера разноотраслевых предприятий, принадлежащих одной корпорации, в условиях перехода от специализации к диверсификации производства, можно представить в свете инверсий разветвления, соотношения качеств, блуждающих или доминантных инверсий (10, 12). Уже сами по себе эти факты заставляют не только зорче всматриваться в объект исследования, но и учитывать возможное многообразие его инверсионных проявлений. В результате за аксиоматическими фактами обнаруживаются весьма необычные феномены. Качество товара, к примеру, предстает как итог двух взаимосвязанных инверсий: превращение сырья и других материальных компонентов в конечный продукт и материализации знаний в основном и обеспечивших его структуру, свойства и функции. При этом реальность свидетельствует, что удельный вес знаний в товарах данного класса постоянно растет, а их материалоемкость постепенно снижается. Возникший в результате инверсий продукт сам является потенциально инверсионной структурой. С одной стороны, как известно, он подвергается физическому и моральному износу, ведущим, в конечном счете, к инверсии аннигиляции. С другой – сохраняются реальные возможности осуществления качественных перемен путем изменения внутренних связей, структуры, функций. Инверсии этого рода несколько расширяют диапазон творческого поиска между

возможным и невозможным, удлиняют срок существования товара на пути к функциональному пределу. Последний, как это ни парадоксально, служит связующим звеном между конечностью данного продукта и классом или континуумом товаров, к которому он принадлежит. За пределом, в рамках нового диапазона между возможным и невозможным, в результате вторичного витка материализации новых знаний и инверсии превращения материальных компонентов, возникает новый товар с более совершенными свойствами и функциями. Но в этих инверсиях незримо присутствует и старый образец с его пределом. Последний является точкой отсчета и проблемным началом инновации. Следует заметить, однако, что параллельно возможен и вероятностно-рядоположенный нетрадиционный вариант интеллектуально-эвристического решения безотносительно к старой структуре. Связанная с ним инверсия создаст качественно новый этап в эволюции данного класса изделий, расширяя возможности их дальнейшей интеллектуализации и частичного превращения в инверсоры. Таким образом, с товаром как первичной экономической клеткой связан целый ряд инверсий: инверсия превращения основных и вспомогательных материалов в конечный продукт, инверсия материализации знаний, инверсии рационализации и модификации, инверсия замены одного товара другим путем повторения на новом уровне первых двух инверсий, включая эвристический вариант. Из совокупности приведенных аксиоматических данных, на мой взгляд, следуют такие основные выводы:

1. Постоянно усиливающаяся тенденция к материализации знаний в товарах (экономических процессах, институтах) подтверждает уже высказанные теоретические мысли, о том, что именно знания все больше определяют их потребительскую стоимость и стоимость. Это значит, что идея замены теории трудовой стоимости информационной теорией вполне правомерна.
2. Многоинверсионность товара подсказывает, что современное экономическое мышление от микро до макроявлений должно стать максимально многонаправленным, инверсионным в своих основах.
3. Поскольку знания, являясь инверсионной подсистемой хозяйства, определяют содержание, темпы и характер его развития, необходим их постоянный мониторинг и, в частности,

сопоставление инверсий в естественных и гуманитарных науках в целях регулирования.

4. В понятийный аппарат историко-экономического и теоретического анализа следует включить представления об инверсионных полевых явлениях, пределах, соотношениях возможного и невозможного, инверсорах, инверсионных сетях.
5. С усилением темпов, ростом масштабов и углублением реальной инверсионности явлений, процессов, подсистем и систем, должно становиться все более подвижным и инверсионным содержание всех экономических категорий.
6. Инверсионность не устраняет, но оттесняет старое линейно-этапное представление об экономической истории, становится ее главной определяющей чертой и одновременно неотъемлемой глубоко интегрированной частью абстрактно-теоретических построений. На этой основе междисциплинарные связи истории экономики и теории могут существенно усилиться.

Существенные преимущества инверсионного подхода заключены и в его практическом потенциале. Речь идет не только о практике исследования и обучения. Результатом его использования в экономических науках, управлении и праве будет проектирование инверсионно-сетевых образований в целях повышения эффективности хозяйственных, управленческих и правовых решений и структур. В государственном и корпоративном управлении станет возможным проектирование антипроцессов, процессов сублимации деструктивной социальной энергии, повышения корпоративной культуры, реконструкции духовных производительных сил организаций, создание новых гуманитарных, конкурентно-направленных и оборонно-экономических технологий. Творческие возможности инверсионного подхода распространяются также на поиск и регулирование скрытых внутрисистемных проблем, и решение задач дальнейшего экономического роста. За всем этим вырисовывается вероятность формирования нового сегмента современного рынка – рынка инверсионных услуг. Что касается скрытых и малоосознанных проблем, то в постсоветских странах к ним, в первую очередь, относится проблема коренной реформации духовных производительных сил общества. Именно в этом инверсионном преображении заключается суть общей,

жизнеспасительной, объединяющей, интеллектуально обновляющей национальной идеи. Пора воплощать ее в жизнь. Время не ждет.

Подводя итоги всего сказанного, можно прийти к следующим основным выводам:

1. Инверсионность представляет собой объективную, неотъемлемую сущностную основу развития историко-экономических явлений, процессов, подсистем и систем. Поэтому ее теоретико-методологическое осмысление и последующая интеграция в экономическую историю, теорию и другие гуманитарные науки являются актуальнейшими междисциплинарно-инновационными проблемами.
2. Их решение возможно не только на основе широких междисциплинарных исследований, но и путем разработки таких параллельных творческих инструментов, как инновационно-направленная историко-экономическая эвристика и входящий в ее структуру инверсионно-полевой подход.
3. Предлагаемый инверсионно-полевой подход дополняет и развивает современные представления о системности экономических объектов, акцентируя внимание на внутрисистемных механизмах и особенностях качественных изменений. Его творческое использование существенно усилит методологию исследований, содержание и практическую направленность экономических наук.
4. Интеграция инверсионно-полевых представлений и инверсионного подхода в экономические науки является существенным шагом на пути создания междисциплинарно-инновационной теории развития экономических систем.
5. В свете изложенного, все теоретические построения, продолжающие игнорировать инверсионность процесса развития, заслуживают недоверия.
6. Специфика содержания, многообразие, многоликость, изменчивость, эвристичность, тенденции к ускорению и сетевым образованиям, характеризующие инверсионно-полевые явления, подсказывают необходимость кардинальных изменений в современном экономическом мышлении и, в

первую очередь, в понятийно-категориальном аппарате экономических наук.

7. Интеграция инверсионно-полевых представлений о развитии актуализирует проблему пересмотра традиционно понимаемого соотношения исторического и логического.
8. Моделирование и разработка основ проектирования инверсионно-полевых явлений, процессов, и структур могут найти применение в общегосударственном и региональном управлении, менеджменте, образовании, бизнесе, праве, семье, организации, военном деле и т.д. В связи с этим вполне вероятным представляется возникновение в будущем особого сегмента современного рынка – рынка инверсионных услуг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Сочинения в четырех томах /Аристотель т.4, М.: Мысль, 1983. – 831 с.
2. Бажал Ю.Н. Економічна теорія технологічних змін. /Ю.Н.Бажал - К.: Заповіт, 1996. – 240 с.
3. Блауг М. Методология экономической науки. /М.Блауг - М.: Экономика, 2004. – 416 с.
4. Бродель Ф. Матеріальна цивілізація, економіка і капіталізм /Ф.Бродель - 16-17 ст. т.1-3. К.: Основи, 1995. – т.1- 543 с., т.2 – 583 с., т.3 – 613 с.
5. Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития /С.Ю.Глазьев - М.: Владар, 1980. – 282 с.
6. Гэлбрейт Д. Новое индустриальное общество /Д.Гэлбрейт - М.: Прогресс, 1969. – 467 с.
7. Дзарасов С.С., Фельдман Г.А. – основоположник теории роста. - Теория капитала и экономического роста /С.С.Дзарасов, Г.А.Фельдман - М.: МГУ 2004. – 526 с.
8. Елфимов Г.М. Возникновение нового /Г.М.Елфимов - М.: Мысль, 1983. – 188 с.
9. Ерохина Е.А. Теория экономического развития: системно-синергетический подход /Е.А.Ерохина - М.: Экономика, 2002. – 210 с.

10. Зверяков М.І. Шокова модель трансформації економіки України. Збірник «Ринкова економіка» / М.І.Зверяков - Одеса, 2000. – 14-41 с.
11. Камерон Р. Краткая экономическая история мира от палеолита до наших дней / Р.Камерон - М.: Роспэн, 2001. – 544 с.
12. Кузнецов Э.А., Волошина В.В. Транснациональные корпорации: экономика и менеджмент / Э.А.Кузнецов, В.В.Волошина - Харьков. Бурун Книга. 2008. -320 с.
13. Львов Д.С. Экономика развития /Д.С.Львов - М.: Экономика. 2000. – 412 с.
14. Мартыновский С.В. Экономическая политика: проблемы, достижения, цели /С.В.Мартыновский - Одесса. Пальмира. 2008. – 136 с.
15. Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л., Рэндэр К. Пределы роста /Д.Х.Медоуз, Д.Л.Медоуз, К.Рэндэр - М.: Экономика. 1991. – 298 с.
16. Нельсон Р.Р., Уинтер С.Д. Эволюционная теория экономических изменений /Р.Р.Нельсон, С.Д.Уинтер - М.: Финансы и статистика. 2000. – 346с.
17. Норт Д. Інститути, інституційні зміни та функціонування економіки /Д.Норт - К.: Основи. 2000. – 198 с.
18. Осипов В.И. Украина XXI: как вырваться из трясины затяжного социально-экономического кризиса? /В.И.Осипов - Одесса: Издательско-информационный центр ИПРЭИ НАН Украины. - 2001. – 362 с.
19. Попова В.В. Факторная теория экономического роста и развитие / В.В.Попова - К.: Заповіт. 2005. -452 с.
20. Соколенко С. Производственные системы глобализации: сети, альянсы, партнерства, кластеры /С.Соколенко - К.: Логос. 2002. – 645 с.
21. Тодаро М.К. Экономическое развитие /М.К.Тодаро - М.: МГУ. 1997. – 594 с.
22. Тоффлер Е. Третья хвиля /Е.Тоффлер - К.: Всесвіт. 2000. – 476 с.
23. Уперенко Н.А., Кузнецов Э.А. Историко-экономическая эвристика /Н.А.Уперенко, Э.А.Кузнецов - Одесса: Наука и техника. 2008. 112 с.

24. Філіпенко А.С. Цивілізаційні виміри економічного розвитку /А.С.Філіпенко - К.: Знання України. 2002. – 190 с. Економічний розвиток К.: Знання України. 2001. – 120 с.
25. Форрестер Д. Индустриальная динамика /Д.Форрестер - М.: Экономика. 1972. – 168с.
26. Харрод Р.Ф. Теория экономической динамики /Р.Ф.Харрод - М.: Экономика. 1997. – 290с.
27. Хикс Д. Теория экономической истории /Д.Хикс - М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2003. – 224с.
28. Черняк В.К. Структура экономического развития /В.К.Черняк - К.: Наукова Думка. 1981. – 205с.
29. Чешков М. Развитие: философская идея развития и конкретные исследования /М.Чешков - Международная экономика и международные отношения. 2004, №8 с.70-78.
30. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития /Й.А.Шумпетер - М.: Прогресс. 1982. – 496с.

Глава II. Соотношение инверсионности и системности. Неизбежность и преимущества совершенствования системного подхода

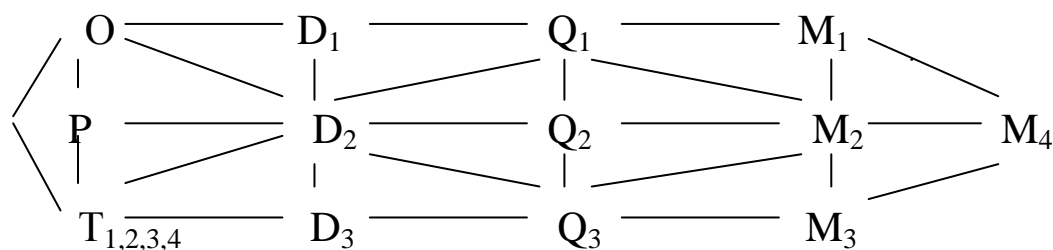
В историко-экономических исследованиях последних лет инверсионность рассматривается как динамическое, качественное, внутрисистемное явление [13]. Считается, что в каждой из подсистем, элементов, звеньев социально-экономической системы имеют место разномасштабные, разноуровневые качественные изменения, в основе которых лежат инверсионные принципы: разделения ранее неделимого, соединения ранее несоединимого, превращения, перемена мест, движения от конца к началу и обратно, перехода в противоположное и т.д. Их совокупное воздействие вызывает необратимые качественные перемены, трансформирующиеся в развитие объекта. Но и после установления инверсионности каждой составляющей системы, не вполне решенными остаются вопросы: существует ли более глубокий внутренний уровень связей инверсионности и системности? Каковы их конкретные соотношения со стороны сущностных характеристик и как их выявление повлияет

на системный подход? Актуальность и междисциплинарная значимость ответа на эти вопросы несомненны. Однако недостаточная исследованность данного аспекта в историко-экономической литературе существенно осложняет их решение. Тем не менее, опыт преодоления подобных затруднений в работах Ф.Броделя [2], М.Блауга[1], М.К.Тодаро [12], Д.Норта [10], Г.М.Елфимова [5], А.А.Чухно, П.М.Леоненко, П.И., Юхименко [16] и целого ряда других известных ученых сыграл не только вдохновляющую, но и творчески стимулирующую роль в данном исследовательском эксперименте. Его непосредственной целью стало определенное продвижение в понимании внутрисистемной динамики на основе ответа на выше поставленные вопросы.

Поскольку речь пойдет о соотношении инверсионности и системности в производственной системе, для решения этой задачи необходимо уточнить современные представления о предмете исследования и оформить их в виде его графической модели. Обратившись с этой целью к определению понятия «система» в современной экономической литературе, обнаруживаем большой разницей и методологическую несогласованность. В.Зомбарт и Перру, к примеру, считали, что существование системы определяется тремя группами факторов: «а) основными побудителями экономической деятельности, б) совокупностью социальных, юридических и институциональных элементов, которые определяют рамки экономической деятельности в отношениях между субъектами (режим собственности, статус труда, роль государства), в) субстанцией, т.е. техникой, совокупностью материальных способов, с помощью которых получают и трансформируются блага» [8, 170]. Ф.Прайор, как отмечает В.Кульчицкий, понимал под системой взаимодействие политических, социальных и экономических институтов, организаций, норм, правил и убеждений, которые прямо или опосредованно влияют на потребление, распределение, обмен и производство. Другие известные авторы предлагали более упрощенные определения. П.Грегори и Р.Стюарт полагали, что экономическая система это набор механизмов и институтов для принятия решений в части производства, потребления и доходов. П.Самуэльсон и В.Нордхауз видели в ней своеобразный механизм решения проблем, направленный на удовлетворение человеческих потребностей и решение вопроса – что производить, как и для кого? Р.Маккензи и В.Нордхауз предложили еще более краткую

формулировку. Они считают, что речь идет о системе институтов, участвующих в принятии и реализации экономических проблем [8, 105-106]. Не трудно заметить, что большинство этих определений: а) не согласуется с общей теорией систем, б) не включают представления о внутреннем механизме развития объекта, в) малопригодны для его моделирования. Поэтому, продолжая поиск подходящего теоретико-методологического подхода, остановимся на точке зрения известного американского историка-экономиста Р.Камерона. В работе «Краткая экономическая история мира» Р.Камерон предлагает и реализует подход к производству на основе определенной модификации известных детерминант экономического роста. Такими детерминантами у него являются: население, ресурсы, технологии и общественные институты. Безусловным достоинством этой позиции является ее нацеленность на исследование динамики. Но разработка на этой основе поисковой рабочей модели исследования в настоящее время связана с чрезвычайно большими сложностями. Поэтому с учетом данного обстоятельства и в качестве выхода из затруднительной ситуации правильным будет, по-видимому, синтез этого подхода с теоретическими представлениями о производстве, сформировавшимися в отечественной экономической науке. Основными его элементами, согласно «Экономической энциклопедии» являются: 1) производительные силы, 2) технико-экономические отношения, 3) организационно-экономические отношения, 4) производственные отношения и 5) хозяйственный механизм. В результате синтеза получаем следующий вариант междисциплинарно-поисковой модели производственной системы:

Где: О – орудия труда, Р – предметы труда, Р₁ – технологии, Р₂ – снабжение, Т₁ – трудовые ресурсы, Т₂ – условия, организация, производительность и качество труда, Т₃ – духовные производительные силы товаропроизводителя и системы в целом (знания, мышление, образование, навыки, умения, опыт, система

моральных ценностей и установок), T_4 – социальные явления и процессы в сфере трудовых ресурсов, D_1 – технико-экономические отношения (специализация, кооперация, комбинирование, уровень концентрации производства), D_2 – организационно-экономические отношения (управление, маркетинг, конкурентоспособность) D_3 – социально-экономические отношения, Q_1 – валовый выпуск продукции в денежном выражении, Q_2 – качественные показатели развития (себестоимость продукции, качество, цены), Q_3 – ВВП на душу населения (динамика), M_1 – институциональная подсистема, M_2 – внутренний рынок, M_3 – внешний рынок, M_4 – мировые социально-экономические, технологические и экологические явления и процессы, влияющие на систему.

К преимуществам такого понимания системы и ее модели можно отнести: 1) трактовку механизма развития как системного процесса на основе взаимодействия производительных сил, производственных отношений, институтов, духовных производительных сил и факторов внесистемного воздействия. Нацеленность на анализ процесса развития, 2) представление о внутрисистемных инверсионных изменениях, 3) понимание институтов (рынок, защита собственности и конкуренции, государственное регулирование и др.) как динамической подсистемы с внутрисистемными и внешнесистемными взаимодействиями. В структуру главных факторов, воздействующих на институты, включаются существенные изменения в технологиях и организации производства, социальные процессы, предпочтения активных прослоек общества (по Роулзу), отбор.

Включение институтов в теоретико-методологические представления истории экономики о производстве, кроме указанных преимуществ, существенно обогащает ее исследовательский инструментарий. Оно позволяет историкам использовать основные методы и подходы современного институционализма. В частности, его эмпирические приемы, методы классической и эволюционной теории игр, компаративистский метод, микроэкономическое моделирование [45]. Отечественные исследователи указывают на связь сравнительного институционального и исторического анализа. В фундаментальной работе «Институционально-информационная экономика» (Киев, Знание 2010) ее авторы А.А.Чухно, П.М.Леоненко, П.И.Юхименко пишут по этому поводу следующее: «Институциональный анализ является историческим, с его помощью

пытались исследовать роль истории в формировании, сохранении и изменении институтов; он является также сравнительным, поскольку намеревается достичь понимания путем сравнительного изучения пространственно-временных взаимодействий; и он является аналитическим, потому что в эмпирическом анализе опирается на специфические микромодели [16,45]. Его интеграция в экономической истории обещает существенные инновационные перемены. Но это осуществится только после выяснения соотношений инверсионности и системности. Обратимся с этой целью к предложенной модели общественного производства. Остановимся на общественном разделении труда. С точки зрения инверсионно-полевого подхода оно предстает сначала как исторически сложившаяся динамическая трехуровневая инверсия, включающая: общие (укрупненные подотрасли) и единичные (низовые производственные звенья) виды разделения труда. Объединение этих составляющих в единый производственный механизм осуществляется путем обмена товарами и кооперации труда, порождающих противоположную по своему характеру инверсию соединения. Но его функционирование и развитие связано, также с инверсией перехода от индивидуальной - к частной собственности на средства производства. Таким образом, основой товарного производства является единство трех основополагающих инверсий: а) инверсии разделения труда, б) соединения посредством кооперации и обмена, в) превращения индивидуальной собственности в частную собственность. Обратим внимание на некоторые особенности данного образования: 1) ему присущи разнохарактерность, разнонаправленность и амбивалентность составляющих, порождающих при этом необходимость соединения, 2) речь идет о специфическом эффекте «удержания противоположностей» как условии функционирования, 3) рассматриваемая инверсионная структура представляет собой глубинную сущностную основу исследуемого явления. Из этого, на наш взгляд, следует ряд важных теоретико-методологических выводов. Во-первых, в динамических социально-экономических системах сущностное и инверсионное могут совпадать, при этом инверсионное может выступать глубинной структурной основой сущности. Во-вторых, обнаружение эффекта «удержания противоположностей» является существенной подвижкой на пути углубления представлений о внутрисистемной динамике, совершенствования историко-экономического анализа,

междисциплинарных эвристических исследований. В-третьих, разработки современного проектирования инверсионных структур, явлений и процессов в экономических науках, управлении, праве, социальной практике, естественно, должны учитывать и эффект «удержания противоположностей» и взаимосвязи сущностного и инверсионного. К этому можно добавить следующее. Аналогия между положением Д.Неймана о связи возможностей материальных систем с количеством образующих их элементов и гипотезой о зависимости этих возможностей от количества и качества инверсионных изменений может служить еще одним отправным пунктом творческой связи между математикой, экономическими и социально-гуманитарными науками. А теперь, несколько изменив ракурс видения, перейдем к рассмотрению производственного процесса с точки зрения его основных факторов: орудий, предметов труда и самого труда. С позиций инверсионно-полевого подхода их можно рассматривать как инверсию внешнего технологического соединения разнокачественных элементов. Вместе с тем их взаимодействие сочетается с определений обособленностью, близкой к инверсии разделения. На основе этой обособленности в каждом из элементов под влиянием производственной проблематики, науки, инновационных технологий, происходят присущие только им качественно различные инверсии. Но их полевые последствия часто простираются и за пределы обособленности, вызывая определенные изменения в соседних компонентах, отчего выигрывает, совершенствуясь, вся структура производительных сил. Таким образом, и в данном случае, имеет место «эффект удержания» противоположностей, а инверсионность представляет глубинную сущностную основу объекта. Следует подчеркнуть, что и рассмотренная внешняя и внутренние инверсии выполняют роль предпосылок и условий для последующей повторяющейся функциональной инверсии – преобразования сырья, вспомогательных материалов и других составляющих в готовый продукт. Обратим внимание на следующее. Мы могли рассматривать взаимодействующие факторы производства и с позиций системного подхода. Но при этом, основным предметом анализа, согласно его установкам, у нас оставались бы внутрисистемные связи без четких указаний на механизмы их действия и познания. Использование же инверсионно-полевого подхода открывает перспективу расширения наших возможностей в части исследования внутрисистемной

динамики. Как видим, движение в этом направлении началось с упрощенно-аксиоматических данных, но уже сегодня, на этой основе, мы можем получить определенный прирост ранее не известной информации. Ее содержание сводится к следующему:

1. Есть основания полагать, что инверсионно-полевой подход в ряде случаев эффективней системного подхода.
2. Существует реальная возможность разработки конвергентного системно-инверсионного подхода, объединяющего преимущества его составляющих.
3. Современным экономическим и социально-гуманитарным наукам, управлению и праву необходима междисциплинарная теория инверсионно-полевых внутрисистемных изменений, как одно из фундаментальных условий совершенствования методологии и разработки междисциплинарной теории развития социально-экономических систем.
4. Как свидетельствуют вышеприведенные данные, внутрисистемная динамика включает не только обособленные инверсии, но и взаимообусловленные и взаимосвязанные структурированные ансамбли, играющие существенную роль в функционировании и развитии систем. Их исследование положительно скажется на содержании многих научных дисциплин.
5. Реальные комбинации и рекомбинации инверсий, в зависимости от проблематики и особенностей поля развития, свидетельствуют об адаптивности взаимосвязей инверсионности и системности, а так же – о тенденциях к креативности.

Уже на основе изложенного можно прийти к первому обобщающему выводу о соотношении инверсионности и системности. В производственных системах инверсионность предстает в форме комбинированных инверсий, которые можно назвать матричными, поскольку они лежат в основании динамического объекта и выполняют сущностную системообразующую функцию. Это является их главной отличительной особенностью по сравнению с базовыми, локальными и единичными инверсиями. Взаимодействие матричных и перечисленных инверсий еще предстоит исследовать. Но, как мы убедились, уже первая многоплановая информация, полученная в

процессе их начального познания, дает основания надеяться на получение новых знаний междисциплинарно-инновационного характера.

Продолжая исследование соотношений инверсионности и системности, обратим внимание на особенности качественных изменений на уровне функционирования и развития системы. Общими причинами этих изменений являются: достижения в области техники и технологий, давление конкуренции, изменение спроса и предложения, внутрипроизводственные проблемы. Но характер и формы реализации перемен различны, особенно в условиях индустриального общества. Дело в том, что хотя функционирование и развитие являются взаимосвязанными сторонами внутрисистемной динамики, это не исключает определенной сущностной обособленности и разности в способах реализации изменений. Функционирование представляет собой непрерывное использование и рационализацию элементов производственного процесса, а развитие их – дискретные необратимые качественные изменения. Итак, в данном случае мы имеем дело с динамической по своей природе инверсией соединения противоположностей на основе принципа взаимодополняемости. Специфика этой динамики в том, что взаимодополняемые стороны могут сближаться или отдаляться вплоть до инверсии разрыва, как это нередко наблюдалось на предприятиях бывшего СССР. В высокоразвитых европейских странах и США с переходом к постиндустриальному обществу (с 70 гг. XX в), тенденция к сближению преобладает. Это стало возможным в условиях осуществления целого ряда базовых, локальных и единичных внутрисистемных инверсий: электронной автоматизацией производства и обращения, перехода от жестких к гибким производственным системам, от дифференцированного к интегрированному производству и внедрению капиталоемких технологий. Сказалась также тенденция к замене массового производства гибкой специализацией, а умеренной конкуренции объединением противоборствующих сторон. В совокупности все эти и многие другие изменения создали качественно новую базу для последующих инверсий второго уровня. В сфере функционирования к ним можно отнести: умножение функций оборудования, усложнение производственных подсистем и усиление их качественной дифференциации, переход от ценовой

конкуренции к конкуренции качества товаров, к управлению качеством и стратегиям непрерывного совершенствования.

Как видим, данная волна изменений была связана, в основном, с совершенствованием качественных сторон производства, что вызвало резкое повышение функциональной значимости качества как такового, т.е., вызвало инверсию его актуализации. То же произошло с факторами, обеспечивающими его основные характеристики: интеллектуальным капиталом, знаниями и творчеством. На этой почве сформировалась новая инверсионная структура, ориентированная на создание когнитивного продукта. Качество в этой структуре как его конечное звено касалось не только узконаправленной функции совершенствования товаров, но вследствие актуализации стало играть глобально преобразующую роль во всех элементах системы. Этому в значительной степени способствовали инверсии перехода к его совершенствованию на микроуровне, ускоренные нанотехнологиями и генной инженерией. Рассматриваемая комбинированно-инверсионная структура и стала одной из основных причин сближения функционирования и развития. Более того, она действовала в пределах каждой составляющей, не только сближая противоположности, но также интегрируя их по целому ряду направлений. Существенным вспомогательным фактором усиления ее эффективности стала гибкость и адаптивность институциональной сети и, в частности, качество механизма осуществления инноваций. С течением времени в новой структуре появляется еще один компонент – корпоративная культура, распространяющий влияние на все ее элементы.

В сфере развития, под влиянием перечисленных глобальных и локальных инверсий, а также сформировавшейся комбинационно-инверсионной структуры, происходят следующие основные изменения: ускоряются инверсионные процессы, повышается их качество, разнообразятся комбинации, учащается переход одних инверсий в другие, возрастает роль ступенчато усиливающихся изменений. Параллельно нарастает тенденция к радикализации, повышенной альтернативности инверсионных перемен и определенной децентрализации источников развития за счет вовлечения в поиск новых знаний и технологий, низовых производственных звеньев и создания новых исследовательских структур. Сближающиеся и частично интегрирующиеся инверсии функционирования и развития, получив импульс от предшествующих

широкомасштабных изменений, продолжают процесс инновационного преобразования системы, подготавливая, в свою очередь, условия и резервы для дальнейших качественных трансформаций. Крупнейшей из них в развитых странах стал переход от индустриальной к сетевой экономике. Эта глобальная инверсия, в свою очередь, состояла из целого ряда однонаправленных, качественно различных, синхронизированных инверсий. Их структуру и содержание хорошо отразил профессор кафедры экономики, организации и управления университета в городе Трире Рольф Вайбер [3,84] в сравнительной таблице индустриальной и сетевой экономик.

Выражая искреннюю признательность этому неординарному ученому, воспользуемся его информацией, но с учетом особенностей нашего аспекта исследования, рассмотрим ее с точки зрения инверсионных процессов и явлений и озаглавим следующим образом:

ИНВЕРСИИ ТРАНСФОРМАЦИОННОГО ПЕРЕХОДА ОТ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ К СЕТЕВОЙ ЭКОНОМИКЕ

	Параметры сравнения	Индустриальная экономика	Сетевая экономика
1	Важнейшие цели	Максимизация выпуска	Оптимизация выгоды
2	Ориентация	На эффект масштаба	На сетевой эффект
3	Законы	Убывающего предельного дохода	Нарастающей доходности
4	Изменения в структуре издержек	Обычные затраты	Затраты на предпроизводственные исследования, конструирование и разработку постоянно растут, а на их последующее массовое производство - снижаются
5	Темп инноваций	Замедлился	Инновации ускоряются. Время становится стратегическим фактором. Быстрые поглощают менее расторопных

6	Основной производственный ресурс	Сырье, вспомогательные материалы, энергия	Знания
7	Труд	Физический труд	Интеллектуальный труд, требующий постоянного совершенствования знаний, умений, навыков Роль познавательной деятельности возрастает
8	Информация	Организуется по типу дерева	Организуется на основе информационно-сетевых структур

Как свидетельствуют приведенные данные, в основе механизма трансформации индустриальной экономики в сетевую лежат инверсии перехода к противоположному. В результате образуется обширное поле положительных последствий, которое одновременно является основой для будущих качественных изменений. В структуру положительных последствий входят: оптимизация доходов, снижение затрат, ускорение инноваций и другие преимущества. Кардинальные инверсионные перемены охватывают и экономические законы. На смену закону убывающего предельного дохода приходит закон нарастающей доходности. Выяснение последствий, разносторонности и масштабности осуществленного переворота возвращает нас к уточнению механизма его формирования и становления сущностных основ. В результате этого уточнения приходим к следующим выводам:

- 1) Становление сетевой экономики осуществилось на основе базовой инверсии перехода к электронной автоматизации и компьютеризации производства и создания гибких производственных систем.
- 2) Наряду с этим функционально основополагающую роль сыграла производная базовая инверсия – создание глобальной компьютерной и информационной сети – «Интернета».
- 3) В новых условиях не только закрепились, но усилились до общесистемных масштабов роль уже определившегося инверсионного образования, включающего интеллектуальный

капитал, знание, творчество и качество (как их синтезированный когнитивный результат).

- 4) На этой почве в бизнесе, побуждаемом новыми возможностями, конкуренцией, необходимостью снижения затрат и др. причинами, формируются сетевые формы организации производства в виде сетевых ТНК, отраслевых и межотраслевых кластеров, технополисов, альянсов, виртуальных предприятий.
- 5) Многие из сетевых организаций на основе использования инверсионно-интегрированного кластерного образования (интеллектуальный капитал, знание, творчество, качество, корпоративная культура) становятся инверсорами, продуцирующими и внедряющими новые инверсионно инновационные идеи.

Сетевые организации возникают на основе инверсии соединения. Но в отличие от целого ряда разовых соединений, они представляют собой динамические, постоянно действующие взаимосвязанные структуры. Их характерными чертами являются: кооперация и координация усилий, обмен информацией, технологиями, ноу хау, распространение инверсионных инноваций на всю сеть, взаимодополнение, взаимодействие, взаимостимулирование и взаиморазвитие, а также – ориентация на сетевой эффект. Вместе с тем, это не самодовлеющие структуры, а объекты, постоянно расширяющие свои внешние связи. В целом сетевые образования (включая бизнес сети, информационные, исследовательские инфраструктуры и др.) в постиндустриальной экономике являются мощной общесистемной преобразующей силой. Они же соединяют на этом этапе функционирование и развитие системы. Таблица Вайбера свидетельствует, что именно сети создают новые условия функционирования. Одновременно та же сеть является формой развития путем увеличения количества и качества связей. Сетевые структуры, присущие им инверсионные формы функционирования и развития являются закономерным следствием эволюции внутрисистемной инверсионности. Они не вытесняют известные нам базовые локальные и единичные инверсии, а сосуществуют рядом и во взаимодействии с ними. Это значит, что развитие не сводится к одному сетевому аспекту, а продолжает оставаться многоуровневым, многокачественным, усложняющимся инверсионно-полевым

процессом. Поэтому постиндустриальную экономику, на наш взгляд, правильной было бы назвать не сетевой, а инверсионно развитой экономикой, ориентируя экономическую теорию и историю на познание системно-инверсионной проблематики. Все изложенное о функциональной роли инверсий в производственных системах дает основание сделать второй обобщающий вывод следующего содержания: инверсионность, будучи неотъемлемым свойством систем, определяет динамику, качество и сближение функционирования и развития являясь, таким образом, основной преобразующей силой. К этому выводу необходимо добавить следующее. Преимущества сетизации в экономике, повышение ее роли и эффективности, определенная идентичность с подобными процессами в квантовой физике и молекулярной биологии, свидетельствует о том, что мы имеем дело с важнейшей междисциплинарной мегапроблемой. Поэтому ее исследование в экономических науках, менеджменте и праве, всегда должно быть междисциплинарно-ориентированным и включающим методологический опыт других наук.

Специфика, значимость и междисциплинарный характер инверсионно-сетевых образований – еще одно напоминание о необходимости коренной реконструкции экономического мышления, вытеснения его архаических форм, развития инверсионно-сетевых подходов и разработки теории инверсионно-полевых процессов.

Выяснение роли инверсионности в производственных и социально-экономических системах заставляет нас снова вернуться к традиционным представлениям о системности с целью их совершенствования. Итак, создатели системного подхода, исходя из актуальности синтетического представления об объекте, в первую очередь обращаются к его функциональным основам. Совокупность функций дает возможность получить представление о целостности системы, состоящей из взаимосвязанных частей. На этой основе вырисовываются понятия структуры и связей. Различаются связи порождения, функционирования, строения, преобразования, управления, обеспечения жизнедеятельности объекта. Процесс развития так же рассматривается как одна из форм существования связей. Объяснение причин развития сводится к проблемам функционирования, в частности – к «невозможности сохранить существующие формы функционирования» и вынужденности перехода на его новый уровень. В свете инверсионно-полевого

подхода эта схема имеет, по крайней мере, три существенных изъяна:

- 1) Сложившееся представление о связях, при всем их значении и разнообразии, не отражает специфику внутренних механизмов качественных изменений, их роль и динамику.
- 2) Инверсионные принципы качественных изменений и реальная инверсионность не рассматриваются.
- 3) Причины развития односторонне сводятся к эволюционному аспекту функционирования. Недооценивается преобразующая роль инноваций и знаний.

Естественно, при всех преимуществах системного подхода, это резко снижает его методологический потенциал. И чем сложнее и динамичней становится окружающая нас социально-экономическая действительность, тем менее эффективным оказывается постепенно стареющий системный подход. По всем этим причинам его совершенствование следует признать неизбежным. Одним из важнейших шагов в этом направлении является признание реально существующего синтеза системности и инверсионности. Синтеза, подтвержденного данным исследованием и оформленного в виде комплекса инверсионно-полевых представлений о внутрисистемной динамике. Основу данного комплекса составляют следующие теоретические положения:

1. Матричные инверсии лежат в основе производственных, а значит и социально-экономических систем, выполняя одновременно системообразующую, функциональную и трансформативную роль.
2. Внутренняя динамика систем, их функционирование и развитие определяются базовыми, локальными, единичными и сетевыми инверсионно-полевыми качественными изменениями.
3. Нет социально-экономических систем без инверсий.
4. Качество развития систем определяется уровнем качества их внутрисистемного инверсионно-полевого развития.
5. Итогом развития инверсионности социально-экономических систем являются сетевые инверсионные образования и превращение их в творческих инверсоров, генерирующих и воплощающих инверсионно-инновационные идеи.
6. Сближение инверсий функционирования и развития, стимулируемое сетевыми объединениями и комбинированно-

инверсионными структурами (знание, интеллектуальный капитал, творчество), присуще всякому современному высокоразвитому экономическому объекту.

7. Внутрисистемные инверсии порождают производные инверсионные явления и процессы, в совокупности составляющие мощную силу, активно воздействующую на развитие.

Исходя из этих положений, мы можем заключить, что синтез инверсионности (воздействующей на структуру, функционирование и развитие, внутреннюю интегрированность экономических образований) и системности, безусловно, влечет за собой также уточнение понятий «система» и «развитие». В начале данной главы уже приводились современные определения системы с указаниями на их односторонность, статичность, игнорирование научного принципа развития. Инверсионно-полевой подход позволяет устранить эти недостатки. Исходя из его представлений, под экономической системой следует понимать динамическую целостность, состоящую из иерархически взаимосвязанных частей, в основе которой лежат матричные инверсии, а комбинированно-инверсионные изменения являются неотъемлемой составляющей ее элементов, функционирования, развития, противоречивости, усложнения и отношений с внешней средой. К преимуществам данной формулировки, на наш взгляд, следует отнести: а) интеграцию необратимых качественных изменений в структуру внутренней динамики системы, б) объяснение развития с точки зрения инверсионных изменений, в) увязку системности и инверсионности, г) акцентировку внимания на комбинационности, многоуровневости, противоречивости качественных изменений.

Что касается понятия «развитие», то в литературе предшествующих десятилетий его определение не претерпевало существенных изменений. В «Советском энциклопедическом словаре» оно рассматривалось как «необратимое, направленное, закономерное изменение материи и сознания, их универсальное свойство». [11,36]. В «Философском энциклопедическом словаре» это определение повторялось с примечанием, «что только одновременное наличие всех трех указанных свойств выделяет процессы развития среди других изменений»... и что «в результате развития возникает новое качественное состояние объекта» [14,527]. В «Новейшем философском словаре» 2003 года продемонстрирован

более обстоятельный подход. «Развитие, - сказано там, это характеристика качественных изменений объектов, появление новых форм бытия, инноваций и нововведений и сопряженная с преобразованием их внутренних и внешних связей... Концепция развития тесно связана с пониманием процессуальности и исторической изменчивости систем и явлений»[9,814]. В украинской «Экономической энциклопедии» 2001 года развитие экономики трактуется как закономерный процесс количественно-качественных изменений в границах экономической системы с указанием, что его качественное измерение сводится к изменению макро показателей [18]. Все приведенные определения отличаются рядом общих свойств:

1. Их характеризует определенная инерционность мышления, за которой просматривается отсутствие интереса к объекту исследования и его глубинным связям с другими категориями.
2. В большинстве из них не прослеживается связь развития с системностью объектов.
3. Не рассматриваются специфика и взаимосвязи функционирования и развития объектов.
4. Игнорируется духовно-творческая составляющая развития (знание, интеллектуальный капитал).
5. Игнорируется инверсионный характер развития с его тенденцией к инверсионным сетям, кластерам, виртуальным предприятиям.

Уже перечисленных отрицательностей достаточно, на наш взгляд для того, чтобы ответить на вопросы, почему научный принцип развития так и не прижился в отечественных экономических и гуманитарных науках, и что является одной из коренных причин кризисного состояния этих знаний. Конвергенция инверсионности и системности открывает возможности совершенствования современных представлений о развитии и решении этой основополагающей научной проблемы. Одним из ее междисциплинарных последствий является новый подход к внутрисистемной динамике, концентрирующейся в следующем определении. Развитие экономического объекта (хозяйства, отрасли, предприятия) – есть системный, противоречивый, многоуровневый, инверсионно-полевой процесс усложняющихся качественно-количественных изменений в субстанции, структуре, связях,

функциях, отношениях, явлениях системы. Процесс, нацеленный на оптимизацию экономического роста, доходов, качества жизни, среды выживания путем повышения эффективности технико-технологической, инновационной, институциональной и духовной составляющей.

При всех возможных недочетах, по сравнению с большинством вышеприведенных трактовок, предложенный вариант имеет такие основные преимущества:

1. Он увязывает системность с инверсионно-полевыми изменениями и структурно-функциональными представлениями о качестве элементов системы.
2. В нем акцентируется внимание на целевых функциях и механизмах внутрисистемной динамики
3. В отличие от традиционных определений он включает экологический и социально-экономический аспекты.
4. Соотношение качества инверсионных изменений, качества среды и качества жизни населения представлены как главные итоговые характеристики процесса развития системы.
5. Развитие рассматривается как многосторонний, многоуровневый процесс, познание которого невозможно в условиях преобладания авторитарного мышления. Многостороннее, междисциплинарное познание становится настоящей необходимостью.
6. Определение, следовательно, имеет еще одно преимущество. Оно ориентировано на стимулирование творческого исследовательского поиска и продуцирование новых знаний.

Предложенные междисциплинарно модифицированные определения, естественно требуют дальнейшего совершенствования и теоретического осмысления. Но уже в этом начальном экспериментальном варианте они, существенно расширяя поле дальнейшего поиска, будут способствовать приросту знаний, выработке новых аналитических подходов и полноценной интеграции научного принципа развития в исследовательский и педагогический процессы. В целом же конвергенция инверсионности и системности уже на данном этапе в состоянии оказать существенное многостороннее воздействие на современные экономические, гуманитарные, правовые и управленческие науки. Ее ближайшим последствием в истории экономики станет интеграция

научного принципа развития, переход к анализу внутрисистемных, качественных инверсионно-полевых изменений, характеризующих динамические перемены в системе и ее поступательное движение. Раньше в экономической истории внимание исследователей концентрировалось в основном на внешней стороне состоявшихся фактов, явлений, процессов. Теперь же научный поиск направлен на решение вопроса, поставленного в свое время известным историком-экономистом Фернаном Броделем. Суть вопроса: Как поймать изменение? В связи со спецификой нашего аспекта исследования он несколько уточнен и сформулирован так: Как поймать изменение качества? Ответ на этот вопрос, как свидетельствует данное исследование, заключается в следующем:

1. Отдавая должное сложившейся исследовательской практике «итоговых характеристик» необходимо рассматривать изменение «изнутри», с точки зрения внутреннего механизма его осуществления. Такой подход, кроме выяснения внутренних причин, существенно расширит анализ последствий первого и последующего уровней.
2. Как выяснилось, в основе внутреннего механизма качественных изменений лежат инверсии превращения, напластования, соединения ранее не соединимого, разделения ранее неделимого, перемены мест, актуализации, отклонения и мн.др.
3. Качественные изменения предстают в форме многоуровневых, одновременных базовых, локальных, единичных перемен и многочисленных производных инверсий, в совокупности составляющих мощную силу, воздействующую на функционирование и развитие системы.

Структуру основных инверсионно-полевых изменений можно отразить в форме матрицы поля развития системы. Разработка и использование матрицы как источника информации о внутрисистемной динамике может существенно обогатить содержание не только современного историко-экономического, но и теоретического анализа. Междисциплинарный характер имеет и такой результат конвергенции системности и инверсионности как модернизация понятий «система» и «развитие». На базе углубленного понимания системности открывается значительный простор для расширения междисциплинарных связей экономической истории и

теории. Этому же, как свидетельствует Д.Коландер [7,94] будет способствовать превращение макроэкономики в теорию сложных систем. В связи с этим становится особо актуальной разработка общей междисциплинарной модели развивающейся системы, дальнейшего углубления представлений о внутренней динамике (бинарно неравновесные, блуждающие, доминантные инверсии, их комбинации и превращения), деструктивных явлениях и процессах, аномалиях, случайностях. Что касается последних, то они возникают не только на пересечении независимых причинных линий, как считали А.Пуанкаре, А.Чупров и М.Смолуховский, но связаны также с возникновением сети маргинальных качественных изменений, блуждающими инверсиями, инверсионными комбинациями и многим другим. Именно в связи с этим неустойчивость сложных систем усиливается. В свете изложенного, важнейшей междисциплинарной проблемой, объединяющей интересы экономической истории, теории управления, права и теории принятия решений, является анализ эффективности институциональных систем. Творческий подход к ним, как к инверсионному разнокачественному образованию, может способствовать углубленному исследованию внутренних и внешних связей (связи с организациями), деформаций, уточнению функций.

На этой основе уже сегодня можно акцентировать внимание на функциях социально-экономического порядка, продуцирования условий функционирования и развития, упреждающего регулирования и др. К позитивным последствиям конвергентного совершенствования системного подхода следует отнести также возможность углубления теорий индустриального, постиндустриального обществ и ускоренного формирования междисциплинарной теории развития социально-экономических систем. Нельзя не отметить и следующее. Новый подход к трактовке развития как инверсионно-полевого процесса и связанные с ним представления о внутренней динамике систем актуализируют проблему перехода к новому типу мышления, основой которого станут инверсионность, многонаправленность и конвергентность. К этому типу мышления подталкивает нас также микромир современной физики, указание А.Бергсона на разницу логики интеллекта, основанной на логике твердых тел и нелогизированных явлений, утверждение А.Маслоу о том, что стать творческими людьми иногда означает и следующее: отказаться от идей порядка и структуры.

От конвергентного совершенствования системного подхода существенно выигрывает также исследовательская и социально-экономическая практика. Первая – вследствие вышеперечисленных инверсионно-полевых преимуществ и формирования инверсионно-полевого подхода, а вторая – вследствие перспектив проектирования инверсионно-полевых явлений, процессов и антипроцессов.

Одним из важнейших последствий выяснения соотношений системности и инверсионности приведшего к совершенствованию системного подхода является введение в научный оборот представления о роли и значении внутрисистемных, разнокачественных инверсионных образований. Объединяя различные явления, процессы, идеи, сближающиеся на основе однонаправленности, взаимостимулирования или взаимоусиления, - они образуют инверсии соединения, которые нередко становятся мощной силой, воздействующей на внутрисистемные процессы. Их влияние часто распространяется и на духовную сферу жизни общества, стимулируя или сдерживая социально-экономическое развитие. Они формируются из однонаправленных, относительно самостоятельных составляющих долгосрочного воздействия на верхние слои общества, образование, элиту, институты, производительные силы. Приведем несколько примеров. Обратимся вначале к периоду становления и развития феодальных отношений в Западной Европе (V-XII вв.). Известно, что его начало связано с варварскими завоеваниями и разрушениями. В исторической литературе он характеризуется как этап низкого уровня развития сельскохозяйственной техники, господства натурального хозяйства, закрепощения крестьянства, формирования вассалитета и образования феодальных государств. При этом, за редкими исключениями, часто игнорируется комплексная духовная составляющая этого периода, включающая влияние (в южных районах) римского права, гуманитарного наследия Древней Греции и Древнего Рима, а также – христианства, как нравственно консолидирующей технологии. Усвоение римского права, при всей неоднозначности и противоречивости процесса, было связано с защитой собственности, соблюдением строгих обязательств и строгой ответственности. Лестница вассальских отношений феодалов различных рангов в этих условиях формировалось как соотношение договорных прав и обязанностей. Институциональная система постепенно становилась системой правового порядка. Параллельно,

под влиянием античного наследия, медленно шел процесс формирования просвещенной прослойки и образовательной сети. Уже в V-VIII вв. Боэций (480-524), Исидор Севильский (560-636), Беда Достопочтенный (673-735) в доступной форме изложили в своих трудах основные положения античной науки. Схоластические диспуты способствовали становлению доказательных знаний. Через испанских переводчиков-евреев с XII века началась передача Европе сохранившихся в Ирано-арабском мире сочинений Аристотеля, Птолемея, Евклида, Гиппократ, Авиценны, Хорезми и других авторов. Возникают университеты – центры воспроизводства и передачи знаний. Ускоряется формирование образованной прослойки, воздействующей на качество обучения, интеллектуальный уровень элиты, эффективность социально-экономических институтов.

Одновременно с этим и приблизительно в этом же направлении действовала еще одна мощная составляющая – христианская религия. Христианство в данном случае мы рассматриваем как духовную, гуманитарную технологию, направленную на объединение и воспитание общества. Но западная религия, кроме того, была в известной мере и носительницей знаний. В ее пределах сформировалось каноническое право и первые экономические концепции. Она воздействовала на государственную политику. Ее монахи нередко становились экономистами-бухгалтерами и управляющими монастырских имений. Все это содействовало становлению образования, управления, социально-экономических институтов.

В целом же рассмотренное инверсионное, разнокачественное образование стало мощной, многоплановой духовной составляющей процесса развития Западных обществ. Несколько позже, в XV-XVIII веках сформировалось еще одно пространственно-временное масштабное инверсионное образование, включающее явления и процессы эпохи Возрождения, церковной Реформации и научной революции XVII века. Его существенной особенностью были ступенчатая последовательность и однонаправленность связей. Возрождение стимулировало возникновение Реформации, а сообща они способствовали приближению и развитию научной революции. Эти связи составляют внешние границы инверсионности. Вместе с тем, внутри каждого из компонентов существовала система своих инверсионных явлений. Именно они были главной силой

качественных преобразований, а так же импульсами воздействия на инверсионность других, относительно обособленных составляющих. В период Возрождения это в первую очередь – инверсия перехода от догматического к критическому мышлению, утверждение примата личных достоинств по сравнению с наследственными прерогативами, осознание творческих возможностей личности, роли знаний и процесса развития ремесел. В реформационном движении ведущей была инверсия разделения ранее единой католической религии на противостоящие ей протестантские ветви. За ней следовали переход от религиозного фанатизма к нравственной стороне религии, обновленное понимание спасения души через усердный профессиональный труд и высоконравственное поведение, усиление воспитательной функции церкви, рациональной организации личной жизни, роли науки, гражданской активности мирян и др. В совокупности инверсионные импульсы, идущие от этих двух составляющих, способствовали подготовке Научной революции. В ходе ее развертывания качественные изменения предстают, преимущественно, в виде инверсии перехода к противоположному: от геоцентрических к гелиоцентрическим представлениям о вселенной (Н.Коперник), от стихийного научного поиска, к понятию метода исследования (Р.Декарт), от преобладания статических представлений в математике, к пониманию движения (создание дифференциального и интегрального исчисления И.Ньютоном и В.Лейбницем) и др.

С этого периода, тенденция к инверсионному мышлению в естественных науках усиливается. Его научные достижения в форме теории трения, махового колеса, расширения газов обогащают эвристические поиски в период промышленных переворотов, воплощаясь в изобретения инверсионного характера. Со времен промышленных революций инверсионный подход уже закрепляется в технико-технологическом секторе знаний и оказывает преобразующее воздействие на хозяйственные системы. Но в сфере гуманитарных знаний после XVIII века, мощных инверсионных образований инновационного характера, несмотря на их успешную эволюцию, не наблюдается до настоящего времени. Более того, в духовной культуре постепенно усиливаются нигилизм и дегуманизирующие тенденции, наиболее негативными модификациями которых стали идеологии фашизма, большевизма, японского милитаризма. Особо отрицательным фактором является

коммерциализация культуры, превращающая ее в сектор бизнеса, в развлечение и забаву. Естественно, это не может не заботить наиболее интеллектуально чуткую часть обществ. «Обескураживающе неуместными, - пишет по этому поводу известная журналистка Сьюзен Сонтаг, - чувствуют себя теперешние люди под прикрытием таких высокопарных абсолютов, как красота, благо, истина. Европейские идеалы зрелости, развитости, умудренности уступили место американскому прославлению Вечно Юного. Дискредитация литературы и прочих разновидностей высокой культуры как элитистских и умерщвляющих жизнь – опора новой культуры, где тон задают ценности развлечения».

«Все великие гуманитарные критерии, - вторит ей Ж.Бодриар, - оказываются стертыми в нашей системе образования и знания». На постсоветском пространстве кризис культуры существенно осложняется упадком экономики, обнищанием населения, безнравственностью и наглостью чиновничьего аппарата и новоявленной буржуазии. Современник этих явлений экономист и писатель Н.Шмелев характеризует эту ситуацию следующим образом: «Сегодняшняя ярмарка цинизма, поразительный парад беспринципности и просто этической, нравственной стерильности, которые нам демонстрируют и политики и общественные деятели и новоявленные коммерсанты, да и обычные, рядовые граждане, - это прямое свидетельство того, что мы творим с собственным народом» [15]. Как видим, отсутствие действенных, мощных, разнокачественных духовных структур, положительно влияющих на общество, порождает в нем не только скептически-нигилистические настроения, но ведет к его глубокой катастрофической деградации. Это значит, что инверсионные образования этого типа всегда должны находиться в центре внимания научной общественности. Их исследование, теоретическое осмысление и регулирование является общей междисциплинарной задачей всех социально-экономических наук. Но уже на данной стадии информация о них, полученная с помощью инверсионно-полевого подхода, дает возможность поставить проблему научного проектирования этих структур. Собственно проблема, в известной степени, уже определилась. Наука, образование, продуцирование новых знаний, инновации и творчество в развитых странах, особенно в сфере ТНК, по существу уже стали инверсионным комплексом. Можно надеяться, что это со временем произойдет и в странах СНГ. Но чтобы оно осуществилось,

необходимо к указанному инверсионному комплексу подключить обновленные духовные производительные силы общества на уровне личности, семьи, организации, гражданских объединений, управленческой элиты. Именно этот деятельностный аспект духовности, вместе с наукой, образованием, интеллектуальным капиталом позволит не только преодолеть кризис культуры и кризис самого человека, но станет мощным инверсионным кластером, продуцирующим и внедряющим инновационные идеи, преобразующие социально-экономическую систему.

Практическим инструментом реализации этой идеи может стать поддержанный широкой общественностью, бизнесом, партиями, движениями и государством проект поэтапной духовной реформации общества. Неизбежность решения данной проблемы, кроме рассмотренного аспекта, связана еще с целым рядом актуальных задач: необходимостью преодоления олигархически-авторитарных режимов, повышения социальной активности, интеллектуальной и экономической конкурентоспособности населения, обновления институтов, формирования, по выражению А.Гальчинского антропосоциентрической парадигмы развития [4,12]. Особо важной проблемой является повышение качества населения, формирование социального капитала и сети социальной самозащиты. Как видим, разнокачественные образования инверсионно-кластерного характера в наше время призваны и могут решать множество общественно-значимых, животрепещущих проблем.

Сказанное о сущности и роли разнокачественных образований позволяет сделать третий обобщающий вывод:

Разнокачественные инверсионные структуры – неотъемлемая часть духовной составляющей процесса развития экономических систем. Духовная же составляющая, включающая науку, образование, институты и культуру, интеллектуальные силы личности, семьи, организации, элиты - является генератором инверсионно-инновационных идей, ядром системы, постоянно преобразующим экономику. Поэтому, в свете настоящего и будущего лозунг: вся власть деятельным ученым-гуманитариям с управленческо-аналитическими способностями – приобретает особый, судьбоносный общественно значимый смысл.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блауг М. Методология экономической науки /М.Блауг - М.: Мысль,2004.- 240с.
2. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика, капитализм XV-XVIII вв. /Ф.Бродель - М.: Наука, 1986, т.1-3.
3. Вайбер Р. Эмпирические законы сетевой экономики – /Р.Вайбер// Проблемы теории и практики управления. 2003, №4, с. 82-88.
4. Галчинський А. Економічний розвиток: методологія оновленої парадигми /А.Галчинський//– «Економіка України». 2012, №5, стор.4-17.
5. Елфимов Г.М. Возникновение нового /Г.М.Елфимов - М.: Мысль, 1983, 189с.
6. Камерон Р. Краткая экономическая история мира от палеолита до наших дней /Р.Камерон// - М.: РОССПЭН. 2001, 544с.
7. Коландер Д. Революционное значение теории сложности /Д.Коландер// Вопросы экономики. 2009, 1, с.84-98.
8. Кульчицький Б. Сучасні економічні системи /Б.Кульчицький// Львів: Афіша, 2004, 279с.
9. Новейший философский словарь. М.: Наука. 2003. -1280с.
10. Норт Д. Інституції, інституціональні зміни та функціонування економіки /Д.Норт// Київ: Основи. 2000. -324с.
11. Советский энциклопедический словарь. М.: Наука. 1986 – 442с.
12. Тодаро М.К. Экономическое развитие /М.К.Тодаро - М.: МГУ, 1997, 584с.
13. Уперенко Н.А., Кузнецов Э.А. Историко-экономическая эвристика /Н.А.Уперенко, Э.А.Кузнецов - Одесса: Наука и техника 2012. – 120с.
14. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия. 1989 – 815с.
15. Шмелев Н. Бессовестная экономика не эффективна /Н.Шмелев - Труд, 18 июля 1997.
16. Чухно А.А., Леоненко П.М., Юхименко П.І. Інституціонально-інформаційна економіка /А.А.Чухно, П.М.Леоненко, П.І.Юхименко - Київ.: Знання, 2010 – 687с.

17. Экономическая энциклопедия. Минск: Книжный дом, 2007 – 814с.
18. Економічна енциклопедія. Київ: Наукова думка. 2002 – 283с.

Глава III. Человек в инверсионных полях: к проблеме познания жизнедеятельности человека в социально-экономических науках

Истинным предметом экономической науки является человек

Ж.Ш. Сисмонди

Экономика – учение о нормальной жизнедеятельности человека

А. Маршал

Нам нужна гуманитарная наука о человеке

Э. Фромм

История экономики, как воплощение сущностных сил человека, одновременно является его общей многосторонней характеристикой. Это естественно не исключает необходимости исследований на уровне личности, условий, структуры, результативности её жизнедеятельности, изменений в её статусе, духовном мире, активности, конкурентоспособности, самореализации, творческом потенциале. Разработки такого рода особо актуальны своим междисциплинарным характером. С ними непосредственно связан новый уровень интеграции проблематики человека в экономическую историю, теорию, историю экономической мысли, отраслевые науки. Интеграция, в свою очередь, может повысить уровень содержательности знаний, методологии исследований, связей с практикой. Полученная информация, кроме того, обогатит теорию менеджмента, воспитания и образования, теорию человека, институциональных систем и культуры. Ускорится решение целого ряда особо актуальных проблем: повышения качества человеческого капитала как главного фактора экономического роста, повышения конкурентоспособности населения СНГ, использования социальных

сетей в целях самозащиты граждан, борьбы с бюрократией и олигархическими кланами. Важность исследования проблематики человека в прошлом подчеркивали представители немецкой исторической школы в политической экономии, а также известные экономисты С. Сисмонди, Ф. Лист, А. Маршал и др. Но фундаментальных работ этого плана не так много. К наиболее известным авторам можно отнести М. Вебера [6], К. Бюхера [5], Ф. Броделя [4], Ж.ле Гоффа [9], И. Хёйзингу [19], В. Лефевра [11], Л. Ладюри и др. Большинство из них исследовали отдельные стороны жизнедеятельности человека: специфику образа мышления, ментальность, ежедневность, коллективное бессознательное, особенности труда. Такой фрагментарный подход усиливал концентрацию исследователя на проблеме и обеспечивал возможность получения интересных и содержательных результатов. Но в то же время он уводил от постановки особо важной проблемы – разработки междисциплинарной методологии исследования человека. В результате этого, а также вследствие малоработанности и сложности проблемы – задача остаётся нерешённой до настоящего времени, а степень её актуальности, в связи с требованиями современности, всё больше повышается. Продолжает расти и количество исследований.

Кроме историков-экономистов в разработке данной проблемы задействованы экономисты-теоретики, философы, психологи и представители других наук. Это стимулирует коллективный поиск и вселяет надежду на успех. В задачи настоящего поискового раздела входят:

- а) краткий обзор результатов предшествующих исследований;
- б) определение основных инновационно-поисковых аспектов познания жизнедеятельности человека в условиях инверсионной социально-экономической среды;
- в) разработка одного из вариантов междисциплинарной поисково-исследовательской модели жизнедеятельности человека.

Итак, начнём с краткой характеристики итоговых данных предшественников (экономистов, философов, психологов). У Адама Смита (1723-1790) человек сконцентрирован на своих интересах. Это

эгоист, преследующий свою выгоду. Но, преследуя свой интерес, он действует и в интересах общества, являясь основным агентом процесса труда. Его производительный труд создаёт стоимость. На этой основе А. Смит создаёт свою теорию стоимости. Особый акцент на человеке делает и Ж.Ш. Сисмонди (1773-1842). В «Новых началах политической экономии» (1837) он объявляет его предметом экономической науки, указывая на необходимость изучения социально-экономических условий жизнедеятельности, говорит об эксплуатации рабочего предпринимателем, о воздействии социальных институтов на положение трудящихся [1].

Немецкий экономист Ф. Лист (1789-1846) в «Национальной системе политэкономии» (1841) соединяет процесс индустриального развития с накоплением интеллектуальных знаний, включает духовные факторы в предложенное им понятие «производительные силы». Следуя за ним, представители исторической школы предлагают в центре теоретических исследований поставить конкретного, а не умозрительного человека.

У К. Маркса (1818-1883) сущность человека обуславливается созданными им производительными силами и производственными отношениями. В условиях капитализма собственность и подчинённая ей система машинного производства подавляют эксплуатируемого рабочего. Борьба капитала и труда бескомпромиссна. Конфликт завершается пролетарской революцией и созданием нового справедливого общества.

У маржиналистов же индивидуум представляется оптимизатором, выбирающим на основе информации наиболее рациональные пути к получению прибыли.

А.Маршал (1842-1924) считал, что основой производительности населения является физическая, умственная, нравственная сила, воля, стойкость и оптимизм. Человек должен совершенствоваться. Экономический субъект стремится к удовлетворению своих потребностей и рациональному поведению [13].

Современные представления об «экономическом» человеке, в основном, сводятся к понятию человеческого капитала. В «Экономиксе» С.Фишера, Р. Дорнбуша и Р.Шмалензи [17] его определение звучит так: «Человеческий капитал есть мера воплощённой в человеке способности приносить доход». В

понимании авторов он включает врождённые способности и талант, а также образование и приобретённую квалификацию [17]. Несколько иную трактовку человеческого капитала находим у Л.Эдвинсона и М.Мелоуна. В его структуру включается: совокупность знаний, практических навыков, творческих способностей, моральных ценностей, культуры.

Итак, подводя итоги, отметим, что в экономической теории от Адама Смита до современности, прослеживается тенденция к рассмотрению человека, как деятельного, многомерного индивидуума, на которого воздействует окружающая социально-экономическая система, и внутренние сущностные качества которого определяются в результатах труда.

Интерес к индивидуальности с особой силой и широтой проявился в философии. Высокую гуманистическую тональность придали ему мыслители Древней Греции.

Сократ (469-399 гг. до нашей эры.) полагал, что в основе всех духовных ценностей человека находится знание, в частности знание себя, своих достоинств и слабостей. Все несчастья от незнания. Высшие блага человека - физическое и духовное здоровье, умственные способности, дружба, согласие между братьями, родителями и детьми, искусства и науки, благоустроенная жизнь.

У Платона (428-348 гг. до нашей эры) личность - творец своего счастья. Людей объединяют потребности и нужда. К житейским благам относятся здоровье, красота, сила, богатство. Душа состоит из разума, воли, благих желаний, влечений и чувств, добродетелей (воздержания, мужества, мудрости).

Аристотель (384-322 гг. до нашей эры) видел в человеке общественное существо, развивающегося под влиянием труда и потребностей. Индивидуум сам ответственен за свою судьбу и благополучие. Его духовные силы - разум, знания, умения, опыт, мудрость, добродетели (самообладание, мужество, кротость), моральные установки.

Под влиянием древнегреческой и древнеримской философской мысли складывались и представления о личности у отцов церкви. Аврелий Августин (354-430 гг.) различает в человеке четыре добродетели: разум, мужество, воздержание, правдивость. Говорит о противоборстве тела и души, о жизни по плоти и по духу [2]. Фома

Аквинский (1225-1274) повторяет аристотелевские представления о человеке, включая в структуру его духовного мира: разум, познание, знание, опыт, мудрость. Опыт и знание у него – источники всех наук, кроме теологии.

Эпоха Возрождения и последовавшие за ней успехи естественнонаучных знаний (XIV-XVII вв.) способствовали дальнейшему повышению интереса к человеку, его способностям, познанию, образованию, мышлению.

Один из ярких представителей Ренессанса Д.Пико дела Мирандола (1463-1494 гг.) особо подчёркивал следующие признаки личности: она в состоянии создавать себя сама, с помощью познания может совершенствовать свои мыслительные способности, регулировать страсти, делать свою жизнь более разнообразной, соединяя все области бытия. Для нее характерно поэтапное восхождение к высшему благу – счастью.

М. Монтень (1538-1592) акцентировал внимание на самопознании и умении пользоваться благами жизни. «Ценность и достоинство человека, - писал он в «Опытах», - заключаются в его сердце и его воле: именно здесь основа его подлинной чести». Заслуги доблести – в деятельности, в жизни согласно разуму. Последнее правило распространяется и на ежедневность. «А сумел ли ты обдумать свою повседневную жизнь и пользоваться ею как следует? – спрашивает нас Мишель, - Если да, то ты уже совершил величайшее дело» [14].

Верой в познавательные возможности личности отличались и взгляды Р. Декарта (1596-1650 гг.). Чёткости и ясности знаний, по его мнению, можно добиться путём совершенствования ума с помощью метода. Важнейшим методологическим инструментом, по его мнению, является математика. Аналогичных взглядов придерживался Ф. Бэкон (1561-1626 гг.). Знание, - писал он в «Новом Органоне», - увеличивает силы человека и его власть над природой. Цель метода познания – освобождение ума от заблуждений.

В период Просвещения вера в возможности разума и прогресса научных знаний по-прежнему сочеталась с усиленным вниманием к индивидууму. Один из видных мыслителей того времени - П.А. Гольбах (1728-1789 гг.) к основным признакам сущности человека относит: стремление к самосохранению и личной безопасности,

удовлетворение личных потребностей, ведущую роль потребностей и интересов в социальном развитии. Ему же принадлежит мысль о роли окружающей среды в процессе эволюции человека.

Его современник, К.А. Гельвеций (1715-1771 гг.) одним из первых обратил внимание на роль труда и воспитания в развитии индивида. «Ум, по его мнению, является сыном нужды и интереса»[8].

Известный английский просветитель Дж.Локк (1632-1704 гг.) в «Мыслях о воспитании» главное внимание уделял качественным сторонам личности. «Добродетель, - говорит он, - это сознание своего человеческого долга.... Не скороспелая развязность или мелкие приёмы житейской хитрости, а добродетели в прямом смысле являются высокой и трудно достижимой целью воспитания» [12, 54].

Знаменитый немецкий поэт и просветитель И.В. Гёте (1749-1832 гг.), размышляя о самопознании, взаимосвязях мышления и деятельности, писал следующее: «Как нам познать себя? Размышляя – никогда, но действуя. Старайтесь исполнить свой долг и вскоре вы узнаете, что же есть вы. А что же тогда является вашим долгом? – Требование каждого дня» [18].

В начале XIX века новый вариант подхода к пониманию человека предложил Г.В.Ф. Гегель (1770-1831гг.). Индивид в его философии является результатом труда. Сознание исторично. Познание и мышление тесно связаны с диалектикой – душой всякого научного развития мысли. Мышление представляет собой деятельность духа. Движение индивидуального сознания повторяет историю общества. В его структуру входит:

- 1) субъективный дух – индивидуальное сознание;
- 2) объективный дух (право, нравственность, государство, семья, гражданское общество, сословия, классы);
- 3) абсолютный дух (искусство, религия, философия).

Сущность человека по Гегелю заключается в его самосознании. Принципом духовности является познание. Человек в своей всеобщности есть мысль. Я и мышление – одно и то же. Духовность есть «исполненная самосознания жизнь» [7]. С критикой гегелевского понимания сущности человека как самосознания выступил Л. Фейербах (1804-1878 гг.). Он понимал духовное ядро личности как силу чувства, разума, воли. Говорил о воздействии чувств на

человека, о безграничности мыслительных способностей. Сознание предстает у него высшей формой самоутверждения.

Качественно противоположные взгляды на человека находим у Ф. Ницше (1844-1900 гг.). Личность, по его мнению, всё ещё пребывает в процессе становления на пути к сверхчеловеку. В ней много от прошлого, её движение неустойчиво. «Вы прошли путь от червя к человеку, - говорит он своим современникам, - и многое в вас ещё червь. Человек – это канат, закреплённый между зверем и сверхчеловеком, канат над пропастью» [15, 32]. При этом, всё же, индивидууму необходимы четыре добродетели: храбрость с врагами, великодушие с побежденными, честность по отношению к себе и другим, постоянная вежливость. Ницше выступает за ниспровержение старых моральных ценностей, реорганизацию морали, за унижение слабых и укрепление сильных. «Лучшее должно господствовать, лучшее и хочет господствовать. И где учение гласит иначе, там нет лучшего» - пишет он [15, 368]. С этим тезисом, в частности, можно было бы согласиться. Но глухая, часто бескомпромиссная оппозиция автора традиционному гуманизму, роднящая его с деятелями третьего рейха отвращает нас от его оригинальных пассажей и заставляет стать более бдительными в борьбе с современным неофашизмом.

В XX веке с усложнением социально-экономических систем и ускорением механико-технологического прогресса, процесс подчинения человека системе усиливается. В связи с этим философские взгляды на положение личности в обществе становятся более противоречивыми и тревожными.

Правда у М. Шелера (1874-1928 гг.) и А. Швейцера (1875-1965) ещё преобладают оптимистические настроения. У М. Шелера личность самопроектирует себя в духовном акте. Её главная черта – направленность вовне. Дух создаёт культуру, но не может воплотиться в социуме. Человек – вечный протестант, вечный Фауст. Основные его черты: разум, вера в бога, различие добра и зла, память, осознание смысла вещей и явлений, надежда на будущее [23].

У А. Швейцера исходным принципом является ценность жизни. Путь к обновлению культуры связан с духовным творчеством, с преображением человека, с благоговением перед жизнью.

Центральное место в системе его взглядов занимает идея жизнеутверждения. «Жизнеутверждение, - по Швейцеру, - есть духовный акт, в котором человек перестаёт жить бездумно и отныне посвящает себя своей жизни, с благоговением, чтобы возвысить её до истинной ценности» [22].

Человек М.Хайдеггера (1889-1976 гг.) не занимает уже центральное место в современном мире. И не является самодостаточным, сопричастным бытию. Он – функция, растворяющаяся в окружающем мире. Э. Фромм (1900-1980) указывает уже на деструктивность как одну из черт современной личности, а Ортега и Гассет (1883-1955) утверждает, что в XX в. человек превратился в вещь, в деталь системы. Человечность утрачена. Личность находится под постоянной угрозой дегуманизации. Появляются работы, в которых содержатся прямые нападки на гуманизм (О. Шпенглер, А. Гитлер).

О. Шпенглер (1880-1936 гг.) в «Закате Европы» говорит о гуманистах как «отбросах общества», апеллируя к «решительному вождю, который может что угодно» [24]. А. Гитлер в «Моей борьбе» рассматривает человека как обезьянку в руках отца вселенной, а народы как «кочевников истории», не сознающих своего духовного порабощения. Фюрер обещает освобождение немцев от «химер», именуемых совестью и моралью. Его подручные в таких же тонах вопят о встряске рабочего класса, в результате которой «вылетят не только зубы, но и мозги». В истории гуманитарных знаний XX века произошла небывалая инверсия. В их духовной сфере вырос ядовитый сорняк фашистской идеологии.

Итак, подводя предварительные итоги отражения человека в философской мысли Европы, отметим следующее:

1. На протяжении многих веков в философии преобладали оптимистические взгляды на человека. Исключением является двадцатый век, где целый ряд авторов высказывают тревожные мысли по поводу его превращения в деталь системы, в функцию, в дегуманизованную, децентрированную, заброшенную особь.

2. Актуальной, до конца не исследованной проблемой социально-экономических и гуманитарных наук остаётся факт частичной инверсии европейских гуманитарных знаний в профашистские ответвления.
3. В методологическом плане основным центром внимания философской мысли оставался внутренний духовный мир человека и его составляющие.
4. Многовековая гуманистическая мысль прошлого рассматривала личность как деятельное, разумное существо, способное к самоизменению, к совершенствованию метода познания и росту «полномочий разума» (М. Шелер).
5. Указание на роль труда, потребностей и интересов в жизнедеятельности личности дополнялось настойчивыми советами по воспитанию человека, сохранению добродетелей, развитию чувства долга.
6. Мысли И.В. Гёте об отношении к ежедневности как долгу и А. Швейцера о сознательном посвящении себя своей жизни остаются особо актуальными и в современном обучении, воспитании, а также теории человека и разработке гуманитарных технологий.
7. Озабоченность целого ряда авторов XX века положением личности в обществе, потерей его идентичности, превращением в функцию и другими явлениями отражает объективную тенденцию, связанную с несовершенством и несправедливостью современных социально-экономических систем.
8. Соотношение проблематики человека и проблематики системы его проживания остаётся одним из главных методологических принципов их исследования.
9. Интеллектуальные построения философии, включая исследования человека, сформировались преимущественно в условиях старой Ньютонской картины мира и отсутствия инверсионных представлений о развитии. Это обстоятельство следует учесть при обобщении их опыта в социально-экономических науках.

Следуя логике развёртывания содержания данной главы, перейдём от философских аспектов к основным вариантам понимания человека в психологии [16]. Обратимся к наиболее видным авторам.

Известный психолог У. Джемс различал три аспекта личности: физический, социальный и духовный. Духовная личность представлялась ему как «... полное объединение отдельных состояний сознания, конкретно взятых духовных способностей и свойств». Следуя Локку, Юму, Спенсеру, Хорни, он считал, что личность развивается под влиянием разнообразия опыта. В её основе лежит чувство активности.

Иной точки зрения придерживался З. Фрейд (1856-1939). Согласно его теории внутреннее ядро человека представляет деструктивную силу. Инстинкты господствуют над интеллектом. Бессознательное – главное составляющее психики. Личность включает три основных уровня:

- а) Ид – содержащий всё унаследованное при рождении, а также инстинкты. Это – энергогенератор индивида;
- б) Эго – часть психики, которая контактирует с внешним миром, обеспечивает накопление опыта, самосохранение, контроль над инстинктами, стремление к удовольствию;
- в) Суперэго – вырастает из Эго. Главные функции: самоконтроль, самонаблюдение, оценка деятельности, сохранность традиций и ценностей.

Эротическая энергия личности может переноситься на другие цели. У Фрейда это носит название сублимации. Последняя, - считал он, - является создателем цивилизации.

Наряду с изложенной концепцией, естественно, существовали и другие точки зрения. В теории личности К. Юнга различались четыре основные психологические функции: мышление, чувство, ощущение и интуиция. Функции развиваются не синхронно. Ощущения и интуиция понимаются как способы получения информации. Качественно иной подход обнаруживается у К. Адлера. Он полагал, что агрессия и борьба за власть играли главную роль в процессе выживания человека. Последнего необходимо исследовать как единое целое, изучая опыт, стиль жизни, его представления о

себе и о мире, творческие способности, кооперативные связи, жизненные задачи, а также сферу труда.

В теории К. Роджерса одной из главных черт индивида является стремление к самоактуализации, к реально значимым функциям, расширению области влияния, зрелости. Проявлению основных качеств личности способствуют социальные отношения («Наша личность становится видимой для нас посредством отношения с другими») [16]. Полно функционирующий человек характеризуется: открытостью к опыту, реализацией каждого момента жизни, доверием к своим побуждениям. Индивидуум открывает себя в опыте. Обычно он видит то, что соответствует его представлениям о себе. Опыт отрезвляет его и побуждает не к внешней, надуманной, а внутренней, глубоко осмысленной самооценке.

Оригинальную концепцию личности предложил врач-психолог В. Франкл. С его точки зрения «человек – это больше чем психика, человек – это дух». Для личности характерны две существенные особенности: а) возможность постоянно выходить за пределы себя; б) возможность подняться над собой и над ситуацией, посмотреть на себя со стороны. Личность нельзя понять вне исторического контекста. Её поведение регулируется и социальной действительностью и связанными с ней представлениями о долге, обязанностях, смысле жизни. Главное в её жизнедеятельности – взять на себя ответственность за свою судьбу.

Подводя итоги познания человека в психологии на основе сделанной нами выборки, можно прийти к следующим основным выводам:

1. За исключением З. Фрейда и Адлера в работах психологов (как и философов) отсутствовало целостное концептуальное междисциплинарно направленное представление о человеке. Исследования имели содержательный, но преимущественно фрагментарный характер.
2. Концепция человека З. Фрейда – одна из вершин психологической науки и может быть критически использована при разработке его междисциплинарно-исследовательской модели.
3. Для историков-экономистов мысль У. Джемса о влиянии разнообразного опыта на человека не является особой

новостью. Это засвидетельствовано всем ходом истории экономики. Более существенным представляется его акцент на многообразии опыта: разработка самого понятия, его границ, его понимания в свете древнегреческого осуждения «многоделания» (какоургии), преимущества специализации, «болевых точек» опыта и др.

4. В процессе разработки новой концепции и междисциплинарной модели человека следует объединить положения К. Юнга об ощущениях и интуиции как способах получения информации с указанием К. Адлера изучать человека как единое целое, как взаимосвязь всех элементов и сторон его деятельности.
5. Дополнительную информацию может дать также творческое освоение представлений К. Роджерса о стремлении личности к самоактуализации, о проявлении её качеств в отношении с другими, об отрезвляющем влиянии опыта. Результативность этого освоения существенно может усилить интеграция акцентов В. Франкла на регулирующей роли представлений о долге, обязанностях, смысле жизни.

Обобщая экономические, философские и психологические представления о человеке с точки зрения его деятельностных характеристик, получим следующие основные теоретико-методологические установки к процессу его дальнейшего познания:

1. Человек – биологическое, мыслящее, общественное, деятельностное, изменяющееся существо, имеющее свои материальные и духовные потребности.
2. Необходимость удовлетворения материальных и духовных потребностей понуждает его к многоплановой деятельности, к труду.
3. В процессе деятельности индивид использует присущие ему сущностные (духовные) силы, опредмечивая их в средствах производства, товарах, услугах.
4. Созданная предшественниками и с его участием социально-экономическая система через микросистему деятельности оказывает обратное влияние на сущностные силы и структуру занятости личности.

5. Постепенное изменение человека осуществляется под влиянием комплекса факторов, главными из которых являются: труд, система сложившихся социально-экономических отношений, образование, воспитание, волевое самосовершенствование.
6. Самостоятельным фактором самоорганизации и активизации деятельности индивида, расширения сферы его экономической и социальной свободы является частная собственность.

Большинство из перечисленных установок общеизвестно и давно используются в ходе исследований. Но теоретико-методологический потенциал некоторых из них далеко не исчерпан. Это касается, в первую очередь, малоразработанных представлений о сущностных силах человека, особенностях их функционирования, развития, регулирования, о социальном творчестве личности и мн. др.

Так что приведённые установки можно рассматривать в качестве основания, с которого начинается новый этап нашего исследования. В то же время мы не можем не сознавать, что содержание данного основания тяготеет, в основном, к прошлому, что оно оформилось в пределах старых ньютоновских представлений о мире, что новая неоклассическая парадигма познания находится за его пределами. В связи с этим нельзя не указать и на целый ряд недостатков познавательного характера, присущих старой системе исследования человека и его деятельности:

- а) преобладание замкнутого фрагментарно-дисциплинарного подхода, боязнь широких междисциплинарных обобщений;
- б) слабость теоретико-методологических представлений о жизнедеятельности человека, препятствующая её моделированию;
- в) пассивно-пожелательный характер рекомендаций, рассчитанных на совершенствование личности;
- г) одноуровневость, одномасштабность подхода к статичному человеку, часто вне представлений о развитии и динамике окружающей его среды;
- д) отсутствие ярко выраженного интереса к долгосрочным качественным изменениям на уровне личности;

- е) игнорирование инверсионных представлений о духовной системе индивидуума;
- ж) недостаточное внимание исследованию деятельностных связей индивида со сферой социума, науки, культуры;
- з) устарелость и малоэффективность индивидуальных форм познания, опирающихся на авторитарное мышление;
- к) слабость познавательно-инновационного противодействия антигуманистическим тенденциям фашистской и неофашистской идеологии.

Сказанное свидетельствует, что в современных условиях доверие к старым исследовательским подходам связано со значительным риском. Более подходящим направлением, по-видимому, является их критический анализ, учёт негативного опыта и поиск самостоятельного пути познания на основе неорационализма. В нашем случае это значит, что в процессе данного поискового исследования мы придерживаться следующих основных положений:

1. Использования плюралистического подхода к человеку и его жизнедеятельности.
2. Сочетания макро - и микроуровней исследования жизнедеятельности (глобально-эволюционного и социально-конкретного) как одного из способов объективизации познания.
3. Активного вмешательства в предмет исследования в целях реструктуризации, использования гуманитарных технологий и инновационных идей.
4. Соединения исследования с теоретическими обобщениями и практическими предложениями.
5. Междисциплинарность в направленности и решениях поставленных проблем.
6. Нового, деятельностно-творческого подхода к пониманию духовных сущностных сил человека.
7. Интеграции представлений об инверсионности качественных изменений в духовной системе личности, её жизнедеятельности и социально-экономической системе их обитания.

8. Применения в исследовании синхронных системно-инверсионно-кластерных подходов.
9. Особого акцента на сетевой форме развития духовных сущностных сил человека и его жизнедеятельности в целом.
10. Исследования принципа взаимосвязей инновационных процессов в материально-технической базе экономики и в системе духовных сущностных сил личности, семьи, организации.
11. Представления о самовозрастании человеческого капитала на основе творческого инверсионного кластерного подхода к системе духовных производительных сил человека.
12. Понимания того, что личность, действующая в современных инверсионных полях, должна обладать развитым инверсионно-сетевым мышлением. Последнее рассматривается как один из существенных факторов повышения её интеллектуальной и экономической конкурентоспособности.

Определив основные теоретико-методологические установки, мы можем перейти к уточнению предмета исследования. Понятие жизнедеятельности в первом приближении предполагает человека, обладающего сущностными производительными силами, которые он использует в сферах материальной, духовной и социальной деятельности. В связи с этим вырисовывается и один из простейших вариантов исследования, включающий:

- а) познание сущностных сил;
- б) выяснение особенностей их исследования;
- в) определение степени обратного влияния сферы непосредственной деятельности на индивида.

Но при более детальном подходе выясняется, что личность выступает не сама по себе, не обособленно, а представляет функциональное звено социально-экономической системы, частицу производительных, духовных и социальных сил. Более того, она – частица великого единства всего живого и неживого на атомном уровне, а также общности генетического кода всех живых существ. Магнитное поле мозга человека нерасторжимо связано с магнитным полем Земли. Он сам является не только земным, но и космическим

существом, живущим на ядерном реакторе Земли и мчащимся вместе с Галактикой в направлении созвездия Льва. Таким образом, согласно вышеприведенным установкам, предмет исследования предстаёт на микро - и макроуровне. При этом оба уровня не просто взаимодополняют, а взаимообуславливают и взаимораскрывают, но и взаимоизменяют друг друга. Но макроаспект жизнедеятельности, включающий сверхдолгосрочные и долгосрочные тенденции, противоречия и аномалии, проблемы, затрагивающие самые основы существования, исторически и логически, предшествует микрофакту локальной жизнедеятельности данного социально-экономического периода. Поэтому освещению последней всегда должен предшествовать анализ макропроблем человека как представителя вида и социума. Что касается глобальной проблематики существования человека, то в современной литературе, включающей публикации Римского клуба, она получила довольно широкое освещение. Тем не менее, целый ряд судьбоносных аспектов остаются малоисследованными. Именно в процессе их познания могут произойти инновационные перемены на макроуровневых высотах жизнедеятельности человека. Перечислим эти аспекты.

Первый из них, как свидетельствуют биологи, связан с угрозой существованию человека как вида, с грядущей лавинообразной мутацией его генетического аппарата вследствие загрязнения среды остатками тяжелых металлов. Мутация некоторых живых сообществ (моллюски, волки) уже началась. На очереди – деструктивно-уродливое изменение человека. Созданная им технико-экономическая система вступила с ним в «смертельный конфликт».

В основе содержания второго аспекта лежит долгосрочный процесс превращения человека в «комнатное животное», перспективой которого является вымирание. Третий аспект касается современной социально-экономической действительности, приоритеты которой сместились в сторону глобализации, сетевых структур, банков и бирж. Человек забыт в погоне за экономическим ростом и прибылью. Его децентрирование, деморализация и дегуманизация прогрессируют. Латентное расчеловечивание грозит неминуемой социальной катастрофой.

Первоочередной характер решения данных проблем не вызывает сомнения. Это ещё одно подтверждение того, что новый

подход к познанию и совершенствованию жизнедеятельности человека следует формировать одновременно на макро - и микроуровне, начиная всё же с решений глобальных, судьбоносных вопросов. Эти решения должны быть комплексными и распространяться на ряд жизненно важных сфер, приводя в них качественные изменения инновационно-преобразующего характера.

Первым из них, по нашему мнению, является реинтеграция человека в современную институциональную систему. Суть реинтеграции состоит в следующем: 1) функционирование ключевых институтов (рынок, защита собственности и конкуренции, финансовый механизм разрешения конфликтов, государственное регулирование, трудовое законодательство, суд, банки, биржи) нацеливается на реформацию, в условиях которой главное доминирующее положение занимает новый одобренный обществом «Закон о сохранении человека как вида». Он не только регулирует глобальную проблематику жизнедеятельности личности, но, возрождая её ценность, ставит интересы сохранения вида выше интересов господствующих прослоек, институтов рынка, включая собственность. Он определяет общую направленность других законов, управленческих структур, организаций, партий и движений. Ему же подчинены социально-экономическая политика, политика в области воспитания и образования.

Интересы олигархов, по аналогии с древнегреческим полисом, подчиняются интересам общества. Их деятельность и функционирование управленческих структур, вплоть до высших органов власти, контролируется Народным фронтом. Возрождаются должности народных трибунов.

Второй макроуровневой инновацией может стать реинтеграция человека в структуру духовных производительных сил общества. Как уже отмечалось в предшествующих главах, в структуру духовных сил входят наука, образование, культура. Но поскольку традиционная элитарная культура постепенно теряет свои воспитательно-гуманистические функции, необходимо всемерное развитие деятельностно-направленной составляющей народной культуры на уровне личности, семьи, организации, управленческой элиты. С этой целью следует разработать общедоступную теорию духовных производительных сил всех перечисленных звеньев. Разработку

методик развития сущностных сил и механизмов мотивации этого процесса следует считать общей задачей учёных, управленцев, работодателей и работников.

Третьей инновационной составляющей станет реинтеграция человека, а также теоретических представлений о духовных производительных силах в гуманитарные и социально-экономические науки. Собственно их представители и являются главными инициаторами, разработчиками и пропагандистами предлагаемых идей. Надо думать, что благодаря их настойчивости и неослабевающим усилиям будет преодолен хмурый, казалось бы, безысходный застой в сфере продуцирования новых идей, а социально-экономические знания по содержанию и методологии поднимутся до уровня естественных наук.

Государственные управленческие структуры, партии и движения, все интеллектуально-развитые граждане должны осознать чрезвычайную важность коллективного порыва в рассматриваемых направлениях. Речь идёт о самоспасении человека, повышении его конкурентоспособности и творческого потенциала.

Указанные направления инновационных преобразований при поддержке государства, населения, финансового обеспечения могут стать начальным этапом масштабной духовной реформации общества. Но главным условием их успешного осуществления являются фундаментальные качественные изменения на микроуровне жизнедеятельности человека.

И здесь приходится напомнить следующее:

- а) человек с его внутренними сущностными силами, материальными и духовными потребностями всегда находится в условиях определённой социально-экономической действительности;
- б) чтобы удовлетворить свои потребности, он вынужден быть активно-деятельным, трудящимся;
- в) трудящийся использует свои и общественные производительные силы в профессиональной, социальной, семейно-бытовой и других сферах реальности.

Жизнедеятельность, таким образом, в основе своей есть процесс взаимодействия личностных сил индивида с избранной им микросредой общественных производительных сил и социальных

отношений. Что же представляют собой взаимодействующие стороны? Под сущностными, духовными силами, как мы убедились, со времён Аристотеля понимали знания, мышление, чувства, моральные ценности и установки. Против этого вряд ли кто будет возражать и в настоящее время. Однако правильным ли будет такой фрагментарно-выборочный подход? Не противоречит ли он целостности функционирования и развития сознания как единого высокоадаптивного механизма? Можно ли отделять духовное от порождающего его сознания, духовное, представляющее его высший уровень – уровень осознания себя личностью? Нам представляется, что в силу указанных взаимосвязей этого делать нельзя. Принципы целостности, дополнительности, взаимодействия основных компонентов следует положить в основу характеристики сущностных сил, уравнивая их с синонимом «духовные производительные силы» человека и включив в его в структуру целый ряд системно-функциональных и «обеспечивающих» компонентов. В результате новое понятие объединит: физическое состояние индивида как био-социо-деятельностного существа, его восприятие, ощущения, чувства, материальные и духовные потребности, инстинкты, память, язык, интуицию, ментальность, мышление, знание, волю, мораль, умения и навыки, опыт, таланты. Всё перечисленное является матрицей производительных сил, духовное содержание каждого элемента которой формируется исторически и пополняется в процессе труда, а также под воздействием семьи, социальных отношений, образования, приобщения к науке, культуре, природе. Существенной составляющей данного процесса является уровень практической и познавательной активности человека. На протяжении целого ряда тысячелетий формирование духовных производительных сил личности было преимущественно стихийным процессом. И только в условиях позднеиндустриального и постиндустриального общества, с ростом объёма общественных знаний и успехами системы образования, он стал более осознанным и целенаправленным. Литературы, посвящённой этой проблематике, много, но эффективной практически направленной теории духовных производительных сил до сих пор нет. Реальная же личностная система субъекта эволюционирует, как считает М. Шелер, в сторону роста «полномочий разума».

Однако в силу её противоречивости, неустойчивости, дегуманизации под влиянием современных социально-экономических и культурных процессов, мы не можем быть твёрдо уверены в том, что эта тенденция продолжится и сохранится. Вот почему и сегодня особо актуально и тревожно звучит давнее предостережение Аристотеля: «Природа ... дала человеку в руки оружие – умственную и нравственную силу, а ими вполне можно пользоваться в обратную сторону. Поэтому человек, лишённый добродетели, оказывается существом самым нечестивым и диким...» [3, 380].

Особую тревогу вызывает состояние духовности человека в странах СНГ. Очень чётко, правда, с некоторой долей преувеличения, об этом сказал И.Рудин в статье «Апокалипсис – сегодня?» «Сознание обыкновенного сегодняшнего человека, - пишет он, - ничем не отличается от сознания террориста. Оно убийственно (и самоубийственно). Лишённое ядра – преклонения перед бытием, перед ценностью жизни, - это сознание маленького человека, действующего в условиях ограниченной ситуации. Это сознание локальное. В такой-то ситуации нужно действовать так-то. Нажимать на такие-то кнопки. Такие-то функции эффективней использовать таким образом и т.д. На самом-то деле подлинное человеческое сознание целостно, глобально, надситуативно. Его нельзя загнать в абсолютно определённые, узкие рамки ...» [15]. Не будем спорить по поводу данных определений. Добавим только следующее: подобное состояние личности – основа её пониженной конкурентоспособности, порабощения олигархическими кланами, партиями, новоявленными фюрерами, основа общественных деформаций, аномалий и катастроф. Вот почему, кроме всего прочего, новый подход к человеку, новая теория его сущностных сил являются животрепещущими проблемами современности. Их решение требует коллективных, междисциплинарных усилий многих учёных. Центральной задачей этих разработок должны стать представления о функционировании и развитии сущностных сил. При этом важно помнить, что в ходе функционирования сказывается влияние не только законов и закономерностей данного социально-экономического периода, но и законов активности живых систем, необходимости сосуществования, духовного господства над собой,

соблюдения гуманистических установок и заповедей. Что касается эволюции системы, то, сохраняя свою зависимость от развития общественного знания, мышления, образования, культуры, под влиянием научно-технического прогресса она всё больше определяется инновационными способностями индивида.

Существенным аспектом нового понимания духовной системы личности являются также представления о её инверсионном характере. Инверсионность каждого из элементов духовных производительных сил является одним из существенных источников внутрисистемной динамики. С изменением качества одного звена изменяются и сопряженные с ним звенья. Одновременно с этим значительную роль играют межэлементные структурно-функциональные связи. Первостепенная роль среди них принадлежит, пожалуй, инверсиям взаимопревращения: мышления в знание, знания в мышление, чувства в познание, познания в качественно новое чувство, восприятия в память, памяти в ассоциативное новое восприятие. Имеет место также прямая и обратная трансформация инстинктов в чувственность, страха в сексуальное переживание и т.д. За ними следуют инверсии напластованной связи. Их специфика состоит в распространении влияния одного из элементов на целый ряд других, с определённой долей интеграции его содержания в их структуру. К примеру, преобладание в менталитете образно-эмоционального над логическим трансформирует этот признак в систему восприятия, языка, памяти, мышления. Знания, которыми располагает личность, включают знания о себе, распространяющиеся на все составляющие сущностных сил, память удерживает, воспроизводит и передаёт в нужном направлении особенности восприятий, ощущений, чувств, физических и умственных состояний индивидуума.

Кроме того, существуют ставшие, ступенчатые функционально-инверсионные связи: чувства являются основой морали, в основании мышления лежит структура знаний, фундаментом мышления одновременно являются также восприятие, чувства, память, язык. В структуре внутренней динамики духовных сил личности представлены и самопроизвольные, блуждающие инверсии, возникающие на почве случайных биэлементных связей, инверсии актуализации, вследствие обновления и умножения функций, часто

превращающиеся в инверсии перемены мест и последующего доминирования. На основе очерченной внутрисистемной динамики в период традиционного, сельскохозяйственного и раннеиндустриального обществ оформилась устойчивая сеть стихийно действующих функциональных взаимосвязей, основным регулятором которой являлись проблемы труда и быта индивидуума. Её дискретность и разнокачественность определяли, в основном, фрагментарно-ситуативный характер эмоций, мыслительных и поведенческих процессов.

Вместе с тем, в ходе длительного функционирования сети, постепенно аккумулировался опыт наиболее активных элементов и в условиях преобладания физического труда и трудовой морали, преодоления экстремальных ситуаций и психологических нагрузок, формировалось интегрированное качественное образование – ядро личности. Она становилась более содержательной. Ядро, сохраняя связь с остальными элементами, оставалось гибким, динамическим конструктом, обнаруживая тенденцию к внутрисистемному доминированию и контролю. Тенденция эта, однако, не всегда обеспечивала необходимый баланс положительных и отрицательных явлений и борьба с деструктивными уклонами в процессе постоянного текущего становления духовной системы пожизненно оставалась особо актуальной проблемой личности. Следует отметить, что рассматриваемая сердцевинная область духовного на уровне человека своеобразна и неповторима по содержанию, соотношению качеств и эффективности. В зависимости от социальных условий, труда, быта её содержание может быть более или менее интегрированным, расслабленным, лишённым самоорганизации и воли, малосодержательным или деформированным. Ядро может вообще отсутствовать у сытых и праздных, никогда не испытавших самопреодоления, напряжения, труда («люди без свойств»).

В целом же историко-экономическая эволюция общества постепенно меняет содержание духовного ядра личности. В позднеиндустриальный и постиндустриальный периоды под влиянием технико-экономического прогресса и проблематики жизни существенно повышаются требования закона активности человека. Техника и технология, состояние социума и среды выживания не только бросают ему прямой и серьёзный вызов, но требуют от него

совершенно нового уровня мышления, знания, творчества и социального поведения.

В этих условиях старые, стихийные процессы формирования сетевых межэлементных связей и ядра производительных сил личности не соответствуют задачам современности. Общество вплотную подошло к этапу кардинального переосознания их роли в развитии, к необходимости их инновационной реструктуризации, постоянного регулирования и совершенствования.

Существенным шагом в этом направлении станет переход от фрагментарно-ситуативно-стихийного сознания к инверсионно-сетевым кластерно-творческим вариантам его функционирования и развития.

В связи с этим уже сейчас, в процессе разработки теории духовных производительных сил личности, необходимо акцентировать внимание на следующих теоретико-методологических положениях:

1. Новом подходе к постоянно совершенствующейся духовности индивида, семьи, организации как активно деятельностной, инверсионно преобразующей силы в системах производства, обслуживания, социальной сферы, культуры, науки, образования. Это значит, что духовная система личности и сферы её приложения являются инверсионно-сетевыми структурами, подчиняющимися законам развития сети, что жизнедеятельность человека проходит в инверсионных полях и всё больше требует творчески-инверсионного мышления и самоменеджмента.
2. Духовные силы личности представляют собой динамическое единство системности и инверсионности, сетевых связей, разнокачественных образований, производных явлений и процессов. На этапе достаточно высокой наукоёмкости и эффективности функционирования всех элементов они могут войти в фазу кластерности, обеспечивающей взаимостимулирование, взаимоусиление и взаиморазвитие всех составляющих. Многосторонность, изменчивость и противоречивость рассматриваемого объекта познания предполагает использование комплекса плюралистических творческих подходов в духе неорационализма.

3. Переход от стихийного, фрагментарно-ситуативного сознания к его инверсионно-творческому варианту постиндустриального периода требует систематического повышения уровня содержательности и функционирования всех элементов духовных сил индивидуума, межэлементных связей, инверсионных комбинаций. Это значит, что человеку необходимо постоянно работать над своей инверсионно-полевой системой, а затраченное на ее рационализацию время должно оплачиваться работодателем.
4. В новых постиндустриальных условиях формирование ядра личности из стихийного процесса превращается в научно-обоснованную инверсионно-творческую технологию. В рамках данной технологии исходными принципами структурирования ядра могут стать:
  - а) отмеченный уже и опробованный на практике принцип периодических экстремальных напряжений духовных элементов системы;
  - б) самоменеджмент личности как выражение принципа духовного господства над собой;
  - в) интегрированный из китайской философской практики принцип У-вей – первенствование нравственных начал, установок, святынь, гуманистических ценностей по отношению ко всем структурным элементам, явлениям и процессам системы. Их постоянная нравственная оценка;
  - г) инновационно-творческий характер функционирования и развития ядра и системы.
5. Новая инновационно-творческая духовность индивидуума должна быть нацелена на активное преобразование и эффективное использование и собственной духовной системы, и сферы её внешнего воздействия. В этих целях субъект, кроме применения уже разработанных методик, может самостоятельно изобретать новые походы и методологические приёмы качественных изменений. Его творческая активность способна воплотиться в новые гуманитарные и социальные технологии, инверсионное проектирование, создание нанокompозитных сред, сетевых и виртуальных структур и мн. др.

Обзор проблематики духовной составляющей жизнедеятельности человека дает возможность перейти к следующему вопросу: что же представляет собой сфера приложения его сущностных сил? В каждый данный исторический период индивидуум занимает определённую нишу в структуре уже сложившихся материальных, социальных и духовных подсистем общества. Сферу его внешней жизнедеятельности, с долей определённой условности, можно представить в форме трёхуровневых блоков. Первый из них включает профессиональную, семейно-бытовую и оздоровительную деятельность. Профессиональный труд зачастую связан с материальным производством, которое, как мы убедились в предшествующих главах, является инверсионно-полевым образованием. Происходящие в нём инверсионные изменения и связанная с ними проблематика существенно воздействует на человека. Переход к гибким автоматизированным системам, повышение роли знания и образования, качества всех элементов производственного процесса выдвинули на первый план задачу резкого повышения качества человеческого капитала. Постоянное совершенствование духовных производительных сил личности становится необходимостью, а их обратная связь с производством усложняется и всё чаще выступает в форме творческих инноваций.

Проблемным инверсионно-полевым образованием является также семейно-бытовой сектор деятельности человека. Долгосрочные инверсионные изменения представлены здесь переходом от семьи – единого производственного коллектива (доиндустриальное и раннеиндустриальное общества), к семье профессионально-разнопрофильной, от многодетных к малодетным семьям, от физического совершенствования человека в процессе труда к физической деградации, гиподинамии, росту заболеваемости. Разнообразие бытовых работ сменилось, в основном, рядом несложных операций. Ежедневный отдых сведён к неподвижности, креслу и телевизору. Слабеют брачные узы. В ряде стран усилились тенденции к однополым и коллективным бракам, обмену женами, бездетности. Жилищные условия, особенно в странах СНГ, во многом неудовлетворительны. Решение этих и

многих других проблем требует существенного сдвига в социально-экономической политике, личностном и общественном сознании, новых форм самоорганизации, воспитания и образования населения, взаимоотношений с властью. Но ближайшим звеном перемен остаются всё же зависящие от индивида перемены в духовных производительных силах семьи.

Что касается спортивно-оздоровительного уровня деятельности, то в условиях рыночной трансформации общества, обеднения граждан и коммерциализации спорта и отдыха, для многих они остаются дорогой и малодоступной областью жизни. Но при известной активности населения и местных органов власти целый ряд простейших проблем в этой области можно и нужно решать. И здесь социальное объединение духовных сил граждан должно сыграть существенно-творческую роль. В целом же, в стратегическом плане для каждого человека, общества, местных и центральных органов власти развитие этой сферы – одна из первоочередных мер спасения человека как биологического вида.

На втором социально-инверсионном уровне деятельности человек предстаёт как элемент макро - и микросоциума, имеющий свой социальный статус, права, обязанности, включённый во внутригрупповые, общественные отношения и, в частности, в исторически сложившиеся отношения собственности. Его социальное поведение регулируется системой утвердившихся социально-экономических институтов. В постсоветских государствах, вследствие целого ряда исторических обстоятельств, социальная активность граждан находится на довольно низком уровне. Между тем, складывающаяся система рыночных отношений постепенно расширяет её возможности. В новых условиях производитель может участвовать в управлении производством, в прибылях, владеть акциями, вместе со своими сотрудниками организовать предприятие с коллективной собственностью. Но главными его задачами в условиях усиливающегося давления капитала остаются социальная самозащита путём образования социально активных сетей и участие в совершенствовании институтов, в особенности трудового и жилищного законодательства, законов об охране среды выживания и контроле за соблюдением социальных обязательств крупного бизнеса, депутатов и бюрократов.

Третьей, относительно новой инверсионно-полевой сферой активности индивида является блок культурно образовательной и научной деятельности. Здесь человек выступает в качестве творческой составляющей системы духовных производительных сил общества и, в первую очередь, науки, образования и культуры. В условиях инновационного производства, как уже отмечалось, систематическое самообразование и пополнение научных знаний становится насущной необходимостью. В отдельных странах вопрос о всеобщем высшем образовании уже поставлен на повестку дня (Япония). Всё более востребованной становится индивидуальная креативность, способность творчески мыслить, выдвигать и воплощать в жизнь нестандартные инновационные идеи. В связи с этим встаёт проблема стимулирования творческого начала на уровне личности. В этих условиях наука, образование и культура превращаются в обширнейшее поле поиска эвристических идей и изобретательских решений. За рубежом разрабатываются специальные технологии стимулирования творчества, читаются специальные курсы «Индивидуальная креативность и бизнес» и мн. др. Необходимо срочное, ускоренное развитие данного аспекта деятельности и в странах СНГ. При этом систему соответствующих институтов следует обновить таким образом, чтобы она и стимулировала перечисленные процессы, и обеспечивала креативность взаимодействия духовных производительных сил личности и структурных составляющих сферы их воплощения.

С точки зрения содержания и эффективности жизнедеятельности, представляется полезным также усиление вертикальной интеграции между всеми перечисленными уровнями с одновременным их творческим сближением с духовными силами индивидуума. Реализацию данной цели можно осуществить путём формирования инверсионно-кластерно-группового комплекса, включающего профессиональную группу, в которой трудится человек, его семью, подгруппы поиска эвристических идей, нацеленных на создание инновационного депозитария организации и увеличение на этой основе доли принадлежащего им акционерного капитала. Объединяющей идеологией данных образований должна стать тщательно разработанная и воплощённая в специальные духовные технологии «философия общего дела» производственного

коллектива. В рамках этой философии человек как первичное звено группового механизма действует в своих интересах, в интересах семьи, предприятия и общества.

Всё сказанное о сущностных силах личности и уровнях их внешней реализации вплотную подводит нас к разработке междисциплинарной экспериментально-поисковой модели исследования жизнедеятельности человека. Ее начальный вариант по нашему мнению может включить четыре основных блока: 1) общее представление о социально-экономической системе; 2) блок сущностных сил индивидуума; 3) блок основных уровней их внешнего воплощения; 4) блок основных качественных показателей жизнедеятельности. Подчёркнем ещё раз: инверсионные изменения в каждом из блоков в той или иной мере сказываются на функционировании и развитии всей системы. Поэтому отслеживание качественных перемен в ходе локальных исследований или постоянного мониторинга моделируемой системы является одной из первостепенных задач исследователей. Не менее важным, в свете неорационализма, является и творческое внедрение в предмет познания, выявление скрытых резервов и проектирование инверсионных процессов, способствующих совершенствованию функционирования и развития.

Это же относится к вышеупомянутым кластерно-творческим группам. Степень их внутреннего когнитивного взаимодействия и взаимопроникновения может быть поднята до такой высоты, что уже сам образ глубоко интегрированного динамичного коллектива станет самостоятельным одухотворяющим фактором жизнедеятельности. Такие творчески-ориентированные группы могут стать основой духовной диверсификации – дополнительного профиля деятельности организации, превращения её в инверсора-производителя платных инновационных идей для других фирм и корпораций.

Итак, один из возможных вариантов модели жизнедеятельности человека (или витаграммы личности) может иметь следующий вид (см. схему №1):

Начальный вариант исследовательско-поисковой, инновационно ориентированной, междисциплинарной модели познания жизнедеятельности человека (социально-экономические и гуманитарные науки).

Население	Ресурсы	Технологии
	Система социально-экономических институтов	
Особенности социально-экономического положения человека	Физическое положение человека	Долгосрочная проблематика человека
	Материальные и духовные потребности	
Блок духовных производительных сил		Блок основных уровней деятельности
Восприятия, ощущения		Уровень профессиональной деятельности
Чувства, память, речь		Семейно-бытовая сфера деятельности
Инстинкты; ментальность	Экс.ядро личности, воля	Соц. деятельность
Мышление, познания, знание		Спортивно-рекреационная и природоохранная деятельность
Умения, навыки, опыт, талант		Творческая деятельность в обл. самообразования и науки
Моральные качества, установки, святыни		Творческое использование духовного наследия общества
	Блок основных качественных показателей	
Качества человека	Качество жизни	Качество среды выживания
	Качественные итоги жизнедеятельности: вклад личности в	

	<p>производственную, семейно-бытовую, социальную, культурную, экономическую сферы жизни</p>	
--	--	--

Предложенный вариант модели имеет ряд существенных особенностей:

1. Он носит экспериментальный характер, может реконструироваться, дополняться, модифицироваться.
2. С его помощью предполагается осуществление начального этапа реинтеграции человека в социально-экономических и гуманитарных науках.
3. При условии детального методологического обеспечения процесса исследования каждого элемента моделируемой системы, она позволит не только получить представление о жизнедеятельности личности данной социальной микросреды, но и выявить посылаемые ею тревожные сигналы макросреде и социально-экономической системе в целом.
4. Методологической основой витаграммы является единство системного, структурно-функционального и инверсионно-деятельностного подходов.
5. Инверсионно-деятельностный подход нацеливает познающего на исследование взаимосвязей сущностных сил индивидуума и сферы их опредмечивания. При этом особый акцент делается на соотношении уровней инверсионности составляющих как одном из определяющих условий эффективности их взаимодействия.
6. Исходя из социально-экономической реальности данного периода и творческой интеграции основных положений неорационализма, рассматриваемый подход ориентирует также на выявление и реализацию потенциальных возможностей, взаимостимулирование и развитие в системе человек – сфера его деятельности.

7. В соответствии с этим, одной из ключевых установок является положение, согласно которому человек не только «вписывается» в существующие реалии, но, при условии социального сплочения с другими субъектами, меняет качество окружающей социальной, экономической, культурной и экологической среды с выходом на совершенствование институтов. Такая модернизация «снизу» в условиях стран СНГ может сыграть существенную роль в их движении к высоко цивилизованным обществам.
8. Главным условием качественной, социально-результативной жизнедеятельности индивида является его постоянная творческая инновационная работа со своими духовными производительными силами, а также работа в социальных сетях, рассчитанная на взаимопомощь, взаимосовершенствование и солидарность. Культура совместной деятельности становится одной из актуальнейших проблем.
9. Особенность рассматриваемого варианта заключается также в единстве научно-методологического исследования, разработки теории сущностных сил и жизнедеятельности человека в целом. Это создаёт условия для реальной интеграции человека в экономическую историю, теорию, менеджмент и другие науки. Одновременно возникают предпосылки дальнейшего усиления творческих взаимосвязей микро - и макроанализа, их последующего воздействия на теорию и практику институциональных структур.
10. Становится возможным междисциплинарно-инновационное истолкование духовности человека. Под духовностью понимается достигнутый им уровень воплощения в самосознании и жизнедеятельности личностных и общественных духовных производительных сил: морали, мышления, знания, культуры, воли, чувств, умений и навыков, талантов. Это понимание может стать основой новых теоретических, методологических и практических разработок.

В целом же все изложенное в настоящей главе позволяет прийти к следующим основным выводам:

1. Рассмотренный теоретико-методологический междисциплинарный вариант подхода к познанию жизнедеятельности человека характеризуется такими преимуществами:
  - а) на основе интеграции системного, инверсионно-полевого, сетевого и матричного подходов он позволяет рассматривать жизнедеятельность как сложную инверсионно-полевою, кластерную систему, с ориентировкой на многосторонность, объективность и новые способы познания;
  - б) понимание уровневого характера бытия человека соединяется с инновационными представлениями о духовных производительных силах и экс.ядре личности, обеспечивая широкий диапазон творческого поиска и трансформации духовного в деятельность;
  - в) постановка и решение проблемы создания теории духовных производительных (сущностных) сил личности, её экс.ядра и энергетического потенциала, «подпитываемого» информацией, знаниями и проблематикой социальной среды, могут способствовать существенному расширению междисциплинарных исследований, совершенствованию их методологического и практического потенциала.
2. Предложенное направление исследования жизнедеятельности человека, как уже отмечалось, является существенным шагом на пути реинтеграции человека в социально-экономические науки. Уже на первом этапе данного процесса возможны следующие последствия:
  - а) качество духовных производительных сил человека (ДПС) и его жизнедеятельности становится центром внимания всех социально-экономических наук, мерой всех законов, решений и социальных процессов, главным показателем успешности развития общества;
  - б) на этой основе в социально-экономических науках осуществляется постоянный междисциплинарный

мониторинг качества человека и его жизнедеятельности в целях их соответствия требованиям постиндустриального общества, рационализации системы институтов, совершенствования сохранения человека как вида и среды его выживания;

в) свете нового подхода к познанию жизнедеятельности личности в экономической истории и теории, возможна рационализация представлений о человеческом и социальном капитале (на почве их сближения с понятием духовных производительных сил), о связи уровня сущностных сил с рыночным поведением индивидуума и роли духовной составляющей в процессе развития экономики.

г) в связи с предлагаемым вариантом становится особо актуальной проблема интеграции теории справедливости (предложенная С.К.Кольмом) в экономическую теорию, а также идея прямой демократии (по типу древнегреческого полиса) и подчинения олигархов интересам общества.

3. Создание междисциплинарной теории сущностных сил человека, вооружающей его новым инструментом самопознания, саморазвития и рационализации жизнедеятельности, может стать так же одним из главных условий пересмотра теории воспитания, теории ортобиоза и самоменеджмента, теории управления и дидактики высшей школы.
4. Инверсионно-эвристический аспект данной теории нацеливает личность, семью организацию, фирму на постоянный творческий поиск, на создание интеллектуального и физического общественно значимого продукта с помощью проектирования инверсий и усложнённых инверсионных структур, процессов и антипроцессов, гуманитарных, социальных технологий и других практически-конструктивных средств.
5. В системе социально-экономических знаний открываются перспективы разработки нового междисциплинарного понятийного аппарата, в частности, междисциплинарно-

понятийных комплексов, включающих представления о кластерно-сетевых взаимосвязях процесса развития объекта и субъекта развития – человека, качества человека, и качества его деятельности как главных факторов общественных инверсионно-инновационных изменений.

6. В условиях нарастающих угроз человеку со стороны социальной действительности, среды выживания, генной инженерии, технологии разрушения личности, рассмотренная проблематика приобретает особую, общественно значимую актуальность. Речь идет не только об адаптации, самозащите, конкурентоспособности, но и о преображении и спасении индивида, семьи, общества в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автономов В.С. Человек в зеркале экономической теории /В.С.Автономов - М.: Наука 1993. – 435 с.
2. Аврелий Августин Избранные сочинения блаженного Августина. / А.Аврелий - М.: 1786
3. Аристотель. Сочинения в 4-х томах /Аристотель - т.4. М.: Мысль, 1983. – 829 с.
4. Бродель Ф. Материальная цивилизация /Ф.Бродель - Т.1. М.: Наука, 1985
5. Бюхер К. История народного хозяйства /К.Бюхер - П.: 1924
6. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма /М.Вебер - СПб, 1905
7. Вебер М. Избранное. Образ общества /М.Вебер - М.: Юрист 1994. – 704 с.
8. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа /Г.В.Ф.Гегель - М.: Мысль 1959. – 434 с.
Философия истории. М.-Л.: Госиздат, 1939. – 468 с.
9. Гельвеций К.А. О человеке – величие здравого смысла. Человек эпохи просвещения /К.А.Гельвеций - М.: Просвещение. 1931. – 287 с.

10. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового запада /Ж.Ле Гофф - М.: Бахрах. 1996. – 480 с.
11. Кримский С.П. Контуры духовности. /С.П.Кримский// Вопросы философии 1992, №12
12. Лефевр Л. Формула человека /Л.Лефевр - М.: Мысль, 1998 – 364 с.
13. Локк Д. Мысли о воспитании – Величие здравого смысла. Человек эпохи просвещения /Д.Локк М.: Прогресс. 1992. – 287 с.
14. Маршалл А. Принципы экономической науки. /А.Маршалл// ч.1. М: Прогресс. 1993. – 416 с.
15. Монтень М. Опыты /М.Монтень - М. Наука. 1979. – 699 с.
16. Ницше Ф. Так говорил Заратустра /Ф.Ницше - Харьков: «Фолио», 2007. – 574 с.
17. Рудин И. Апокалипсис – сегодня? / И.Рудин// «Слово». 1996, №8.
18. Теории личности в западноевропейской и американской психологии. М.: Бахрах. 1998. - 480 с.
19. Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р. Экономикс /С.Фишер, Р.Дорнбуш, Р.Шмалензи - М.: Дело ЛТД. 1996. – 864 с.
20. Франкл В. Человек в поисках смысла /В.Франкл - М.: Прогресс. 1990. 368 с.
21. Хейзинга Й. Осень средневековья /Й.Хейзинга - М.: Наука. 1998. – 540 с.
22. Человек. М.: Роспэн. 1995. – 528 с.
23. Чешков М. Развитие: философская идея и конкретные исследования /М.Чешков – Мировая экономика и международные отношения. 2004, №8, с. 70-81
24. Швейцер А. Жизнь и мысли /А.Швейцер - М.: Роспэн. 1996.
25. Шелер М. Избранные произведения /М.Шелер - М.: Гнозис. 1991 – 277 с.
26. Шпенглер О. Закат Европы /О.Шпенглер - М.: «Попурри». 1999. – 720 с.

Глава IV. Историко-экономические особенности восточнославянского менталитета и современность

В прошлом отдельные аспекты восточнославянского менталитета рассматривались в трудах Н.И. Костомарова [12], П.О. Кулиша [13], А.А.Потебни [20], В.С. Соловьёва, Е.Н. Трубецкого [22], Н.А. Бердяева [1], М.С. Грушевского [5], И.С. Нечуя-Левицкого [18], И.Я. Франка [23] и других известных учёных. Но содержание этой большой и сложной проблемы остаётся далеко не исчерпанным. Поэтому, а также в связи с потребностями современных гуманитарных наук в новой информации о человеке и его адаптивности в условиях рынка, количество исследований данного профиля непрерывно растёт. Об этом свидетельствуют работы П.И. Гнатенко [3], К.И. Касьяновой [11], В.С. Поликарпова [19], Е.А. Гриценко [4], коллективные монографии «Ментальность и история идей» [15], «Менталитет и аграрное развитие России» [16] и множество других научных исследований. Следует подчеркнуть, однако, что в их структуре удельный вес разработок историко-экономического характера крайне незначителен. В результате в учебниках и учебных пособиях по истории экономики, теории и истории экономической мысли эти вопросы вообще не рассматриваются. Но ещё большим отрицательным последствием данной ситуации является нагромождение целого комплекса нерешённых междисциплинарных проблем. Невыясненность кардинальных историко-экономических особенностей восточнославянского менталитета в настоящее время препятствует глубокому осознанию кризиса современной духовной культуры, полномасштабной интеграции человека в экономических науках, развитию междисциплинарных исследований на рубежах институциональной теории и экономической истории, уточнению и расширению междисциплинарного понятийного аппарата, разработке научных представлений о духовной составляющей процесса развития экономических систем, активному участию экономических наук в проектировании гуманитарных технологий и установлению их творческих связей с теорией и практикой менеджмента.

Исходя из сказанного, основной задачей данного раздела является: 1) актуализация проблемы; 2) определение основных историко-экономических особенностей восточнославянского менталитета; 3) выяснение их связей с современностью и, в частности, с проблематикой междисциплинарных исследований.

Понятие «ментальность», «менталитет» (от латинского *mentalis* - умственный, духовный, психический) в настоящее время имеет ряд трактовок: а) глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания, включающий бессознательные акты [25], б) совокупность психологических, поведенческих установок индивида или социальной группы, в) духовность, характерный для личности или общественной группы способ мышления, склад ума [14]. Американский ученый Д.Филд в статье «История менталитета в зарубежной историографии» определяет его «как устойчивый склад ума, имеющий если не логическую форму, то системный характер, который коренится в материальной жизни и широко распространен в значительной части населения и который оказывает непосредственное влияние на экономические, социальные и политические отношения» [16, 8]. В каждом из этих определений есть существенная доля истины и один общий ещё более существенный недостаток: отсутствие чётких представлений о структуре, функционировании и развитии духовной системы личности. Если, углубляя представления об этой системе, мы попытаемся объединить знания гуманитарных наук, то уже на первом этапе интеграции убедимся, что в структуру человеческой ноосферы входят следующие побудители, трансформаторы и накопители, духовного: потребности, ощущения, восприятия, память, язык, чувства, мышление, знания (включая представления о собственном «Я»), навыки и умения, опыт и мораль, таланты, физическое здоровье (жизненная энергия) индивида. Она является динамическим, адаптивным, развивающим образованием. Его эволюция и результаты деятельности зависят не только от индивидуальной активности человека, но в значительной степени, особенно на ранних этапах истории, от исходного пересечения начальных историко-экономических детерминант, от природы, складывающихся социальных и политических условий, особенностей труда, экономических институтов, накопления и использования общественных знаний. Поэтому формирование

ментальности представляет собой долгосрочный процесс взаимодействия духовной системы человека с окружающей природной и социально-экономической средой. Результатами такого взаимодействия могут быть различные варианты качественных соотношений, динамики, функционирования, связей, содержательности, элементов духовной системы человека. При этом, привнесённое и закреплённое средой часто становится определяющим в его ментальности. Познать её, в большинстве случаев, и означает выяснить особенности воздействия историко-экономических факторов на элементы духовного механизма личности. Отсюда следует, что определения менталитета, акцентирующие внимание на «устойчивом складе ума», «способе мышления», «совокупности поведенческих установок», на окончательно застывших дефинициях и уводящие от вечно существующего взаимодействия и развития, следует признать недостаточными.

В экономической истории, теории и других экономических науках возможно не бесспорным, но более научным, на мой взгляд, было бы следующее определение. Под менталитетом личности (прослойки, народа) следует понимать сложившиеся в результате длительного взаимодействия человека и внешней среды особенности соотношений, содержания, функционирования и связей элементов его духовной системы, проявляющихся в качестве и результатах деятельности, поведении, содержании и функционировании институтов, социально-экономических отношениях и отношениях к природе. Такое определение имеет целый ряд теоретико-методологических преимуществ:

1. Оно исходит из научного принципа развития, предлагая его в качестве одного из ведущих инструментов познания.

2. Оно задействует системный подход, ориентируя на постоянное исследование причинно-следственных взаимосвязей структуры сознания человека с внешней природной и социально-экономической средой. Регулярный, долгосрочный мониторинг человека в его же интересах становится настоятельной необходимостью.

3. На основе предложенного подхода в экономических науках возможна разработка междисциплинарной поисково-

исследовательской модели человека, способствующей его дальнейшему познанию и решению целого ряда наиболее острых научных проблем.

Сказанное позволяет приступить к характеристике особенностей исходного и последующих этапов формирования восточнославянского менталитета.

В Западной Европе сельская община, за отдельными исключениями, исчезла очень рано. Бывший общинник, оставшись один на один с жизненными обстоятельствами, рано стал обособленной индивидуальностью, отвечающей за последствия своих действий.

На громадных просторах Восточной Европы община сохранялась до 20-х гг. XX века. Личностное здесь растворялось в коллективном. Особь подчинялась большинству. Процесс индивидуализации непосредственного производителя, повышение уровня его самосознания, самоорганизации, ответственности, активности существенно тормозился. Семейно-родовая плазма согревала своим теплом, успокаивала, объединяла, но мало способствовала сопротивлению и развитию. В ранний период нашей истории, на этой благодатной для насилия почве возникает родовой сюзеренитет Рюриковичей. Власть принадлежит их роду. Отношения между князьями имеют семейно-родовой характер. Но с расширением практики наделения землёй бояр и младших дружинников (вторая половина XI века) начинают складываться вассальные отношения. Они формировались в условиях общинного, семейно-родового, слабо индивидуализированного сознания и это определило их специфику.

В Западной Европе отношения между господином и вассалом фиксировались в форме чётких, скреплённых клятвой обязательств и уважающих личность правовых норм. На этой основе постепенно вырисовались иерархически-правовые основы общественного порядка. На Руси вассалитет зачастую принимая формы подданства — добровольного или силового подчинения вассала. Господин становился неограниченным повелителем. Личностно-правовые нормы и обязательства в западноевропейском понимании отсутствовали. Становлению грубо-силовых форм зависимости и управления способствовали и следующие обстоятельства.

Восточное славянство осталось за пределами западноевропейского культурного возрождения V-VIII вв. Именно в этот период такие авторы, как Боэций (480-524), Кассиодор (480-573), Исиодор Севильский (560-636), Беда Достопочтенный (637-735) изложили в своих работах основные достижения античности, в доступной для средневековья форме. Перед монахами была поставлена задача постоянного расширения знаний, переписки древних рукописей, овладение основами латинской риторики. Светская культура рассматривалась как необходимый элемент постижения священного писания. Через раннюю патристику в церковную литературу попадают идеи Цицерона о значении и роли труда в жизнедеятельности человека и общества. С течением времени труд начинает рассматриваться не как греховное наказание, а как обязанность перед Богом. Особую яркость затем эта мысль приобрела в протестантизме: человек рождён для труда, как птица для полёта, писал Мартин Лютер. Религиозные доктрины Запада, таким образом, кроме всего прочего, включали существенные практически-конструктивные элементы — активное просвещение, а также трудовое и дисциплинарное воспитание общества.

Утвердившийся на Руси византийский вариант христианства был нацелен, в основном, на молитву и веру. Безусловно, он оказал существенное влияние на развитие культуры (появляются переводы "Библии" и "Нового завета", становятся доступными византийские хроники и книги естественнонаучного содержания, начинается обучение грамоте, при Софийском соборе в Киеве возникает первая библиотека, формируются летописные своды и т.д.). Но он замкнулся затем на уникальности православия, активно противостоял духовному влиянию Западной Европы. Когда на Западе с XII века ирано-арабский мир Востока через испанских евреев-переводчиков начал передачу наследия Аристотеля, Птолемея, Эвклида, Гиппократ, Авиценны, когда возникли университеты и появился новый вид знания — знание доказательство, Русь снова оказалась вне этого мощного духовного процесса. Подобные явления в последующем повторялись неоднократно. Подчеркнём в связи с этим, что качество и объём конструктивной информации, заключённой в духовной культуре, является существенным фактором социально-экономического развития общества. Он обнаруживает

себя в логике мышления, организации труда, решении хозяйственных вопросов, эффективности образования, развития права и правосознания, совершенствования управления, уровне порядка и общественной дисциплины и т.д. Поэтому особенности творчески-конструктивной составляющей духовной культуры восточного славянства, её влияние на государственно-управленческую элиту, чиновничий аппарат, имущие слои и население в целом следует рассматривать как существенный фактор формирования менталитета. На Руси он играл не только позитивную, но и отрицательную, консервативно-сдерживающую роль. В этих условиях, дополненных многолетней свирепостью татаро-монгольского порабощения, грубо-силовые формы управления, закабаления и жесточайшей эксплуатации крестьян стали ярко выраженным долгосрочным процессом. Феодальное государство закрепляет этот процесс в целом ряде законодательных актов, начиная с "Русской правды". На территории Северо-Восточных русских княжеств с 1497 г. действовал "Судебник", ограничивающий право перехода крестьянина от помещика к помещику и определяющий обязанность уплаты так называемого "пожилого". Следующий за ним "Судебник" 1550 года подтверждал основные положения предыдущего документа и увеличивал размер взноса при переходе. "Соборное уложение" 1649 года окончательно закрепостило крестьян. Отменялись сроки розыска беглых, устанавливались штрафы за их укрывательства, наказания за коллективные выступления. Помещичьи крепостные лишались права судебного представительства. Феодал становился ответственным за государственные повинности подневольного населения.

На территориях, захваченных Литвой и Польшей, закрепощение крестьянства развивалось еще интенсивнее. В 1435 Галицкая шляхта ограничила переход крестьянина от одного феодала к другому. В 1447 году согласно Привилею литовского князя Казимира право выхода крепостного, издавна "сидевшего на земле", было ещё больше затруднено. "Судебник" 1468 года гарантировал феодалу право судить своих подданных и запрещал последним подавать жалобы на господ. Польские сеймы 1505 и 1520 гг. запретили крестьянам покидать надел без разрешения господина и узаконили двухдневную панщину. Первый Литовский статут 1529 года разрешал

покупку крестьян без земли, констатировал глубокое социальное различие между господином и крепостным (за убитого шляхтича — 100 коп., за тяглового крестьянина — 10 коп., за несвободного слугу — 5 коп.). Устанавливались суровые наказания за побои шляхтичу (холопу и мещанину отрубали руку). Второй Литовский статут 1566 года был более суровым. За оскорбление шляхтича крестьянину отрезался язык. За убийство шляхтича несколькими холопами их всех осуждают к смерти. Ограничиваются права крестьянина на движимое имущество. Продажа земли допускается только между крестьянами одного имения. Третий Литовский статут 1588 года окончательно закрепостил крестьян, упразднив право перехода от феодала к феодалу. В разряд зависимых зачислялись все проживающие на данной территории десять лет. Подтверждалось право вотчинного суда над крестьянами. Последние лишались права распоряжаться своим имуществом. Срок розыска беглых увеличивали до десяти лет. Шляхта уравнивалась в правах с вотчинниками. Последний этап окончательного закабаления последовал почти через двести лет. В 1783 году Специальным указом Екатерины II были закрепощены остатки свободного населения Украины. Общеизвестно, что социально-экономическое и физическое насилие над крестьянством продолжалось и в последующем.

В историко-экономической литературе этот аспект отражён довольно полно. Выводы, как правило, однозначны: личное и экономическое бесправие земледельца, принудительный труд, телесные наказания и запрет подавать жалобы на господ, малоземелье, рост налогов, примитивность агротехники, неурожаи, давление общины. Но для того, чтобы оттенить главное, подчеркнуть долгосрочность, преемственность этой тенденции и особенности институтов на протяжении сотен лет, поступим следующим образом. Сопоставим свидетельства англичанина Д.Флетчера, издавшего в 1591 году книгу «О государстве Русском», выдержки из работы русского государственного деятеля и экономиста А.П.Заболоцкого-Десятовского (1807-1881) «О крепостном состоянии в России» (1841 год), писателя-публициста А.Н. Энгельгардта (1832-1898) (письма «Из деревни» 1878 год) и архивные данные 1932-1933 гг. (Украина). В начале 90-х годов XVI в. Д.Флетчер писал: «Что касается до земель, движимого имущества и другой собственности

простого народа, то всё это принадлежит ему только по названию и на самом деле нисколько не ограждено от хищничества и грабежа, как высших властей, так даже и простых дворян, чиновников и солдат. Чрезвычайные притеснения, которым подвергаются бедные простолюдины, лишают их вовсе бодрости заниматься своими промыслами, ибо кто из них зажиточнее, тем в большей находится опасности не только лишиться имущества, но и самой жизни» [24, 193].

Через 260 лет А.П.Заболоцкий-Десятовский уже в начале сороковых годов XIX века, говоря о положении русского крестьянства, отмечает: «Всё попечение помещика о своём крестьянине ограничивается только сохранением его физической силы, нужной для обрабатывания земель. До обогащения крестьянина, составления у него капитала, никому нет дела. С одной стороны, заставляют его работать как возможно более ..., а с другой — вытягивают из него копейку разными ухищрёнными способами. ...Совершенная зависимость от произвола владельца и безнадежность освободиться от этой зависимости, убивают в крепостном склонность к бережливости и прочному улучшению своего быта... Этим легко объясняется, почему крестьяне даже у попечительных владельцев живут большею частью дурно и почему заведомо богатые из них редко пускают в оборот капиталы свои, но прячут их тщательно на чёрный день» [10, 34]. Почти через сорок лет, уже в пореформенный период, по этому же поводу высказывается образцовый помещик-народник А.Н. Энгельгардт: «... крестьянские наделы слишком малы и обременены слишком большими налогами. Огромные недоимки, частые голодовки, быстрое увеличение числа безземельных... Во многих деревнях крестьяне получили в надел менее того количества земли, какое у них было в пользовании при крепостном праве. Вся лишняя за указным наделом земля была отрезана во владение помещика и составила так называемые отрезки... За отрезки крестьяне обрабатывают помещикам землю...» [25, 312]

Реально большинство крестьян в крепостнической, капиталистической и советской России не были собственниками земли. Она находилась только в их владении. Крестьянин считался владельцем земли. Но фактически и в пореформенный период разверстывала землю, приобретала участки земли, судилась за

пастбища и другие угодья — община. Она же периодически перераспределяла землю между крестьянами. Выход последних из общины со своей землёй был затруднён до Столыпинской аграрной реформы. Там, где существовала подворная система землепользования, земля принадлежала всем членам двора, а не единому хозяину — собственнику. Отделение молодых семей было связано с дроблением наделов и ослаблением производственных возможностей. Таким образом, и на своём наделном участке земли крестьянин был стеснён. Передел и раздел земли был связан с наделением её узкими полосками. Пахать их можно было только вдоль, что усиливало эрозию. Посев, как правило, производился так, чтобы поменьше семян падало в разделительную борозду и к соседу. Поэтому густота посева в середине полосы и по краям была разной, что сказывалось на урожайности. В условиях общинного землевладения крестьянин знал, что обрабатываемый им участок принадлежит ему временно и при переделе может отойти другому хозяину.

Через несколько десятилетий, в период советской власти, особенно в годы коллективизации, положение земледельческого населения стало ещё более удручающим: наделная земля была принудительно отобрана и вошла в земельный фонд колхозов, сами крестьяне таким же путём стали колхозниками. Начались раскулачивания и ссылки зажиточной, наиболее опытной части деревни. Возросло налогообложение. За не сдачу хлеба государству забирались приусадебные участки, сносились строения, прекращался подвоз товаров, запрещалась колхозная торговля. Практиковались аресты крестьян, заключение в подвалы, выселение из домов, избиения и грубые издевательства. В 1932-1933 гг. в целом ряде регионов СССР начался голод, унесший миллионы жизней. Голодное сельское население ринулось в города. На железнодорожных станциях его отлавливали специальные отряды и насильно возвращали в полувымершие сёла ... [6].

Уже изложенное даёт основание сделать следующие предварительные выводы об особенностях восточнославянского менталитета:

а) это менталитет, ранний период формирования которого проходил в условиях ослабленного влияния творчески-

конструктивной составляющей духовной культуры на систему институтов, «верхи» и «низы» общества;

б) это сложившийся менталитет, в основном, в рамках крепостного строя (крепостничество – свыше тысячи лет, капитализм – 56 лет, советский режим – 74 года, рыночная трансформация – свыше 20-ти лет);

в) это менталитет, сформировавшийся в условиях долгосрочного процесса грубого, неограниченного насилия над большинством населения, подавления его экономической и социальной активности;

г) учитывая, что в структуре населения до середины XX века крестьянство преобладало (1863 г. – 91%, 1897 г. – 87%, 1940 г. – 54%) и что значительная часть индустриальных рабочих была выходцами из этого класса, следует сделать вывод, что речь идёт о менталитете земледельческого характера.

В процессе развития социально-экономической системы на основе перечисленных черт формируется целый ряд производных особенностей. Как мы уже убедились, крестьянство Европейской части России на протяжении многих веков существовало в сложной, экстремальной социально-экономической обстановке, нарушающей нормальное воспроизводство его жизненных сил и угрожающей самой жизни производителей. В этих условиях от него требовались максимальные усилия для обеспечения главной цели — выживания, самосохранения себя и своих близких. Эта тенденция, идущая с незапамятных времен и сохранявшаяся у восточных славян на протяжении последних тысячелетий, не могла не стать основным, преобладающим мотивом к труду. Сохраняется она и в настоящее время. Выживание связано с удовлетворением самых необходимых нужд: в пище, одежде, жилье, воде, воздухе. В большинстве современных развитых стран эта проблема давно решена. В государствах СНГ её решение, по целому ряду общеизвестных, объективных причин, затруднено. Но в их структуре есть и причина, которой уделяется очень мало внимания: выживание, как главный мотив к труду, стало ментальной установкой населения. Высшим эталоном жизненного успеха в этих условиях считается достижение материального благополучия. Представления о качестве жизни, личности, её духовном развитии, как правило, очень смутны и у

непосредственного производителя, и у современного бизнесмена. Таким образом, обратившись к теории иерархии потребностей Эйбрахама Маслоу, мы обнаруживаем не только подтверждение того, что наши потребности входят в первую, низшую группу, но и то обстоятельство, что целый ряд более высоких потребностей — высокого профессионализма, собственной значимости, самоуважения, потребность в развитии, самовыражении, творчестве и т.п. все еще остаются не воплощёнными в нашей реальной экономической истории. Следует подчеркнуть также, что удовлетворённая материальная потребность уже не является фактором мотивации. Личность теряет стимул к труду. В связи с этим проблема восточнославянских особенностей мотивации к труду и постепенного преодоления сложившейся ментальной установки на выживание является одной из первоочередных в теории и практике управления, маркетинга, социологии, философской антропологии, общей экономической теории. Одновременно она требует постоянного углубленного и всестороннего отражения в исследованиях по экономической истории. Установка на выживание, как главный мотив к труду и ментальная особенность производителя, непосредственно связана с еще одним немаловажным аспектом историко-экономической действительности. И низшие потребности удовлетворялись далеко не в полной мере. Как свидетельствуют документы, подавляющей части восточнославянского населения в течение последнего тысячелетия чаще всего приходилось обходиться минимальным. Отсюда еще одна черта менталитета непосредственного производителя — неприязнительность в пище, одежде, удовлетворение малым. «Эта удовлетворённость наша простейшим, малым и ничтожным, — писал Ф.М. Достоевский, — по меньшей мере, поразительна» [8, 311].

Но минимум жизненно необходимого всегда связан с ограничением потребительских, бытовых и трудовых возможностей производителя. Следовательно, речь идет о стеснении, ущемлении, о его молчаливом согласии, уступке обстоятельствам. Индивидуум как бы отмежёвывается от притязаний на большее, ограничивает себя, смиряется. С одной стороны, длительность этого процесса может сказаться на социальной активности трудящегося, с другой — она реально ослабляет его внимание к собственной личности, ведет к

известному отчуждению от собственного "Я" и даже пренебрежению к себе. Но минимум жизненных средств часто граничит с непосредственной нуждой, нищетой, а они, как известно, порождают тенденцию к ослаблению добродетелей. Укореняется пьянство, воровство, разбой, учащаются семейные конфликты. Одновременно, в условиях общины повышается роль сопереживания, соучастия, сострадания. К каждому, как и беда, они приходят извне. По этой и вышеуказанной причинам сознание производителя, в основном, сориентировано на внешние связи и обстоятельства и в значительной степени подчинено их хаотическому влиянию.

И эта тенденция также имеет выход в современность.

Под влиянием рассмотренных негативных факторов историко-экономического развития восточнославянских народов определилась ещё одна существенная особенность их менталитета — двойственное отношение к труду. Оно в значительной степени было связано со спецификой собственности на землю и вынужденным подневольным трудом на землевладельца или новейшую бюрократическую систему.

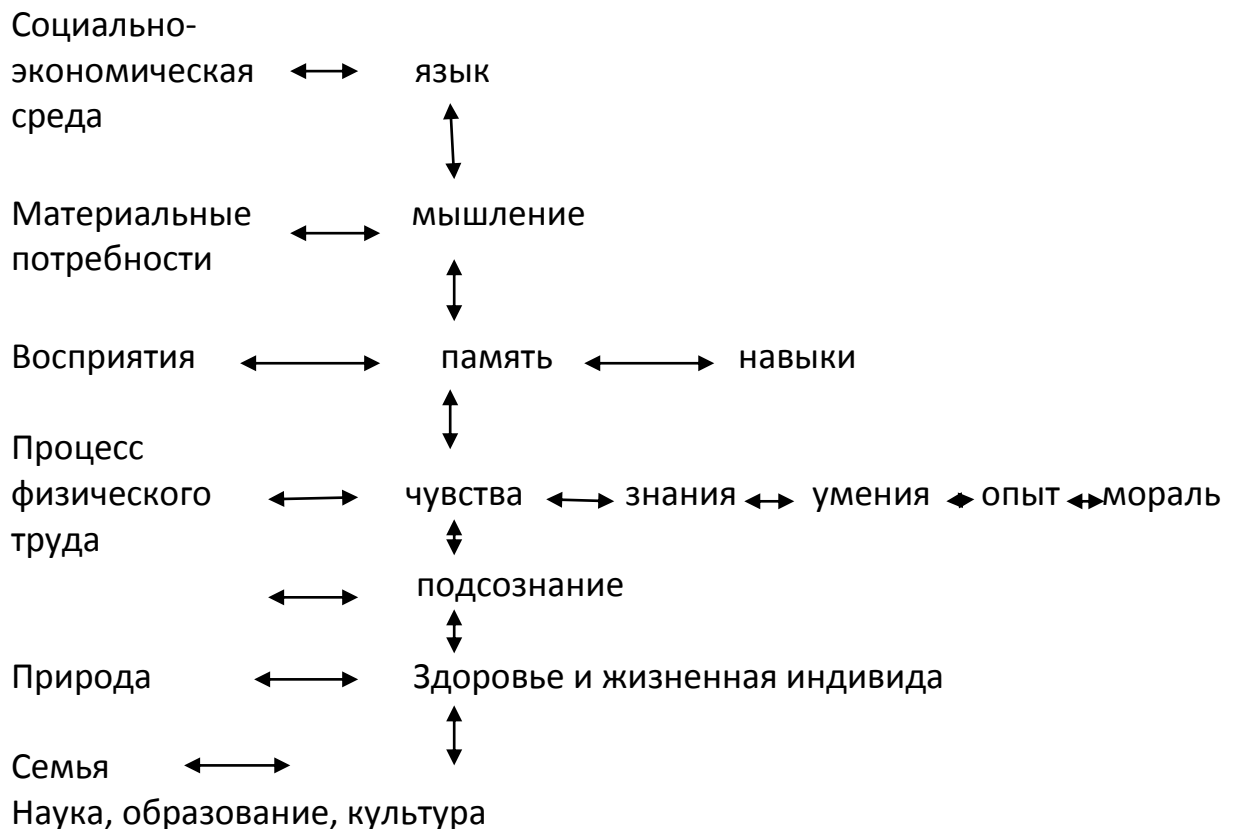
И в условиях крепостного режима, и в послереформенный и в советский периоды крестьянин работал не только на своём надельном клочке. Он трудился на земле барина, в условиях отработок и аренды земли — на плантациях помещика, а после коллективизации - на полях колхозов. Таким образом, на протяжении свыше тысячи лет он знал два вида труда: труд на своём владельческом участке и труд на земле барина, помещика, колхоза. Труд на себя имел, как мы отмечали, ряд недостатков и главный из них — отсутствие гарантированной, охраняемой законом частной собственности. Правда, реформа Столыпина стала существенным шагом в этом направлении, но шагом запоздалым и незавершённым. В связи с этим отметим, что частная собственность теснее связывает производителя с землёй и с рынком, дисциплинирует, повышает уровень его организованности и результативности труда. Ранее расслабленное, зависящее от стихии внешних явлений сознание обращается к самому себе, к процессу рационализации деятельности и самой жизни. Задержка развития в данном направлении препятствовала этим процессам и способствовала консервации целого ряда отрицательностей.

Что касается труда подневольного: на барина, на помещика в условиях послереформенных отработок и аренды земли, а также в колхозе, то здесь как свидетельствуют источники, его организация и эффективность была значительно ниже. Этот принудительный, а позже вынужденный малооплачиваемый труд расслаблял и дезориентировал производителя. То обстоятельство, что в его сознании и практике до сих пор сохраняется два подхода к труду: расслабляющий — труд как тяжелая, безрадостная повинность и активизирующий — труд заинтересованный, тесно связанный с личными материальными потребностями — на мой взгляд, следует рассматривать как негативность. Склонность хотя бы временно работать «спустя рукава», «халтурить» закрепляется в навыках, постепенно деформирует умения и рано или поздно сказывается на труде всерьёз. Культура труда снижается. Следует отметить всё же, что эта ментальная установка, доставшаяся в наследство от прошлого, в условиях рыночной экономики может поменять свою структуру и постепенно стать положительной.

Присматриваясь к процессу формирования и функционирования ментальных установок, мы убеждаемся, что формируются они под влиянием долгосрочных историко-экономических процессов и оказывают затем обратное воздействие на функционирование, развитие хозяйства и связанных с ним социальных явлений. То есть движение идёт по схеме: влияние материальных факторов — формирование установок — обратное их влияние на материальную сферу. В связи с этим возникает следующий вопрос: не наблюдается ли в ходе подобного движения, наряду с закреплением рассмотренных установок, более глубокое влияние внешнего на внутренние элементы духовного мира производителя? Влияние, которое трансформируется в специфическую особенность менталитета. Для ответа на этот вопрос мы должны будем в самых общих чертах синтезировать имеющиеся научные данные о духовной системе личности. В результате интеграции знаний философской антропологии, психологии, физиологии, экономической теории, мы получим один из рабочих вариантов следующей модели:

Духовный мир производителя

Отметим, что все перечисленные структурные элементы являются: а) носителями, трансформаторами духовных процессов и одновременно — б) накопителями духовного в процессе долгосрочной эволюции человека и его относительно краткосрочного социально-экономического бытия. Исходя из предложенной модели, попытаемся определить особенности восприятий и их воздействия на мышление, язык, чувства и знание трудящегося. Подчеркнем, что постоянными основными факторами, определяющими содержание восприятий, являлись: процесс физического труда, первичное трудовое звено, в состав которого входил производитель — семья и земля как средство труда и пространство обитания. В процессе земледельческого труда физическое усилие тесно связано со всеми перечисленными элементами духовного, но сильнее всего с эмоциями. Физическое и эмоциональное напряжение неразрывны. Труд сопровождает целая гамма чувств: бодрость, облегчение, усталость, удовлетворение, раздражение, злость и т.д. Одновременно, скажем, в период пахоты, орудие труда, тягловая

сила, предмет труда и все с ним связанное воспринимается бесконечное число раз. Возникает нечто напоминающее известный закон упражнения Торндайка. Только там речь идет о закреплении реакций в результате частых повторений, а здесь — о закреплении образов. В восприятии производителя образное и эмоциональное сливаются. А в силу примитивности технологии и несложности орудий, участие в этом процессе мышления, знаний и памяти — незначительно. Что касается опыта, то по причине той же простоты операций он еще не обладает потенциально-творческой энергией и склоняется к традиции. Поэтому образно-эмоциональное в восприятии существенно превышает содержательно-логическую информацию. Такое преобладание, и, в частности, яркость, прочность отпечатка образа в сознании, зависит также от физического здоровья и жизненной энергии производителя, от контрастности освещения на границах воспринимаемых объектов. Кроме того, сила образно-эмоционального восприятия в значительной степени определяется большим удельным весом ощущений. Образность включает в себя сенсорное. В условиях физического труда его продукт проходит через руки производителя. Шершавая или гладкая поверхность продукта, свежесть, тепло, прохлада, мягкость, твердость и т. д. — всё это не только непосредственно входит в структуру восприятия, но делает его более объёмным и как бы приближает к работнику. Происходит нечто похожее на освоение продукта, включение его в ауру человеческих ощущений и человеческого биополя.

Вторым мощным поставщиком образов является окружающая природа, земля. Будучи источником жизнеобеспечения и надежды, приближённая и освоенная с помощью труда, земля воспринимается трудящимися в образе матери-кормилицы, самого близкого и дорогого человека. Семейно-родовое чувство близости, родства, напластовывается на этот образ, усиливает и поднимает его до высоты первостепенной жизненной ценности. Братство человека и земли закрепляется в эмоционально-выразительном символе. Он становится проводником информации об объекте, но не в логической, а в чувственно-плазменной форме. Одновременно эмоционально воспринятые образы окружающей природы осваиваются сознанием, становятся неотъемлемым элементом языка, мышления, знания, переживаний. Природное входит в

духовный мир, превращается в свойство души. Но лента образно-эмоционального восприятия существенно зависит от определенного непостоянства, переменчивости внимания и настроения. Это зачастую вносит известную хаотичность в поток воспринимаемого. Кроме того, природное само по себе также изменчиво, его восприятие зависит от времени, освещённости. Поэтому образное, идущее от природы, в известной мере стихийно, малоупорядочено. Проникая в язык, мышление, знание, оно вносит элемент стихийности и в эти духовные звенья. Особо заметно это влияние в мышлении и поведении производителя, в организации труда и жизнедеятельности в целом. Однако, параллельно с этим, действует и несколько иная тенденция. Спокойствие и плавность окружающей равнины, постоянство воздействия этого образа, технология труда, вызывают соответствующий настрой души, определённую динамику и последовательность действий. Следует подчеркнуть, что образно-эмоциональное восприятие окружающего существенно усиливается его эстетической составляющей. Чистейший родник, раскалённое марево над горизонтом, яркий степной горошек, обвивающий стебли пшеницы, звёздная летняя ночь в степи, часто навсегда остаются в образной памяти земледельца. Но речь идет не только о душевном усвоении эстетического. Образно-эмоциональное в этом качестве пробуждает духовное, создаёт определённый настрой души, подталкивает мысль к осознанию красоты окружающего мира. Одновременно природно-эстетические образы выполняют еще одну немаловажную роль. Они, часто полусознанно, выступают в качестве эталонов-напоминаний, догадки о том, что прекрасное может быть воплощено и в жизни. Подтверждение этой мысли находим в земледельческом народном фольклоре. Однако в действительности осознание разницы между образом желаемого, идеального и сущего часто становятся основой максимализма, неудовлетворённости, отрицания и конфликта. Это распространяется также на представление о человеке, включая управленческую элиту, конкретных начальников и подчиненных. Прочувствованное, впитавшее лучшее из жизненного опыта образно-идеальное, перенесённое в сферу отношений, является основой интуитивных оценок, причиной скепсиса, отрицательных характеристик и недоверия. А в случае совпадения ожиданий — причиной

непоколебимой преданности, верности, любви, вплоть до самопожертвования. Окружающая природа воспринимается производителем и как пространство обитания. Об этом много написано. Отдельные авторы, в том числе и Н. Бердяев, М. Горький утверждали, что безмерность восточнославянских пространств опустошает душу человека, вызывает чувство бессилия. Думаю, что это не так. Безграничность пространства усиливает эмоционально-образное восприятие за счет масштабности, панорамности наблюдаемого. Широта визуальной информации вызывает известную открытость сознания и готовность к такому же широкому восприятию. Масштаб пространства, масштаб восприятия и масштаб души как бы временно совпадают. На почве образно-эмоционального восприятия рождается одухотворенное чувство пространственной неограниченной свободы человека. Вот откуда русское представление о воле-вольной и казацкое восприятие степной свободы в Украине.

Но окружающая природа зачастую выступала и как враждебная сила: засухи и связанные с ними неурожаи, наводнения, бури, непрерывные дожди, дикие животные, пожары, эпидемии и многое другое делали существование земледельца опасным и неустойчивым, постоянно поддерживали напряжение древних чувств: страха, голода, неуверенности, злости, агрессии. В этом же направлении действовала жесткая система социально-экономических институтов. В данных условиях образно-эмоциональное негативного характера закреплялось, воспроизводилось и становилось одной из неотъемлемых сторон ежедневной экзистенции земледельца. Но существовала и усиленная противоположная тенденция.

Мощным источником воспроизводства и закрепления образно-эмоционального в сознании крестьянина была многодетная трудовая семья, сохранившаяся приблизительно до 30-х годов XX века. Семья стала той формой биологического и социально-экономического существования, которая обеспечила сохранение восточного славянства как этнической общности. Её, казалось бы, упрощённая коллективно-хоровая организация включала, наряду с прямой кооперацией труда, ряд признаков, отдалённо напоминающих цеховую форму организации производства (выполнение отдельных

работ от начала до конца, союз своих против чужих) и мануфактуру (разделение труда по полу и возрасту).

Жёсткая система управления со стороны отца предполагала обучение подрастающих и делегирование полномочий другим членам семьи. Мать выполняла роль духовного лидера. Её отношение к детям оставалось для них на всю жизнь ярчайшим образом человечности, чистосердечия, безграничной любви. В этих условиях образно-эмоциональное становилось особо содержательным, более колоритным и действенным. Оно противостояло безнадёжности и страху, угрозам и постепенно приобретало оптимистический характер, чётче проявлялась его гуманистическая направленность. На основе противоречивого эмоционального и трудового опыта всё больше заявляли о себе сочувствие, соучастие, взаимопомощь, прощение, душевность, милосердие, доброта. Одновременно индивидуальное образно-эмоциональное восприятие земледельца находит выражение в интонационных модуляциях его речи. Передача особенностей, протяжённости, величины предмета, восхищение образом получает акцентированное эмоционально-звуковое оформление. Интонационно-звуковая характеристика образа является одной из ранних дологических попыток его объёмного представления.

Значительная часть воспринятого образно-эмоционального материала попадает в подсознание человека и аккумулируется там на протяжении определённого периода. Достигнув критического объёма, она ищет выхода и находит его в форме активного эмоционально-образного общения, песни, игры. В ряде случаев она может сублимироваться в активный творческий процесс, рационализацию, изобретательство или нерегулируемое буйство. Вместе с тем часть образно-эмоциональных восприятий интегрируется с остатками древних анимистических представлений о животных, растениях. В этих случаях в интимных глубинах своей души земледелец «находит место» и душе животного, и дерева, и птицы, и в укромных местах иногда разговаривает с ними как с равными до середины XX века.

Сказанное даёт возможность заключить, что эмоциональное в сознании человека представляет собой досистемное образование - разнокачественный динамический континуум, характеризующийся

рядом общих признаков и последствий. Наиболее существенными из них являются:

- а) тенденция к стихийности функционирования;
- б) тенденция к упрощению реальности;
- в) тенденция к образно-эмоциональному «уравнению» всех усвоивших данный динамический континуум;
- г) тенденция к чувственно-иррациональному как одному из серьёзнейших последствий данного усвоения;
- д) тенденция к пониженному уровню самоорганизации.

Динамический образно-эмоциональный континуум можно рассматривать также как вид информации, поступающей извне, аккумулируемой в памяти и подсознании, и информации, идущей от внутренних органов человека и свидетельствующей о его самочувствии. В жизнедеятельности человека они взаимодействуют с логической программой мозга, в результате чего устанавливается их известное соотношение.

Суть его заключалась в следующем. Образно-эмоциональная информация в силу своих особенностей ориентирована на внешние признаки предметов. По количеству и интенсивности поступления в сознание она существенно превышала медленно накапливающуюся информацию в сфере мышления, знаний, умений и навыков. Так как их содержание, в основном, определялось сферой несложных традиционных трудовых технологий и упрощённого быта. В странах СНГ эта ситуация сохранилась примерно до середины XX века. Но речь идёт не только о количественном преобладании образно-эмоциональной информации. В сознание трудящегося она интегрировалась, становилась структурной составляющей того же мышления, знания, умений и навыков, опыта. Это значит, что образно-эмоциональное мировосприятие в доиндустриальный период и в послеиндустриальные десятилетия доминировало в духовной системе земледельца и представляло собой одну из существенных, коренных особенностей его менталитета, а следовательно и ментальности восточнославянского сообщества в целом. Истинность этого вывода, на мой взгляд, подтверждают не только изложенные выше соображения, но и ряд следующих основных аргументов:

а) образно-эмоциональное мировосприятие определило славянский выбор византийского варианта христианской религии. Его воздействие на чувства, как отмечает летопись, было таким значительным, что киевские послы, пребывающие в константинопольском храме, «не знали где находятся: на небе или на земле»;

б) о повышении роли образно-эмоционального свидетельствует также яркая образность восточнославянских языков, подкреплённая эмоциональными интонациями и представленная, в частности, в высказываниях целого ряда выходцев из народа (Иван Вишенский: «землю, по которой ходите босыми ногами, не оскверняйте бездуховностью своей»; Аввакум Петров: «... братья, светы мои... вас и деток ваших целую целованием духовным»; Емельян Пугачёв: «жалую вас и крестом, и бородою, и волею, и землёю, и угодьями, и лесами, и лугами. И всем беспошлинно и безданно»);

в) доминирование образно-эмоционального мировосприятия нашло своё проявление в достижениях восточнославянских литератур, мастеров живописи и народного творчества;

г) склонность к преобладанию образно-эмоционального над логическим засвидетельствована многими представителями восточнославянской культуры: М.М. Карамзиным («дайте мне чувства, а не теорию»), П.Я. Чаадаевым («в чувствах много больше разума, чем в разуме чувств»), Ф.М. Достоевским («можно много чего не сознавать, а только чувствовать»), Е.Н. Трубецким («сердце человека – самое дорогое сокровище»), В.С. Соловьёвым («душа есть нечто большее, чем наше рефлектирующее сознание»), Н.Ф. Фёдоровым («сердце – необходимая поправка холодной субъективности ума»);

д) усиленное образно-эмоциональное видение мира пронизывает всю нашу историю до XXI века включительно. Его носителем является народ, включая управленческую элиту. Образно-эмоциональная сориентированность последней нашла особо проявление в деятельности М. Хрущёва, Л.Брежнева, М. Горбачёва. Что касается Л. Брежнева, то его принадлежность к этой тенденции характеризовал его образный, пересыпанный яркими выражениями, язык, дружелюбие, любовь к поэзии Есенина и хоровой песне. Это по инициативе Генерального секретаря ведущие члены Политбюро

ЦК КПСС время от времени собирались в Кремле на спевки. И ещё одна важная микродеталь: своё решение о вторжении советских войск в Чехословакию (1968 год) он принял после просмотра своих карикатурных изображений в чехословацкой прессе.

Исторически сложившаяся образно-эмоциональная особенность восточнославянского менталитета, как видим, не является чем-то застывшим, самодовлеющим, раз и навсегда данным. Её внутренняя подвижность, импульсивность, эвристичность находят выражение не только в текущей ежедневности, но и в широкомасштабных позитивных и негативных инверсионных последствиях и проблемах. Поэтому, углубляя в процесс исследования, обратимся поначалу к полю положительных инверсионных последствий. Итак:

1. Тенденция к преобладанию образно-эмоциональной составляющей в восприятии и мышлении стала общей психологической основой взаимопонимания и сближения восточных славян. Её объединяющая сила нашла выражение в близости языков, трудовых навыков, идентичности религий, общности духовных первоисточников: «Повести временных лет», «Слова о законе и благодати» митрополита Иллариона, «Поучении Владимира Мономаха», «Слове о полку Игореве», в переплетении исторических судеб белорусов, украинцев, россиян. Но в период рыночной трансформации на уровне личности обнаружились и её расслабляюще-архаические черты: удалённость от экономического интереса, самоорганизации и социальной самообороны. Тенденция вступила в известное противоречие с усложнёнными задачами экономического, физического и духовного выживания народов. В ходе приватизации громадное большинство ментально-беззащитных, малоадаптированных к рынку, слабоконкурентных производителей было ограблено и деморализовано. Угроза нищеты и вымирания грозит превратиться в реальность. Некоторые поспешно дистанцировавшиеся гуманитарии уже пророчат этому этносу судьбу американских индейцев. Положение и впрямь остаётся чрезвычайно опасным. Поэтому, наряду с социально-экономическими мероприятиями необходима образовательно-институциональная корректировка менталитета, а также глубинная

реформация духовных производительных сил восточнославянских обществ.

2. В сложных жизненных условиях, экстремальных ситуациях, ожесточённых военных, этнических, идеологических конфликтах, пережитые образно-эмоциональные потрясения могут менять качество личности, как в положительную, так и в отрицательную сторону. Яркие примеры таких общественно значимых трансформаций находим не только в жизнедеятельности апостола Павла, Данте Алигьери, Мартина Лютера, Альберта Швейцера, Льва Толстого, Сергея Королёва, но и в жизнях сотен тысяч людей, переживших братоубийственную гражданскую войну, коллективизацию, сталинские лагеря, Отечественную войну, послевоенную разруху и разорение периода постсоветских режимов. Тяжелейший опыт этих потрясений, его ментальные причины и последствия всё ещё остаются малоисследованными, неучтёнными в современной социально-экономической практике. Глубокое осознание данной проблемы научной элитой, гражданами, воплощение его результатов в защитные социальные технологии, не допускающие повторения губительных экспериментов над народами, является одной из кардинальных задач восточнославянских обществ.

3. От уровня развитости и взаимодействия коммуникативно-адаптивной чувственно-познавательной, духовно-мобилизующей и эвристической функций образно-эмоционального во многом зависят:

а) интеллектуально-конкурентные преимущества населения в современной рыночной среде;

б) гуманистическое содержание и социально-экономическая эффективность общественных отношений;

в) духовно-консолидирующая сила семейных отношений;

г) качество корпоративной культуры организаций;

д) степень творческой консолидации партий, движений, прослоек, классов и этнических групп.

Поэтому углублённое изучение данного аспекта духовных сущностных сил человека является первостепенной научной и практической задачей гуманитариев. Её решение обогатит методологию общественных наук, дидактику средней и высшей

школы, теорию самоменеджмента, институтов управленческих решений и катастроф. Одним из её главных результатов станут комплексные социальные технологии практического преобразования содержания современной социальной практики, включая качество жизни.

4. Образно-эмоциональное может существенно влиять не только на поведенческие установки, но и на познавательные способности индивида. Оно в состоянии, к примеру, стимулировать познавательный процесс путём трансформации эмоций в пламенную веру, в духовное подвижничество. Достаточно вспомнить имена Феодосия Печёрского, Иллариона, Вассиана Патрикеева, Филиппа Колычева, Аввакума Петрова, Михаила Ломоносова, Михаила Бакунина, Дмитрия Менделеева и многих других. Правда, в этом списке встречаются и заблудшие: Трофим Лысенко, Никита Хрущёв, Михаил Горбачёв. В условиях индустриального общества, трансформирующего образно-эмоциональное в новое состояние, подвижничество уступает место одной творческой особенности образно-эмоционального сознания – способности отклоняться от традиционных форм мышления. Для эмоционалов, как и для обладателей преимущественно-логического мировосприятия, деятельность является важнейшим элементом выработки правил познания действительности. Но в отличие от логиков они часто располагают более обширным континуумом образов, прочувствованных ситуаций, представлений об идеальном, алогичных подходов, интуитивно-поисковых схем. И когда уровень образования позволяет им соединить этот континуум с научным, логическим подходом, - эмоционалы получают качественно разнородное, противоречивое, но обширное, содержащее комбинационно-эвристический потенциал, поле поиска. Результатами последнего нередко становятся новшества, изобретения и открытия. Подтверждение этому находим в успехах советских учёных, выходцев из крестьянской и рабочей среды. Среди них, к примеру, генеральный конструктор авиационных двигателей, Герой социалистического труда, лауреат Ленинской и Государственной премий украинец Архип Иванович Люлька, главный конструктор тяжёлых танков и тягачей, трижды Герой социалистического труда,

русский Николай Леонидович Духов и целый ряд других. В наши дни поиск новых интеллектуальных технологий и перспективы прямого интеллектуального управления орудиями труда выдвигают проблему разработки эвристических вариантов взаимодействия образно-эмоционального и логического на одно из первых мест в системе научных знаний.

5. Потенциальные возможности образно-эмоционального в части воспитания молодёжи и формирования качественно нового человеческого капитала можно рассматривать и как серьёзный резерв позитивных перемен в обществе. Сегодня юношество, физически ослабленное, дезориентированное, деморализованное рыночным и чиновничьим беспределом, не может стать той творческой силой, которая могла бы участвовать в формировании шестого экономического уклада с его наноэлектроникой, генной инженерией, биотехнологиями, гибкими производственными системами. Нужны кардинальные перемены в социально-экономических условиях, образовании, воспитании. В структуре этих изменений образно-эмоциональное может сыграть творческо-инновационную роль. Для этого сначала его следует разделить на две подсистемы: теоретико-прикладную и субъективную, присущую каждому человеку. Технологии теоретико-прикладной части надо ориентировать на создание мощного и разнообразного экс ядра личности. Экс ядро формируется путём личного преодоления экстремальных напряжений в спорте, чувствах, знаниях, умениях, навыках. Полнота лично переживаемого обеспечивает повышенный уровень жизненной энергии, воли, самоутверждения и конкурентоспособности. Одновременно законодательству на конкурентной основе следует поощрять кластерные объединения молодёжи и её обновленческие движения снизу.

Но рассматриваемое нами явление имеет и целый ряд отрицательно-инверсионных сторон:

1. Одним из негативных последствий образно-эмоциональных особенностей сознания является его преимущественно внешняя сориентированность в ущерб самопознанию и постоянной рационализации внутреннего духовного мира личности. Люди

такого типа, нередко, долго входят в изменчивые ситуации, слабо адаптируются к новому, затягивают решение текущих вопросов, избегают личной ответственности, настроены на снисхождение к слабостям и прощение недостатков. В хозяйственной деятельности это порождает элементы беспорядка, а в политической жизни – демагогии, клановости и коррупции.

2. Доверие к единой эмоционально-образной информации, идущее от единообразия орудий труда, производственных технологий быта, межличностных отношений, православия, неукоренённости собственности и просвещённости, - стало одной из существенных причин кровавой победы «единственно верной», почти православной большевистской идеологии. Идеологизированное меньшинство победило многомиллионный народ и стало самовластно бескомпромиссно управлять завоёванной территорией. Нечто подобное, правда, уже на иной, собственнической основе произошло в период перехода к рыночной экономике. И на фоне этих трагических трансформаций, издевательств, насилия и произвола одиноко предстаёт перед нами символ нашей отечественной интеллигенции – униженный тюремщиком академик Вавилов: в мешковине без рукавов и в лыковых лаптях. Вот краткая информация о нас с вами. Информация, которая при её глубочайшем осмыслении должна не только скорректировать нашу ментальность, но преобразить наши духовные силы, удесятерить нашу интеллектуальную и экономическую конкурентоспособность.
3. В обществе со слабодинамичной экономической базой тенденция к преобладанию ситуативно-образного мышления оборачивалась отсутствием общих принципов партнёрства во взаимоотношениях граждан, слабостью побудительных мотивов к дисциплине организации, рационализации, волюнтаризмом, безответственностью и безнаказанностью бюрократии. Это, вместе с недостатками сословного, идеологического и ментального отбора в элиту, резко снижало её качества, поощряло пренебрежение законом и моралью, воровство и грабёж на протяжении целого ряда столетий. Долгосрочность данного процесса засвидетельствована целым рядом его современников. Д.Фонвизин: «Кто может – грабит, кто не может – крадёт. Души

унывают, сердца развращаются, образ мысли становится низок и презрителен». В. Белинский: «В России нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации служебных воров и грабителей». Великий князь Михаил, брат Николая II: «Подонки, проходимцы, воры и ничтожества погубили Россию». Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. Брежнев: «Кругом одни сволочи...» [7]. Продолжение следует. Об этом уже свидетельствует Станислав Говорухин в книге «Страна воров» и многочисленные факты наглого беспредела в нашей современной рыночной действительности.

4. Стихийность, обманчивая убедительность, дискретность и неупорядоченность образно-эмоционального времени может вызывать деформацию логики мышления, порождает недоразумения, несогласованность, беспорядки, углубление катастроф. Этот вывод подтверждается хотя бы следующим перечнем разнородных и разновременных фактов. В конце XIX столетия значительная часть крестьян Харьковщины, узнав из ярмарочной брошюры о приближении «конца света», бросила полевые работы и начала вырезать скот. В годы Гражданской войны высшие офицеры армии Врангеля в Крыму рассматривали Сиваш как надёжную естественную преграду для большевистской Красной Армии и просчитались. В ситуации, вызванной образно-эмоциональным шоком во время взрыва на крейсере «Новороссийск» в Севастопольской бухте (1954 г.) восемь адмиралов, находящихся на его борту, и главнокомандующий флотом не могли принять согласованное решение по спасению экипажа и корабля. Одним из первых мероприятий после взрыва третьего и четвёртого реакторов на Чернобыльской атомной станции была установка красного флага...
5. В хозяйственной системе перевес образно-эмоциональных подходов становится, иногда одной из главных причин преувеличения успехов, разрыва между количественными и качественными производственными показателями гигантомании (отсюда советское восхищение крупномасштабными новостройками, идеи поворота рек, гигантские монументы кабанов и быков на Выставке народного хозяйства СССР. Отсюда

же и невнимание к незначительным, на первый взгляд, прогрессирующим явлениям и процессам, которые требуют глубинного анализа).

6. В процессе решения правовых, социально-экономических и политических задач образно-эмоциональное ярче всего проявляется в постановке проблемы, что ж касается логики осуществления задуманного, то она нередко остаётся наиболее слабым звеном и сводит все усилия к нулю. Примерами могут быть: кукурузная эпопея Хрущёва, компания против пьянства при Горбачёве, начатая им перестройка экономики, оранжевая революция на Украине и многое другое.

Всё изложенное в настоящей главе приводит нас к следующим основным выводам:

1. Как свидетельствуют факты, есть все основания говорить об общих особенностях ментальности восточных славян как одной из фундаментальных основ их этнического единства. Это обстоятельство должно найти отражение в гуманитарных, социально-экономических науках и современной практике.
2. Ментальность этих народов в значительной степени отражает их прошлый сельскохозяйственный опыт, малоразвитость рыночных отношений и частной собственности. В условиях формирования рыночного общества её традиционные источники сужаются, внутренняя неустойчивость растёт, противоречия усиливаются. В последнее время резко сузилась сфера подпитывающего её физического труда. Прекратилось ментально-формирующее воздействие опоганенной человеком природы. Потеряла свои коллективно-ментальные функции семья. Снизился общий уровень образования и воспитания. Участились случаи издевательств школьников над своими сверстниками. Дело доходит до того, что классный руководитель ведёт своих воспитанников бить одноклассника у него на дому. Коммерциализированная культура утратила свою воспитательную функцию, превратившись в сферу развлечений и прибыльного бизнеса. В этих условиях в восточно-европейских странах ведущими ментально-формирующими факторами стали рыночные отношения с их деморализующим разрывом между прослойкой богатых и

многомиллионной армией бедных, отношения между работодателем и зависимым от него работником, отношения в поражённой безработицей семье. Под их воздействием старая ментальность травмируется, деформируется и вытесняется. Одновременно в этом стихийном процессе на основе инстинктов выживания, хозяйствования, агрессии, формируется нечто новое с усиленным индивидуально-прагматическим ядром и тенденцией к потреблению отходов эрзац-культуры. Компьютеризация сферы обслуживания и обучения, а также пользование системой «Интернета» только осложняет ситуацию. Для стран СНГ постиндустриальное общество, общество знаний, остаётся призрачным, далёким будущим. Есть все основания опасаться, что стихийные нерегулируемые процессы в сфере ментальности науки, образования и культуры деформируют все начинания, отбросив нас на окраины современной цивилизации. Необходимы срочные инновационные преобразования. Необходима духовная реформация, охватывающая все отрасли и сферы жизнедеятельности общества.

3. Исходя из этого, представление об особенностях и трансформациях восточнославянского менталитета необходимо включить в экономическую теорию, в частности, в теорию институциональных систем, отслеживая их влияние на качество законов, управленческого персонала, способы принятия решений, соотношение прав и обязанностей бизнесменов, связи ментальности и коррупции и мн. др.
4. В теории современного менеджмента и, в частности, в теории ортобиоза, следует предусмотреть методiku рационализации ментальности, соединив её с постоянным инновационно-направленным использованием резервов. Необходима также разработка совершенно новых направлений: менеджмента духовно-производственных кластеров и менеджмента виртуальных духовно-творческих объединений. Ждёт своих энтузиастов-разработчиков также особо необходимая молодёжи теория управления социально-конструктивными сетями.
5. В истории экономики в связи с рассмотренной темой вырисовывается целый ряд новых проблем, решение которых

может существенно углубить содержание данной науки. Среди них:

а) соотношение инверсионных изменений в хозяйственной системе, сущностных силах производителя и его ментальных установках;

б) особенности менталитета и естественного отбора в обществе;

в) связи ментальности, тоталитарного и авторитарного общественного строя;

г) анализ особенностей духовно-деятельностного в структуре духовных производительных сил личности и общества с точки зрения их влияния на экономический рост;

д) разработка теории духовной составляющей процесса развития экономических систем.

6. На практике восточнославянские народы (которым в рыночных условиях пророчат судьбу американских индейцев), особенно не растерявшая веру молодёжь должны объединиться в мощное движение за экономическое и духовное самообновление, за своё будущее, за Отечество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. Судьба России / Н. А. Бердяев. – М.: Изд. МГУ, 1990. - 240 с.
2. Гнатенко П. І. Український національний характер / П. І. Гнатенко. – К.: Либідь, 1994. – 152 с.
3. Гнатенко П. И., Павленко В.Н. Этнические установки и этнические стереотипы / П. И. Гнатенко, В. Н. Павленко. – Днпр.: ДГУ, 1995. – 326 с.
4. Голод 1932-1933 років на Україні К.: 1990 – 410 с.
5. Гордон Д. Информация о зарубежном издании сборника высказываний Л.И.Брежнева в узком кругу /Д.Гордон// газ. «Бульвар», август 2003 г., №33 (407), стр. 7.
6. Гриценко Е. А. Менталитет как категория институциональной теории / Е. А. Гриценко – Эконом. теория. – 2005. - № 1. – С. 35 – 45.

7. Грушевський М. С. Духовна Україна / М. С. Грушевський. – К.: Либідь, 1994. – 560 с.
8. Достоевский Ф.М. Искания и размышления /Ф.М.Достоевский – М.: Мысль, 1983. – 396 с.
9. Дубровский С. М. Сельское хозяйство и крестьянство в России в период империализма / С. М. Дубровский. – М.: Наука, 1975. – 599 с.
10. Заболотский-Десятовский А.П. О крепостном состоянии России - Сборник документов по истории СССР /А.П.Заболотский-Десятовский - М.: Высшая школа, 1974. – 242 с.
11. Касьянова К. И. О русском национальном характере / К. И. Касьянова – М.: Экономика. 1994. – 582 с.
12. Костомаров Н. И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа / Н. И. Костомаров. – М.: Экономика, 1993. – 429 с.
13. Куліш П. А. Записки о Южной Русі / П. А. Куліш. – К.: Дніпро, 1994. – 676 с.
14. Культурология. – СПб. : Знание, 1995. – 298 с.
15. Ментальність та історія ідей. – К. : Наук. думка, 1993. – 136 с.
16. Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX в.). – М. : Наука, 1994. – 596 с.
17. Народное хозяйство СССР : стат. сб. 1922 – 1982. – М.: Финансы и статистика, 1982. – 623 с.
18. Нечуй-Левицький І. С. Світогляд Українського народу / І. С. Нечуй-Левицький. – К.: Обереги, 2003. – 143 с.
19. Поликарпов В. С. История нравов в России / В. С. Поликарпов. – М.: Феникс. 1995. – 575 с.
20. Потебня А. А. Слово и миф /А.А.Потебня – М.: «Правда», 1989. – 622 с.
21. Соловьёв В. С. Сочинения / В.С.Соловьёв – Том 2 . – М.: Мысль, 1988. – 822 с.
22. Трубецкой Е. Н. Максимализм. / Е.Н.Трубецкой // Юность-1990. - № 3. – С. 11–16.
23. Флетчер Д. О государстве Русском. / Д.О.Флетчер // - Сборник документов по истории СССР. Ч. III. М.: Высшая школа, 1972. – 208 с.
24. Франко І. Я. Зібрання творів в 50 т. / І. Я. Франко. – Том 20. – К.: Наук. Думка, 1979. – 486 с.
25. Человек и общество. – Ростов-на-Дону: Феникс,1986. 397 с.

26. Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем 1872-1887 г.
/ А.Н.Энгельгардт - М.: Наука, 1960. – 182 с.

Глава V. Историко-экономическая эвристика на рубежах современного управления и права

В структуре современных экономических знаний глубинные механизмы процесса развития социально-экономических систем, при всем разнообразии публикаций, остаются малоисследованными [1]. Не случайно в целом ряде научных дисциплин (отраслевые экономики, экономическая статистика, экономический анализ, экономическая история) углубленные трактовки понятий — развитие системы, подсистемы, процесса, как правило, отсутствуют. В экономической теории последнего десятилетия они часто подменяются проблематикой экономического роста, экономического прогресса. Последний предстает в свете учения о последовательной смене формаций и линейного понимания научно-технического прогресса, обеспечившего переход от ручного труда к механизированному, а затем к автоматизированному производству. Сложность, противоречивость, неоднозначность развития упрощается до простодушно-пренебрежительного взгляда на действительность. Результатом такого подхода стало ослабление методологического потенциала экономических наук, обеднение экономического мышления, задержка процесса интеграции знаний. Но особенно негативно его последствия сказались в сфере социально-экономической практики. Волюнтаристский "отбор" главного и второстепенного в развитии привел к технико-технологическому фетишизму. В разряде второстепенного оказались природа, мораль, личность. В период командно-административной системы сюда попало также многомиллионное крестьянство как "носитель мелкобуржуазной стихии" и сотни тысяч граждан, замученных в ГУЛАГе.

В условиях современных реформ второстепенными оказались судьбы большинства обнищавшего населения. Сегодня сохранение очерченной ситуации грозит дальнейшим умножением негативных последствий и катастроф. Поэтому в системе экономических наук, а также в управлении и праве, которые особенно тесно связаны с со-

временными социально-экономическими преобразованиями, необходимо ускорить формирование междисциплинарно-прикладного раздела, нацеленного на устранение перечисленных недостатков. Таким разделом может стать историко-экономическая эвристика.

Идея разработки историко-экономической эвристики возникла в экономической истории в начале 90-х годов XX века. Предметом исследования этого прикладного междисциплинарного раздела является познание процесса развития социально-экономических систем, подсистем, связанных с ними процессов и явлений в интересах экономических наук и современной социально-экономической практики. Метод историко-экономической эвристики имеет сложную структуру и включает следующие составляющие: 1) методологические установки современной научной картины мира, 2) теоретико-методологические положения общей экономической теории, 3) методологические рекомендации философии, 4) общенаучные методологические приемы (моделирование, статистико-математические методы исследования), 5) методологический инструментарий самой экономической истории, 6) эвристические приемы, используемые в решениях технико-технологических проблем. В структуру задач рассматриваемого когнитивно-прикладного раздела входят два блока — исследовательский и практический. Исследовательский блок включает: углубление представлений о механизмах процесса развития исследуемых объектов, постоянную интеграцию и продуцирование новых знаний, постановку междисциплинарных проблем, стимулирование формирования инновационных идей в структуре экономических и гуманитарных знаний, разработку новых исследовательских приемов. В блок практических задач входят: обобщение, модификация и адаптация отечественного и зарубежного историко-экономического опыта, исследование долгосрочных и краткосрочных процессов, имеющих выход в практику, разработка историко-экономических аспектов гуманитарных технологий (для отдельных отраслей, регионов, фирм, производственных и семейных коллективов), проектирование историко-экономических процессов с заранее заданными свойствами и целями для внедрения в практику, проектирование систем инверсионных процессов и явлений в целях развития хозяйства или дестабилизации экономики страны агрессора.

Одной из главных исследовательских задач историко-экономической эвристики является расширение информации о внутренних механизмах развития социально-экономических систем, связанных с ними процессов и явлений. В связи с этим возникает необходимость постепенного преодоления устаревшего, механического понимания внутрисистемного развития, акцентировавшего основное внимание на факторах экономического роста. Его начальной стадией, на мой взгляд, может стать интеграция в теоретико-методологическую основу эвристики следующих основных положений:

1. О четком разграничении научных понятий "экономического роста и экономического развития". Экономический рост несет на себе отпечаток утилитарных целей. Он не всегда связан с всесторонним развитием системы в целом и, как свидетельствуют историки, экономический опыт СССР и некоторых развивающихся стран, может осуществляться за счет деформации структуры хозяйства и деградациии ряда отраслей. Развитие же характеризуется количественно-качественными изменениями во всех элементах системы, включая социальную сферу, образование и благосостояние граждан, качество их жизни. В рамках такого понимания сбалансированный экономический рост может являться итогом устойчивого экономического развития.

2. Об уровневом характере внутрисистемной динамики. Системность развития хозяйственных объектов декларируется давно. Но механизмы ее динамики выяснены в общих чертах. Необходима определенная детализация. Одним из ее аспектов является представление о системно-уровневом характере изменений в социально-экономических образованиях. Исходя из историко-экономических фактов, в настоящее время можно определить следующие уровни изменений, влияющих на внутрисистемную динамику и на степень развития всей системы:

а) изменения в науке и образовании — ведущих структурных элементах ядра развития, в которое входят также техника и технология;

б) изменения структуры и программ функционирования элементов системы на макро-, мезо- и микроуровнях;

в) количественно-качественные изменения на уровне материально-вещественных факторов производства;

г) изменения уровней функционирования материально-вещественных факторов производства;

д) маргинальные (окраинные), достатистические количественно-качественные изменения в области материальных факторов, их функционирования, а также во всех иных сферах объекта;

е) изменения под влиянием внешних факторов, в том числе связанные с ситуацией судьбоносного "внешнего вызова" и необходимостью принятия кардинальных решений (согласно теоретическим выводам Арнольда Тоинби).

3. Развитию систем, подсистем, их процессов и элементов присущ проблемно-ситуационный характер. Время от времени они достигают проблемно-критических точек, начиная с которых развитие может пойти в любом направлении. Это направление и качество последующего движения, на мой взгляд, определяются в общем, тремя основными параметрами: 1) спектром возможных вариантов решения близких к прошлым состояниям системы или процесса, 2) спектром ограничителей и невозможных в данных условиях вариантов, 3) уровнем профессионализма и эвристичности мышления управленческой элиты. При этом гибкость и неординарность эвристического мышления играют особую роль. Их носители чаще всего осуществляют поиск решения проблемы именно на рубеже или в секторе ограничителей и невозможных вариантов. Грани невозможного под напором эвристической мысли часто отодвигаются. Невозможное становится возможным. Существенную роль в этом играет также преодоление психологических и продиктованных обыденным, не экстремальным опытом, стереотипов. В гражданскую войну, к примеру, для генералов белой армии, оборонявшей Крым, переход красных через Сиваш казался невозможным, абсурдным. Но именно с этой стороны на слабоукрепленном участке и началось их наступление. В условиях рыночной экономики парадоксы такого рода не редкость. Мелкое заведение по ремонту утюгов, руководимое священником и ограниченное в средствах, преодолевает, со временем, черту невозможного и становится одной из крупнейших корпораций Испании. Это всем известная сегодня "Мандрагона". В современной Украине существенным ограничителем развития целого ряда промышленных предприятий является недостаток капитала.

Ограничения такого рода оттесняются нетрадиционно мыслящими администраторами и бизнесменами. В целях решения своих финансовых проблем администрация Ильичевского порта подыскала для одной из финляндских фирм украинского партнера — машиностроительный завод в Запорожье, определила для них льготы по отправке грузов и склонила финскую сторону к выгодным для нее капиталовложениям в совершенствование инфраструктуры порта.

4. Существенным фактором поступательного движения социально-экономических систем, подсистем и процессов является духовная составляющая экономического развития. На роль духовного фактора указывали еще представители немецкой исторической школы (Б. Гильдебранд, В. Рошер, Г. Шмоллер, М. Вебер), известные экономисты (А. Маршалл, В. Ойкен) и философы (К. Ясперс, М. Шеллер, М. Хайдеггер). Но односторонность и устарелость взгляда на духовную культуру как сферу деятельности исключительно творческой интеллигенции долгое время препятствовали расширенно-конструктивному пониманию этого феномена. В настоящее время преодоление данной ситуации связано с новым представлением о культуре как системе духовных производительных сил общества. Оно включает науку и образование, духовные производительные силы элиты, производственных коллективов, семьи, личности и традиционных сфер деятельности творческой интеллигенции (литература, искусство, средства массовой информации и т. д.). Такая постановка проблемы сегодня особо актуальна и конструктивна. Она дает возможность четко определить место и роль духовного фактора в экономическом развитии. Он предстает в своей реальной роли как неотъемлемая часть ядра развития, как сила, определяющая содержание и эффективность подавляющего большинства внутрисистемных процессов и сфер, включая управление, законодательство, хозяйственный порядок и гражданское общество. Детальная разработка и введение в научный оборот этого междисциплинарного понятия углубит представления о механизмах движения социально-экономических систем, существенно усилит интеграционные процессы в структуре современных знаний, а также их связи с практикой.

5. Инверсионность как объективная, сердцевинная черта развития не нашла должного отражения в современных экономических

науках, управлении и хозяйственном праве. В методологии и теории этих наук понятия превращаемости систем, подсистем, процессов и явлений на основе умножения функций, изменения программ, обесценивания, разветвления единого, соединения ранее не соединимого, перемены мест, антитезы, модификационной аналогии и др. — отсутствуют. Основное внимание сосредоточено на проблемах функционирования основных факторов производства и производственных отношений. То есть в основу познания положено уже знакомое нам представление об экономическом росте в интересах достижения утилитарных целей. Это значит, что предметом анализа становится только наиболее доступный и зримый верхний слой динамики производства. Глубинные механизмы формирования качественно новых признаков, усиливающих или разрушающих систему, как правило, остаются за пределами этого подхода. Не случайно поэтому экономический анализ носит последующий характер. Он исходит из итогов Деятельности и дает преимущественно запаздывающие рекомендации. С точки зрения системности процесса развития его информация неполна. Она позволяет регулировать процесс экономического роста, но, оставляя без внимания пульсацию нижних слоев развития, способствует накоплению внутрисистемных проблем, случайностей, отрицательных явлений достатистического характера. В этих условиях даже при позитивных показателях экономического роста в системе нарастает сопряжение негативностей, расслабляются взаимосвязи между структурными элементами, снижается уровень динамичности отдельных процессов.

Но инверсионность в рамках мировой экономики и развитых хозяйственных подсистем с каждым десятилетием усиливается. Она все больше охватывает отраслевые структуры, предприятия, объединения, сферы рынка и институций, социальных процессов. Нарастание инверсионности вызвано дальнейшим усложнением социально-экономических систем и присущих им внутренних причинно-следственных связей. Мощным источником "рукотворных" инверсий является научно-технический прогресс. Стихийные инверсии формируются на основе усиления противоречивости явлений и процессов, изменений энтропийного характера, пересечения причинных линий, напластований, сопряжений, взаимодействия внутрисистемных и внешних процессов, катастроф, иррациональных тенден-

ций и т. д. Нарастающее усиление инверсионности в условиях ее игнорирования в методологии и теории экономических наук, управления и хозяйственного права представляет собой серьезную угрозу уровню современного экономического мышления и связанному с ним регулированию процессов в сфере современной социально-экономической практики. Ее предотвращение непосредственно связано с детальной разработкой научных представлений об инверсионности процесса развития хозяйственных систем в историко-экономической эвристике с последующей интеграцией добытой информации в другие науки. Целый ряд шагов в этом направлении уже сделан.

Известно, к примеру, что инверсионность представляет собой объективное свойство процесса развития, сущность которого заключается в превращаемости явлений, процессов, систем, преобразований или разрушений старого и формирования нового качества. Известны также механизмы возникновения и основные виды инверсий. Сегодня ясно, что инверсионные явления и процессы проявляются одновременно на макро-, мезо- и микроуровне. Их можно подразделить на явные и скрытые, частично регулируемые и стихийные. С точки зрения длительности они могут быть долгосрочными, средними и краткосрочными, дискретными, вялотекущими. Микро-уровневые инверсии имеют свою специфику. Они, как правило, связаны с незначительными количественно-качественными изменениями достатистического уровня. С течением времени такие изменения могут образовать устойчивую сеть маргинальностей существенно ускоряющую инверсионные явления на мезо- и макроуровне. При достижении оптимальных уровней функционирования основных факторов производства воздействие микроуровневых процессов существенно усиливается. В пределах экономического объекта соотношения инверсионностей всех уровней становятся основой формирования сопряженных образований. На их основе часто формируются сопряженные инверсионные процессы, усиленно воздействующие на процесс развития. Инверсии соединения ранее не соединимого могут превратиться в процессы-композиции. Изредка инверсия выступает и в форме антипроцесса, направленного против уже существующего. Кратковременные, быстротекущие инверсии могут выступать в форме и стимуляторов, и консервантов социально-экономических процессов и явлений.

Все перечисленное позволяет сделать вывод о существовании скрытого инверсионного корня в структуре развития любой социально-экономической системы. Эффективное управление развитием такой системы невозможно без учета этого кардинального явления. Информацию о его реальных нарастающих и потенциальных возможностях можно получить с помощью матрицы инверсионного профиля системы. Одним из существенных преимуществ такой матрицы является упреждающая информация о зарождающихся маргинальностях, формирующихся или потенциально возможных процессах. Таким образом уже ранний этап познания инверсионности в развитии социально-экономических систем позволяет надеяться на дальнейшее приращение знаний в теории экономических наук, управления, права, а также на результативное применение этих знаний на практике.

Сегодня, с определенной долей уверенности можно говорить о том, что формирующаяся, междисциплинарная по своему характеру историко-экономическая эвристика становится стимулятором процесса интеграции знаний и формирования инновационных идей в экономических науках, управлении и праве. Одним из важнейших направлений такого стимулирования является постановка актуальных междисциплинарных проблем. В настоящее время такой первоочередной проблемой является углубление теоретических представлений о процессе развития социально-экономических систем и свойственной ему инверсионности. Именно недостаток знаний в этой области существенно сказывается на решении задач, связанных с совершенствованием современного государственного управления. В ходе обсуждения "Концепции административной реформы в Украине" известный правовед, академик И. Н. Пахомов особо подчеркнул этот негативный факт. Он, в частности, отметил, что нечеткость представлений об административных структурах как развивающейся системе искажает понимание сущности исполнительной власти, "организационно-правовых форм и методов её реализации" [2]. Одновременно, неинтегрированность представлений об инверсионных явлениях и процессах в методологии принятия управленческих решений приводит к еще более тяжким последствиям и даже к углублению кризисных ситуаций в обществе. Об этом свидетельствует, к примеру, конфликт в Чечне. Попытка его решения старым командно-

административным, линейно-"лобовым" методом способствовала углублению кризиса. Более того, регулирующая сторона, в условиях ограниченности интеллектуального инструментария, вынуждена была использовать методiku противника — силовое решение проблемы. Между тем, своевременное применение инверсионного подхода могло обнаружить целый ряд несиловых, альтернативных решений, включающих образование процессов композитов, анти-процессов, а также систему искусственных консервантов побудительных мотивов наиболее непримиримой части боевиков.

В структуре современной законодательной власти ограниченность представлений о сущности, многозначности и неожиданности последствий инверсионных процессов временами также приводит к потенциально опасным ситуациям. Так, выступая в печати по вопросам безопасности Украины, отдельные юристы видят три основные угрозы: русские в восточной части Украины, татары на Юге, русины — на западе. Такая безапелляционная, неподтвержденная фактами произвольно-мыслительная инверсия между тем может стать зародышевой формой микроинверсии в сознании перечисленных граждан Украины. При неоднократном повторении в средствах массовой информации она закрепится и трансформируется в отчужденно-оппозиционную настроенность этой части населения по отношению к украинской государственности. В сфере законодательства рассматриваемые негативности проявляются в иной форме. Механизм исполнения законов четко не прописывается. Это существенно снижает их регулирующие функции. И в этом случае также сказывается как игнорирование научного принципа развития, так и неспособность разглядеть инверсионный аспект толкования закона. Инверсия толкования как самостоятельное явление нередко встречается и в подзаконных актах. При этом, как свидетельствуют специалисты, дело доходит иногда до полного нивелирования закона. В целом, отсутствие информации инверсионного характера в предварительных разработках, предшествующих принятию законов, существенно снижает упреждающую роль законодательного регулирования и расширяет сферу действия неуправляемых явлений и процессов. Все сказанное не только подтверждает актуальность междисциплинарной проблемы углубления знаний о процессе развития социально-экономических систем и присущей ему

инверсионности, но выдвигает на передний план настоятельную необходимость кардинального совершенствования методологии управления и права в интересах экономической практики.

Второй междисциплинарной проблемой, стимулирующей и процесс интеграции, знаний и процесс формирования инновационных идей является проблема проектирования инверсионно-методических приемов и процессов. Выше мы вспоминали о процессах-композициях, возникших вследствие объединения ранее разрозненных, повторяющихся явлений, об антипроцессах, маргинально-сетевых процессах. Все они принадлежат к реально-развивающимся динамическим образованиям. Именно это обстоятельство позволяет нам превратить их сначала в предмет исследования, затем в самостоятельный исследовательский прием и, наконец, в исходный эталон научного проектирования инверсионно-методических приемов и процессов для последующего внедрения в современную социально-экономическую среду. В связи с этим следует подчеркнуть, что инверсия является одним из эффективных методов преодоления социально-экономических противоречий и несогласованных действий. Опыт показывает, что те законодательные акты, которые создавались без участия заинтересованных сторон, как правило, имеют существенные недостатки и осложняют регулирование процессов. И наоборот, — методики разработки, в основе которых лежат инверсии соединения и согласования (участие заинтересованных сторон с организацией координационного совета) дают положительные результаты.

Конечно, можно идти к таким инверсионным приемам опытным путем, путем проб и ошибок. Но можно существенно сократить этот путь и обогатить методiku принимаемых решений на основе историко-эвристических знаний и системы эффективных приемов их использования. При этом в процессе решения общественно важных проблем заинтересованные управленческие и правовые структуры могли бы существенно расширить круг проектировщиков инверсионных методик. Не следует эту важнейшую часть решения проблемы возлагать только на чиновников. Необходимо шире привлекать ученых-новаторов и специалистов смежных сфер деятельности. В США разработка проекта любого самолета ведется на конкурсной основе. Почему бы нам не использовать этот прием в управлении и праве? Но в этих сферах проектироваться могут и самостоятельные

инверсионно-целевые процессы. Простейшим примером служит антипроцесс, рассчитанный на устранение отрицательного явления. Последнее сначала подвергается историко-экономическому проблемно-ситуационному анализу. Затем на его основе конструируется процесс-антитеза. Более сложным вариантом является проектирование связанных, взаимодополняемых, кластерных процессов. Их основные признаки — системность, качественное разнообразие и мотивационно целевые установки. Если речь идет о социальных процессах, то мотивация должна иметь административно-правовую поддержку. Проектироваться могут также некоторые гуманитарные технологии, рассчитанные на преобразование духовно-производственной и, естественно, правовой культуры в отрасли хозяйства, группе предприятий или регионе. И в этом случае им также предшествует углубленное историко-экономическое проблемно-ситуационное исследование. Но его следует дополнить информацией, характеризующей инверсионный профиль и инверсионный потенциал объекта.

Все изложенное дает основание сделать следующие основные выводы:

1. В настоящее время усиление менеджмента межнаучных исследований является одной из главных, приоритетных задач, решение которой в значительной степени определит будущность современной науки.

2. Современные вузы должны постоянно осуществлять диагностику проблем и возможностей междисциплинарных исследований. Необходимо также их организационное и финансовое обеспечение.

3. Следует объединить усилия экономистов, управленцев и правоведов в целях ускоренного формирования междисциплинарно-прикладного раздела — историко-экономической эвристики.

4. Важным этапом в решении перечисленных проблем может стать разработка междисциплинарных научных проектов, нацеленных на совершенствование методологии исследований, теории и современной социально-экономической практики.

5. Поскольку в современной экономической действительности все отчетливее обнаруживается тенденция к интеграции и образованию инверсионно-диверсификационных структур (конгломераты, промышленные кластеры, технополисы), объединения кластерно-

инверсионного типа должны возникать и в науке. Сегодня это одно из неперенных условий обеспечения нового уровня ее познавательных возможностей и результатов.

6. Как было сказано, наука и образование являются неотъемлемой составной частью ядра развития социально-экономических систем. Поэтому всякое промедление с решением перечисленных проблем рано или поздно неизбежно скажется на развитии всей системы. Необходимы согласованные, активные, целенаправленные действия со стороны Министерства образования, вузов, академических учреждений и финансовых структур. Время не ждет.

Литература:

1. Г. Шмоллер. Народное хозяйство, наука о народном хозяйстве и ее место. М., 1902; Й. Шумпетер. История экономического анализа — Истоки. "Экономика", 1990; В. Ойкен. Основы национальной экономики. М. Экономика, 1996. М. Вебер. Избранные произведения. М., Прогресс, 1990; К. Ясперс. Смысл и назначение истории. М., Прогресс, 1994. и другие источники.

2. І. М. Пахомов. Конституція України і виконавча влада. — Право України. — 2002. — № 9. — С. 38-40.